M $\frac{58}{35}$

СКОРБИ ОВИДІЯ

(TRISTIA)

ПЕРЕВОДЪ

А. ФЕТА

МОСКВА. 1893

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.

СКОРБИ ОВИДІЯ

(TRISTIA)

ПЕРЕВОДЪ

А. ФЕТА

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.

1893

Дозволено цензурой. Москва, 14 апрѣля 1893 г.

Предисловіе.

Избѣгая повтореній, прошу читателя обратиться къ моему краткому очерку жизни Овидія, предпосланному переводу Превращеній. Тамъ находятся указанія на поводъ и на самое мѣсто сочиненія настоящихъ писемъ, раздѣленныхъ на пять книгъ подъ общимъ названіемъ Скорбей.

Радуюсь возникающимъ со всѣхъ сторонъ переводамъ древнихъ классиковъ, которыми я занимался послѣдніе годы моей жизни. Лучшимъ объясненіемъ усидчивыхъ моихъ трудовъ можетъ служить слѣдующее четверостишіе изъ Скорбей Овидія (V, 7, ст. 37—40):

Бодрствую же не для хвалъ, и не о будущей славѣ,
Имени томъ, что скрывать было бъ полезнѣй, пекусь.
Я занимаю трудомъ свой умъ и морочу страданья,
И стараюсь отвлечь этимъ заботы свои.

Переводчикъ.

СКОРБИ ОВИДІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ

СКОРБИ ОВИДІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Книжка малютка, пойдешь безъ меня, не завидую, въ городъ.
Горе, туда твоему нѣтъ господину пути!
Только иди безъ прикрасъ, какъ изгнанницѣ быть подобаетъ:
Бѣдная, этого ты времени обликъ носи.
Пусть не одѣнетъ тебя голубица пурпурной окраской,—
Этотъ цвѣтъ не къ лицу былъ бы годинѣ скорбей,—
Надписью сурикомъ пусть не красна или кедромъ страница,
Бѣлыхъ рожковъ не носи на зачерненномъ челѣ.
Пусть уборомъ такимъ украшаютъ счастливыя книжки,

I, 5. Vactinium, растеніе голубица, вродѣ гіацинта, коего сокъ, смѣшанный съ молокомъ, являлся пурпурною краской. Книжные свитки обыкновенно хранились въ желтой или пурпурной оболочкѣ изъ пергамента. I, 7. *Кедромъ*. Чтобы предохранить книги отъ червей, не исписанную обратную сторону натирали кедровымъ или другимъ благовоннымъ масломъ, а также шафранной краской. Заголовокъ представлялъ узкую полоску изъ пергамента или папируса, съ цвѣтнымъ начертаніемъ имени сочинителя и названія книги. I, 8. *Рожковъ*. Въ концѣ книги утверждалась скалка, вокругъ которой она завертывалась; выдающіяся по обоимъ концамъ разукрашенныя шишки назывались рогами. *Чело*. Обѣ стороны папируснаго или пергаментнаго свитка тщательно обрѣзались, сглаживались пемзой и окрашивались черной краской.

О судьбинѣ моей помнить пристало тебѣ.
Оба пускай и конца не наглажены хрупкою пемзой,
Чтобы шершавой на видъ волосы врознь ты была.
Также пятенъ ты не стыдись; кто такія увидитъ,
Чувствуетъ пусть, что мои слезы надѣлали ихъ.
Книжка, ступай и мѣстамъ дорогимъ поклонись моей рѣчью,
Чтобъ мнѣ какой ни на есть вѣрно достичь ихъ стопой.
Ежели кто, коли есть обо мнѣ не забывшій въ народѣ,
Ежели есть, что порой спроситъ, что дѣлаю я,
Разскажи, что я живъ, но чтобъ счастливъ я былъ, отрицай ты;
Да и въ томъ, что я живъ божескій вижу я даръ.
И молчи передъ тѣмъ, кто, читая, спроситъ о большемъ,
Чтобъ о недолжномъ порой не разсказать, берегись!
Тотчасъ припомнитъ мою вину упрежденный читатель,
И обвиненный пойду я у народа въ устахъ.
Ты защищать берегись, хоть будешь язвима словами:
Дѣлу недоброму лишь пуще защита вредитъ.
Встрѣтишь кого нибудь ты, кто вздохнетъ обо мнѣ, удаленномъ,
И не безъ слезъ на щекахъ эти стихи онъ прочтетъ,
И молчкомъ про себя, не заслышалъ бы злой, пожелаетъ,
Чтобъ наказанье мое Цезарь, смягчась, облегчилъ:
Я жь, кто бъ онъ ни былъ, молюсь, чтобы самъ тотъ не былъ несчастливъ,
Кто смягченья боговъ хочетъ несчастному мнѣ.
Сбудься желанье его, и гнѣвъ миновавшій владыки
Мнѣ возможность подастъ въ отчемъ дому умереть!
Какъ порученія ты, книжка, исполнишь, быть можетъ,
Примешь хулу и хвалу меньше, чѣмъ даръ у меня.

I, 12. *Волосы.* Махры папируса, не сглаженные обрѣзкой или пемзой, здѣсь сравнены съ всклоченными волосами человѣка, носящаго трауръ. I, 16. *Стопой.* Если я не въ состояніи собственными стопами приблизиться къ тебѣ, то пусть исполню это стихотворными.

Долгъ судьи разобрать поступокъ и время поступка,
Ежели время они разберутъ, ты будешь цѣла.
Пѣсни являются въ свѣтъ, исходя изъ яснаго духа:
Отъ неожиданныхъ бѣдъ пасмурно время мое.
Пѣснямъ нуженъ пріютъ и досугъ для того, кто ихъ пишетъ:
Море и вѣтры меня, злая кидаетъ зима.
Пѣснямъ вредитъ всякій страхъ, а я, теряясь, считаю,
Что надъ горломъ моимъ вотъ-вотъ повиснулъ ужь мечъ.
Что я столько творю, правдивый судья изумится
И писанья прочтетъ всякія, къ нимъ снисходя.
Дай Меонійца ты мнѣ и такихъ окружи его горемъ,
Пропадетъ отъ такихъ золъ дарованіе все.
Такъ не страшася молвы, отправиться помни ты, книжка,
И не понравишься хоть въ чтеніи, не устыдись.
Но не настолько ко мнѣ благосклоннымъ является счастье,
Чтобы ты вправѣ была цѣну давать похвалѣ.
Счастливъ доколѣ я былъ, желанье мной правило славы,
И пылалъ я душой имя себѣ пріобрѣсть.
Если на пѣсни теперь и на трудъ мнѣ зловредный не злоблюсь,
Будетъ того; породилъ даръ мой изгнанье мое.
Ты же ступай за меня, тебѣ можно, на Римъ погляди ты!
Дали бы боги, чтобъ днесь книжкой быть могъ я своей!
Хоть въ великую ты столицу идешь иностранкой,
Что безвѣстной вступить можешь народу, не мни.
И безъ заглавія будь, узнаютъ по самому цвѣту;
Скрытничать вздумаешь ты, будешь ты явно моей.
Тайно входи между тѣмъ, чтобъ вредить не могли мои пѣсни.
Благоволенья онѣ, уже какъ встарь, не полны.
Если найдется такой, кто за то, что моя ты, не станетъ
Даже читать, и тебя броситъ изъ пазухи вонъ,
Молви: „на надпись взгляни, вѣдь я не любви поучаю,

I, 47. *Меоніецъ*—Гомеръ. I, 66. *Изъ пазухи,* лежа на которой читающій держитъ нижній конецъ свитка.

Уже воспринялъ ту казнь, что заслужилъ онъ, мой даръ“.
Можетъ быть ждешь, что тебя въ высокій дворецъ посылая,
Я подняться велю также и въ Цезарскій домъ?
Свѣтлыя пусть мнѣ мѣста простятъ и мѣстные боги!
Съ этой выси въ мою голову молнія шла.
Правда, я помню, что въ тѣхъ жилищахъ кротчайшія силы
Неба, однако страшусь я поразившись боговъ.
Шумъ малѣйшій крыла приводитъ въ испугъ голубицу,
Что побывала въ когтяхъ ранена, ястребъ, тобой.
И не смѣетъ отъ стойлъ далеко овца отлучиться,
Что изъ зубовъ спасена алчнаго волка была.
Избѣгалъ бы небесъ Фаэтонъ, будь онъ живъ, и коснуться
Не захотѣлъ бы коней, коихъ безумно просилъ.
Каюсь и я, испытавъ, опасаюсь Зевесова грома.
Мню, коль гремитъ, чтобъ меня грозный огонь не сразилъ.
Кто Каферея избѣгъ изъ Арголійскаго флота,
Тотъ отъ Эвбейскихъ всегда водъ ставитъ вспять паруса.
И мой челнъ, уже разъ потрясенный могучею бурей,
Все боится идти къ мѣсту, гдѣ былъ поврежденъ.
Такъ ты, книжка, страшись, оглядись умомъ боязливымъ.
И довольствуйся, коль людъ тебя средній прочтетъ.
Какъ устремился Икаръ къ высотамъ чрезмѣрнымъ на крыльяхъ
Слабыхъ, прозваніе онъ влагѣ морской сообщилъ.
Трудно однако сказать отсюда, возьмешь ли ты въ помощь
Весла иль вѣтеръ; совѣтъ дѣло и мѣсто дадутъ.
Если бъ въ досугъ подступить ты могла; если бъ все увидала
Кроткимъ, когда бы и гнѣвъ силы свои сокрушилъ,
Если бъ нашелся такой, чтобъ сомнѣнье твое и опаску,
Передалъ и предъ тѣмъ малость замолвилъ, ступай
Въ добрый часъ ты туда, своего господина счастливѣй
Доходи и мои бѣдствія ты облегчи.

I, 68. Овидіево Искусство любви было предлогомъ изгнанія поэта изъ Рима.
I, 83. *Каферей,* мысъ, при которомъ греки, возвращавшіеся изъ подъ Трои, потерпѣли кораблекрушеніе.

Ибо ихъ или никто, или тотъ, кто раны нанесъ мнѣ,
Можетъ одинъ исцѣлить, взявъ съ Ахиллеса примѣръ.
Только смотри, чтобы не повредить, пожелавъ быть полезной!
Ибо страха въ душѣ меньше моей, чѣмъ надеждъ.
Гнѣвъ, что покоится, пусть возбужденный опять не проснется
И наказанія стать новой причиной страшись!
Но когда ты въ моихъ воспринята будешь покояхъ,
И въ округлую ты скрыню проникнешь, въ твой домъ,
То увидишь ты тамъ сестеръ, попорядку стоящихъ,
Коихъ въ безсонной ночи всѣхъ тотъ же трудъ породилъ.
Прочее сборище въявь заглавье открыто покажетъ,
И прозванья свои выставитъ явно на лбу.
Скрывшихся въ темномъ углу ты трехъ поодаль увидишь; —
Вѣдь поучаютъ онѣ, какъ всѣмъ извѣстно, любви.
Этихъ или бѣги, иль, духу коль хватитъ, зови ихъ
Эдиподами всѣхъ да Телегонами ты.
Увѣщеваю, изъ трехъ, коль въ тебѣ объ отцѣ есть забота,
Ни одной, хоть бы самъ онъ наущалъ, не люби.
Объ измѣненіяхъ формъ пятнадцать свитковъ тамъ тоже,
Пѣсни недавно съ моихъ схвачены тѣ похоронъ.
Имъ поручаю сказать, что между тѣлъ измѣненныхъ
Сопоставить и ликъ можно Судьбины моей.
Ибо внезапно она явилась несходною съ прежней,
Нынѣ плачевна, во дни оны была весела.
Много тебѣ поручить я нашелъ бы, ежели спросишь,
Но я причиною быть вялой задержки боюсь.
Ежели, книжка, ты все, что взбредетъ, унесла бы съ собою,

I, 100. *Съ Ахиллеса примѣръ,* который, ранивши подъ Троей царя Мизійскаго Телефа, сына Геркулеса и нимфы Авгеи, исцѣлилъ его ржавчиной того же дротика, которымъ нанесъ рану. I, 111. *Три* книги, Овидіево Искусство любви. I, 114. *Эдиподами да Телегонами,* т. е. отцеубійцами на подобіе Эдипа и Телегона, сына Улисса и Цирцеи, убившихъ своихъ отцовъ. I, 117. *Пятнадцатъ свитковъ,* 15 книгъ Превращеній. I, 118. Овидій нерѣдко сравниваетъ свой отъѣздъ изъ Рима съ похоронами.

То бы несущему ты стала обузой большой.
Путь далекъ, поспѣшай! буду жить я на крайней границѣ
Отъ родимой земли, въ самой далекой землѣ.

II.

Боги морей и небесъ,—что жь кромѣ молитвъ мнѣ осталось?—
Вы сотрясенной ладьи части щадите крушить,
Да не вторьте, прошу, великаго Цезаря гнѣву!
Часто коль богъ насъ гнететъ, богъ намъ на помощь иной.
Мульциберъ противъ Троянъ стоялъ, Аполлонъ за Троянцевъ,
Къ Тевкрамъ Венера была доброй, Паллада же злой.
На Энея въ сердцахъ помогала Сатурнія Турну,
Тотъ же Венеры межь тѣмъ былъ охраненъ божествомъ.
Часто жестокій Нептунъ гнался за лукавымъ Улиссомъ,
Часто Минерва изъ рукъ дяди хватала его.
Что же могло бъ воспретить и ко мнѣ, хоть до тѣхъ мнѣ далеко,
Если прогнѣвался богъ, богу на помощь придти?
Я напрасно, бѣднякъ, слова безполезныя трачу.
Говорящему въ ротъ плещетъ лихая волна,
Нотъ ужасный мои разноситъ слова, и моленьямъ
Къ тѣмъ возбраняетъ богамъ, къ коимъ я шлю ихъ, идти.
Такъ то и вѣтры все тѣ жь —не одно чтобъ меня оскорбляло,
Мчатъ паруса и мольбы наши, не знаю куда.

I, 127. *Буду жить я.* Эти слова указываютъ на то, что письмо это, сочиненное въ качествѣ придисловія по окончаніи всей первой книги, тѣмъ не менѣе написано еще до прибытія въ Томи. II, 6. *Къ Тевкрамъ,* Троянцамъ, по имени Троянскаго царя Тевкра. II, 7. *Сатурнія,* Юнона. *Турнъ,* предводитель Рутуловъ, павшій въ бою съ Энеемъ изъ за Лавиніи. II, 10. Нептунъ приходился *дядею* Минервѣ по Зевесу.

О я несчастный, изъ водъ какія вращаются горы!
Вотъ-вотъ до выси небесъ, мнится, достигнутъ онѣ.
Что за ущелья внизу при волнахъ залегаютъ разверстыхъ!
Вотъ-вотъ Тартара тьмы, мнится, достигнутъ они.
Всюду, куда погляжу, одно только море да небо:
То волненья полно, тучами это грозитъ.
Между обоихъ гудятъ съ ужасною силою вѣтры,
Слушаться власти какой, моря не знаетъ волна.
Ибо то Эвръ заберетъ съ востока румянаго силы,
То закатомъ зефиръ посланный позднимъ ужъ тутъ,
То холодный Борей отъ сухменной Медвѣдицы мчится,
То навстрѣчу чело Нотъ наклоняетъ на бой.
Кормчій въ сомнѣньи, чего избѣгать, къ чему править не знаетъ:
При обоюдныхъ бѣдахъ знанье само смущено.
Мнѣ, безъ сомнѣнья, пропасть и нѣтъ на спасенье надежды,
Какъ говорю я, лицо мнѣ заливаетъ волна.
Жизнь эту влага зальетъ и ртомъ молящимся тщетно
Смертоносную мнѣ воду придется испить.
Нѣжной супруги одной мое лишь прискорбно изгнанье,
Лишь объ одномъ этомъ злѣ знаетъ и тужитъ она.
Ей неизвѣстно, что хлябь безбрежная тѣло кидаетъ,
Ей неизвѣстно, что бьетъ вѣтеръ, и смерть настаетъ.
О хорошо, что со мной на корабль я вступить не дозволилъ,
Чтобы не вытерпѣть мнѣ, бѣдному, смерти вдвойнѣ!
Нынѣ хоть сгибну, но какъ ея не коснется опасность,
То половиной моей все же останусь я цѣлъ.
Горе мнѣ, какъ облака̀ проворнымъ огнемъ засверкали!
Съ круга воздушнаго тамъ что раздается за трескъ!
И ударяетъ волна въ боковыя доски не легче,
Чѣмъ балиста большой тяжестью стѣны разитъ.
Эта волна, что идетъ, превышаетъ собою всѣ волны,

II, 29. Большая Медвѣдица (Арктосъ) названа *сухменною*, потому что никогда созвѣздіе ея не опускается въ волны океана. II, 48. *Балиста*, метательная машина, кидающая громадные камни въ непріятельскія стѣны.

Передъ одиннадцатой послѣ девятой она.
Смерти я не боюсь, но родъ это смерти злосчастный.
Только крушенье отнять, явится смерть мнѣ какъ даръ.
Стоитъ чего отъ судьбы или меча погибая,
Въ стойкую землю свое тѣло скончавшись сложить,
И своимъ что либо наказать и ждать погребенья,
И не являть изъ себя пищу для рыбы морской.
Предположите, что я смерти стòю такой, но плыву я
Тутъ не одинъ; что жь за мной казнь неповинныхъ влечетъ?
О вы небесные и зеленые боги морскіе,
Сонмища оба своихъ уже не длите угрозъ:
И дарованную кротчайшаго Цезаря гнѣвомъ
Жизнь мнѣ дозвольте снести до предназначенныхъ мѣстъ.
Если хотите меня наказаньемъ разить заслуженнымъ,
Менѣе смерти мой грѣхъ и передъ самымъ судьей.
Если бъ къ Стигійскимъ волнамъ хотѣлъ ужъ послать меня Цезарь,
То не нуждался бы онъ въ помощи вашей на то.
Не алкаетъ моей его всемогущество крови;
Что даровалъ, то онъ самъ, если захочетъ, возьметъ.
Васъ же, которыхъ, я чай, никакимъ не задѣлъ я проступкомъ,
Будьте, прошу я, моей уже довольны бѣдой!
Все жь хоть несчастнаго всѣ сохранить пожелаете вмѣстѣ,
Той, что погибла, главѣ уже счастливой не быть.
Море уляжется пусть, и вѣтры мнѣ будутъ попутны,
Хоть пощадите меня, все жь мнѣ изгнанникомъ быть!
Не взалкавши богатствъ, себѣ безъ конца наготовить,
Чтобы товаръ обмѣнять, моря просторъ борозжу;
Я не въ Аѳины стремлюсь, куда я учиться стремился,
Не къ Азіатскимъ давно видѣннымъ мной городамъ,

II, 50. *Передъ одиннадцатой послѣ девятой,* т. е. десятая волна изображается здѣсь какъ самая громадная. II, 77—78. Овидій въ молодости съ другомъ своимъ поэтомъ Эмиліемъ Мацеромъ ѣздилъ въ Грецію и Малую Азію, откуда вернулся черезъ Сицилію.

Не для того, чтобъ, прибывъ къ Александрову свѣтлому граду,
Нилъ игривый, твои я наслажденья узрѣлъ.
Коль благосклонныхъ молю я вѣтровъ,—кто могъ бы подумать—
То вѣдь Сарматовъ земля, къ коей несутъ паруса.
Влѣво пристать мнѣ велятъ къ суровому берегу Понта;
Я жь, что такъ медленъ побѣгъ мой изъ отчизны, ропщу,
Чтобы Томитъ увидать, въ безвѣстныхъ предѣлахъ живущихъ,
При посредствѣ молитвъ свой коротаю я путь.
Если я вами любимъ, укротите толикія волны,
Пусть къ моему кораблю ваши добры божества.
Если скорѣе вы злы, къ землѣ меня сказанной правьте:
Часть наказанія мнѣ въ самой ужь этой землѣ.
Мчите—что дѣлать мнѣ здѣсь?—мое тѣло буйные вѣтры?
Что же мои паруса ищутъ Авзонскихъ бреговъ?
Цезарь того не хотѣлъ; кого гонитъ онъ, что держать вамъ?
Пусть Понтійская мой обликъ увидитъ земля.
И повелѣлъ онъ, и я заслужилъ; грѣхъ имъ осужденный
Нечестиво, по мнѣ, да и не слѣдъ защищать.
Если же смертныхъ дѣла никогда боговъ не обманутъ,
Знаете вы, что мой грѣхъ отъ преступленья далекъ.
Такъ, коль знаете вы, коль я увлеченъ былъ ошибкой,
Былъ безразсуденъ мой умъ, а не преступенъ онъ былъ.
Что и незнатнымъ дано, коль дому тому я былъ преданъ,
Если довольно съ меня Августа рѣчи прямой,
Если блаженнымъ назвалъ я вѣкъ его власти, и ладанъ
Цезарю, какъ и благимъ Цезарямъ я приносилъ:

II, 79. Александрія въ Египтѣ. II, 82. *Земля Сарматовъ* на сѣверѣ Чернаго моря. II, 83. На лѣвомъ западномъ берегу Чернаго моря находилось мѣсто ссылки Овидія—Томи. II, 92. *Авзонскихъ бреговъ*—Итальянскихъ. Противный вѣтеръ долго задерживалъ корабль Овидія въ Адріатическомъ морѣ, относя его вновь къ Итальянскому берегу. II, 102. *Августа рѣчи прямой*, кабинетскимъ указомъ, не сопровождаемымъ сенатскимъ рѣшеніемъ, какого Овидій былъ въ правѣ ожидать въ качествѣ римскаго гражданина. II, 104. *Цезарю*—

Если таковъ былъ мой духъ, меня пощадите вы, боги!
Нѣтъ, пусть зальетъ съ высоты голову, грянувъ, волна!
Я ошибаюсь или проясняются грозныя тучи,
И въ измѣненномъ идетъ морѣ на убыль волна?
Не случайно! но вы, къ кому я взывалъ подъ условьемъ,
Коихъ нельзя обмануть, помощь подайте вы мнѣ.

III.

Какъ начнетъ возникать печальнѣйшій образъ той ночи,
Что послѣднимъ моимъ срокомъ въ столицѣ была,
Какъ представляю я ночь, въ коей милаго столько оставилъ,
То и понынѣ изъ глазъ слезы текутъ у меня.
Ужь приближался и день, въ который приказывалъ Цезарь
Отъ границы отбыть крайней Авзоніи мнѣ.
Времени не было и присутствія духа собраться.
Долгою медленностью грудь цѣпенѣла моя.
Не было ни рабовъ, ни спутниковъ брать я не думалъ,
Ни подходящихъ одеждъ ссыльному или казны.
Остолбенѣлъ я, какъ тотъ, что, огнемъ пораженный Зевеса,
Живъ, и жизни своей самъ не способенъ сознать.
Но какъ самая боль туманъ съ души удалила,
И мой смыслъ наконецъ здравымъ содѣлался вновь,
Заговорилъ напослѣдъ я печальнымъ друзьямъ предъ уходомъ,
Коихъ изъ многихъ уже стало одинъ да другой.
Плачущаго жена, еще плача сильнѣй, обнимала
Любящая, и лился дождь съ неповинныхъ ланитъ;

Августу и *Цезарямъ*—усыновленному Тиверію и его племянникамъ Германику и Друзу. II, 109. *Подъ условіемъ* помочь ему, ежели правда то, что онъ говорилъ выше (ст. 99—104).

Дочь была вдалекѣ, къ берегамъ отлучившись Либійскимъ,
И о судьбинѣ моей вѣрнаго знать не могла.
На кого ни взгляни, только плачъ раздавался да вздохи,
И немолчный въ дому образъ предсталъ похоронъ.
Женщина, мужъ и рабы надъ моимъ погребеніемъ плачутъ,
И во всякомъ углу дома обиліе слезъ.
Ежели въ маломъ примѣръ приводить прилично съ большаго,
Трои это былъ видъ, какъ забирали ее.
Уже умолкли людей и собакъ голоса, и ночными
Управляла въ выси неба конями луна.
На нее посмотрѣвъ и затѣмъ Капитолій увидя,
Что вотще къ моему дому такъ близко стоялъ:
„Божества, я воззвалъ, живущія въ зданьяхъ сосѣднихъ,
Храмы которыхъ моимъ вѣкъ не увидѣть глазамъ,
Боги, мнѣ васъ покидать, которыхъ высокій Квирина
Городъ хранитъ, навсегда мой воспримите привѣтъ!
И хотя я берусь за щитъ послѣ раны и поздно,
Съ этого бѣгства межь тѣмъ злобы сложите вы грузъ;
Мужу небесному вы скажите, въ какую ошибку
Впалъ я, чтобы вину онъ преступленьемъ не счелъ.
Чтобы извѣстное вамъ узналъ наказанья создатель,
Богомъ помилованъ, быть я не несчастнымъ могу“.
Эту мольбу возсылалъ я богамъ, а больше супруга,
И рыданія ей звукъ прерывали рѣчей.
Передъ ларами тожь распустя волоса она пала,
И потухшій очагъ съ дрожью лобзали уста;
Много къ пенатамъ она отвернувшимся словъ расточила
Тѣхъ, что оплаканному мужу помочь не могли.
Уже и ночь, торопясь, отрицала возможность задержки,
Съ полюса прочь своего сшелъ Парразійскій медвѣдь.

III, 19. Дочь Овидія, вѣроятно, отъ второй супруги, уѣхала съ супругомъ въ Африку. III, 23. *Погребеніемъ* (см. выше пр. I, 118). III, 33. Ромулъ по смерти своей сталъ почитаемъ подъ именемъ Квирина. III, 37. *Мужу небесному,* Августу. III, 44. *И потухшій очагъ;* изгнанникамъ на родинѣ отказывалось въ огнѣ и водѣ. III, 48. *Парразійскій медвѣдь*, Большая Медвѣдица.

Что жь я могъ дѣлать? Я былъ любовью къ отчизнѣ задержанъ;
Эта жь указной была ссылки послѣдняя ночь.
О! какъ часто твердилъ торопящему я: „что ты гонишь?
Хоть куда ты спѣшишь или откуда взгляни“!
О! какъ часто я лгалъ предъ собою, что вѣрно намѣтилъ
Часъ, предназначенному благопріятный пути.
Трижды ступалъ на порогъ, и трижды меня отзывала
И замедлялась сама, сердцу покорна, нога.
Часто сказавши прости, говорилъ я многое снова,
И какъ бы уходя на послѣдяхъ цѣловалъ.
Часто приказывалъ тожь и себя обманывалъ самъ же,
Какъ на залоги глядѣлъ милые взорамъ моимъ.
И наконецъ: „что спѣшу? вѣдь въ Скиѳію шлютъ, я воскликнулъ:
Римъ покидать надлежитъ; медлить законно вдвойнѣ.
Заживо самъ я живой супруги лишаюсь навѣки,
Дома и въ вѣрномъ дому членовъ столь сладостныхъ мнѣ,
И товарищей, что любилъ я съ чувствами брата,
О вы сердца, что ко мнѣ вѣрность Тезея влекла!
Обниму васъ, пока возможно, и снова быть можетъ
Будетъ нельзя; каждый часъ, что мнѣ дается,—барышъ“.
Медлить нельзя, я слова прерываю неконченной рѣчи,
Все обнимая, что такъ близко душѣ для меня.
Я пока говорилъ, и мы плакали, въ небѣ высокомъ
Ярко сіяя взошелъ Люциферъ мнѣ роковой.
Отрываюся я, какъ бы члены свои оставляя,
И казалось, что часть тѣла рвалась отъ него.
Меттъ подобно страдалъ, когда, отвратясь другъ отъ друга,

III, 66. *Тезей*, коего дружба съ Пиритоемъ вошла въ пословицу. III, 72. *Люциферъ*, утренняя звѣзда. III, 75. *Меттъ* или Меттій Фуффетій, предводитель Албанцевъ, былъ въ качествѣ союзника призванъ на помощь Тулломъ Гостиліемъ противъ Фиденцевъ; но перешелъ на сторону врага. Тѣмъ не менѣе Туллъ побѣдилъ и, взявши Меттія въ плѣнъ, приказалъ привязать его руки и ноги къ двумъ врознь обращеннымъ колесницамъ и такимъ образомъ разорвать его.

За предательство мстить начали кони ему.
Тутъ у моихъ наконецъ поднялись восклицанья и вздохи,
И въ обнаженную грудь руки забили въ тоскѣ.
Вотъ и супруга, прильнувъ къ плечамъ уходящаго, эти
Грустныя рѣчи къ моимъ такъ примѣшала слезамъ:
„Вырванъ не можешь ты быть; мы вмѣстѣ отправимся, вмѣстѣ:
Я за тобой, и женой ссыльнаго ссыльной мнѣ быть.
И для меня этотъ путь и меня край свѣта восприметъ;
Бременемъ малымъ вступлю я на бѣгущій корабль.
Цезаря гнѣвъ уходить тебѣ велитъ изъ отчизны,
Преданность—мнѣ; и моимъ Цезаремъ преданность будь“.
Такъ убѣждала она, какъ убѣждала и прежде
И опустила едва руки, нуждѣ покорясь.
Я выхожу, или то погребеніе было безъ трупа.
Неопрятный спустивъ космы на сумрачный ликъ.
Та же безъ чувствъ, говорятъ, отъ горя не взвидѣвши свѣта,
Полуживой посреди дома повернулась ницъ;
Только очнулась она въ волосахъ испачканныхъ грязныхъ
Прахомъ и подняла хладные члены съ земли,
То, говорятъ, о себѣ, то о сирыхъ стонала пенатахъ,
Имя исторгнутаго мужа взывая не разъ,
И не меньше она стонала, какъ если бъ дочерній
Трупъ увидала и мой на возведенномъ кострѣ,
И порывалась она умереть и въ смерти забыться,
Но не погибла межъ тѣмъ, изъ сожалѣнья ко мнѣ.
Да живетъ! и вдали—если такъ судьба повелѣла—
Да живетъ, мнѣ своей помощью жизнь облегчать.

IV.

Погруженъ въ океанъ Эримантскій медвѣдицы сторожъ
И созвѣздьемъ своимъ хляби смущаетъ волну.
Мы жь не по волѣ своей Іонійское море взрѣзаемъ,
А вынуждаемся лишь страхомъ отважными быть.
О я несчастный! растетъ волна подъ какими вѣтрами,
Поднятый съ самаго дна моря вскипаетъ песокъ!
И не ниже горы на корму крутую и на носъ
Прыгаетъ, и на боговъ писанныхъ хлещетъ волна.
Глухо остовъ гудетъ сосновый, и свищутъ канаты,
И о мученьи моемъ самъ воздыхаетъ и киль.
Корабельщикъ, свой страхъ обличая блѣдностью хладной,
Ужь побѣжденный влекомъ, а не ведетъ корабля.
Какъ малосильный ѣздокъ безполезныя уже поводья
На неподатливую шею бросаетъ коня,
Такъ не куда захотѣлъ, а куда его волны уносятъ,
Вижу я, кормчій пустилъ и паруса корабля.
Такъ что если Эолъ измененныхъ не выпуститъ вѣтровъ,
То къ запрещеннымъ уже я понесуся мѣстамъ.
Ибо вдали за собой, когда Иллирія слѣва,
Уже Италія мнѣ, ставъ запрещенной, видна.
Чтобы вѣтръ пересталъ къ землѣ возбраненной стремиться
И покорился со мной мощному богу, прошу.
Какъ говорю и равно боюсь и хочу быть отброшенъ,
Съ силой какою волна шумно ударила въ бокъ!
Пощадите хоть вы, вы синіе боги морскіе,
Гнѣва Юпитера пусть будетъ довольно съ меня.
Душу усталую вы у злобной исторгните смерти,
Ежели тотъ, кто погибъ, можетъ не сгибнуть еще.

IV, 1. *Эримантскій медвѣдицы сторожъ,* Боотъ, проводникъ созвѣздія Колесницы или Большой Медвѣдицы. IV, 3. Корабль Овидія оставилъ наконецъ Адріатику. IV, 8. *На боговъ,* покровителей корабля, изображенныхъ на кормѣ. IV, 26. *Юпитера,* Августа. IV, 28. Новое приравненіе изгнанія къ смерти.

Ѵ

О ты, кого вспоминать мнѣ друзей всѣхъ приходится раньше,
О ты, кто болѣе всѣхъ жребій мой принялъ за свой,
Кто, дорогой мой, меня пораженнаго первый, я помню,
Обращенной ко мнѣ рѣчью дерзнулъ поддержать;
Кто мнѣ кроткій совѣтъ преподалъ въ живыхъ оставаться,
Какъ въ несчастной груди къ смерти явилась любовь,
Знаешь, кому говорю; вмѣсто имени ставлю я знаки,
Чтобы услуга твоя, другъ, не вредила тебѣ.
Это всегда у меня въ глубинѣ останется сердца,
И навѣки душой буду за это въ долгу,
И скорѣе мой духъ на воздухъ пустой испарится
И на горячемъ кострѣ кости покинетъ мои,
Чѣмъ забвенье заслугъ ко мнѣ закрадется въ душу,
И о любви этой я память утрачу когда.
Боги на помощь тебѣ, съ нуждой незнакомому, боги
Счастье тебѣ да пошлютъ, сходства не давши съ моимъ.
Но если бъ этотъ корабль уносимъ дружелюбнымъ былъ вѣтромъ,
Самая эта могла бъ вѣрность безвѣстной прибыть.
Пиритой бы не такъ почувствовалъ дружбу Тезея,
Если бъ къ подземнымъ водамъ онъ не спустился живой.
Чтобъ настоящей любви примѣромъ явился Фокеецъ,
Фуріи это твои сдѣлали, грустный Орестъ.
Если бъ не палъ Эвріалъ средь враждебныхъ Рутуловъ, славы
Нисъ Гиртацидъ бы себѣ не пріобрѣлъ никакой.

Ѵ, 19. Тезей сопровождалъ Пиритоя въ преисподнюю, чтобы помочь ему освободить Прозерпину, за что оба были ввергнуты въ оковы Плутономъ. Ѵ, 21. *Фокеецъ*, Пиладъ, сынъ Строфія и сестры Агамемнона, всюду слѣдовалъ за другомъ Орестомъ, преслѣдуемымъ Фуріями за убійство матери своей Клитемнестры. Ѵ, 23—24. Троянцы Эвріалъ и Нисъ, сопровождавшіе Энея, отважились отправиться въ лагерь царя Рутуловъ Турна и пали оба, не желая покинуть другъ друга (Эн. IX, 176).

Точно какъ на огнѣ испытуется желтое злато,
Такъ-то во времена тяжкія вѣрность видна.
Счастье покуда за насъ съ улыбкою свѣтлой на ликѣ,
За нетронутымъ всѣ слѣдовать рады добромъ;
А едва прогремитъ, всѣ бѣгутъ, никому тотъ невѣдомъ,
Кто толпами друзей только что былъ окруженъ.
Вотъ и то, что сбиралъ я когда-то изъ прошлыхъ примѣровъ,
Правдою нынѣ узналъ самъ я изъ собственныхъ золъ.
Два или три у меня изъ столькихъ друзей васъ осталось,
Прочихъ при счастьи толпа, а не при мнѣ та была.
Тѣмъ, о немногіе, вы сильнѣй помогайте въ невзгодахъ
И при крушеньи моемъ дайте надежный мнѣ брегъ,
Страхомъ пустымъ черезчуръ не трепещите въ боязни,
Чтобъ не обидѣлся какъ этимъ участіемъ богъ!
Часто онъ вѣрность хвалилъ въ оружіи даже враждебномъ,
Цезарь ее у своихъ любитъ и чтитъ у врага.
Дѣло то лучше мое, не радѣлъ я чужому оружью,
Это изгнаніе я лишь простотой заслужилъ.
Такъ за дѣломъ моимъ, умоляю тебя, наблюди ты,
Если притомъ божества можетъ умалиться гнѣвъ.
Если бъ узнать кто нибудь всѣ мои обстоятельства вздумалъ,
Бо̀льшаго тотъ бы желалъ, чѣмъ позволяетъ то вещь.
Сколько я вытерпѣлъ золъ, какъ звѣздъ въ эѳирѣ сіяетъ,
Сколько въ сухой и пыли мелкихъ частицъ состоитъ;
Сверхъ вѣроятнаго я вытерпѣлъ много, чему ты,
Хоть оно было, а все вѣры разумной не дашь.
Нѣкоей части со мной и умереть подобаетъ,
Да и хотѣлъ бы ее скрыть я молчаньемъ своимъ.
Если бы голосъ мой былъ неустаненъ, и грудь крѣпче мѣди,
Много бы и языковъ было во множествѣ устъ,
Съ этимъ однако же я всего бы не обнялъ словами,
Такъ какъ силы мои самъ превосходитъ предметъ.

Вмѣсто несчастій вождя Неритскаго пойте, поэты,
Вы мои: перенесъ больше Нерита я золъ.
Многіе годы лишь тотъ проблуждалъ на маломъ пространствѣ
Межъ Дулихійскихъ своихъ да Иліонскихъ домовъ;
А меня, что моря измѣрялъ разстояніемъ звѣзднымъ,
Къ Гетскимъ перенесло вотъ и Сарматскимъ брегамъ.
Съ вѣрнымъ отрядомъ былъ тотъ и при товарищахъ вѣрныхъ,
А при изгнаньи моемъ прочь убѣжали друзья.
Веселъ въ отчизну свою побѣдителемъ тотъ направлялся,
Я изъ отчизны бѣжалъ и побѣжденъ, и гонимъ.
Не въ Дулихіи домъ мой, не въ Итакѣ иль Самѣ,
Кара невелика въ этихъ мѣстахъ и не жить,
Но тотъ Римъ, что съ семи холмовъ весь міръ озираетъ,
Мѣсто могущества онъ и пребыванья боговъ.
Крѣпкимъ тотъ тѣломъ владѣлъ и на труды терпѣливымъ,
Избалованы и немощны силы мои.
Въ грозномъ оружіи онъ во всякое время носился,
Самъ я къ занятіямъ былъ нѣжнымъ всегда пріученъ.
Какъ меня богъ покаралъ, никто облегченья мнѣ не далъ,
Помощь богиня войны все подавала ему.
Меньше Зевеса хоть тотъ, кто вздутыми правитъ волнами,
Гнѣвъ Нептуновъ того гонитъ, Зевесовъ меня.
Ты прибавь, что его страданій часть большая—вымыслъ,
Не внесено никакой басни въ несчастья мои.
Онъ однако достигъ наконецъ желанныхъ пенатовъ
И ступилъ на поля, коихъ такъ долго искалъ;
Мнѣ же родимой земли навѣки лишеннымъ остаться,
Коль оскорбленнаго гнѣвъ бога не будетъ смягченъ.

V, 57. *Вождя Неритскаго,* Улисса, по имени горы Нерита на Итакѣ. V, 60. Принадлежащій Улиссу островъ Дулихій въ Іонійскомъ морѣ при устьяхъ Ахеллоя. V, 67. *Сама,* островъ Улисса близь Итаки. V, 75. *Богъ,* Августъ. V, 76. *Богиня войны,* Минерва. V, 78. *Зевесовъ,* Августовъ.

VI

Лида не столько была драгоцѣнна поэту Клароса,
Столько Биттида въ своемъ Койцѣ любви не нашла,
Сколько въ груди у меня живешь ты, супруга, достойна
Мужа не лучшаго, но съ меньше несчастной судьбой.
Подперто какъ столбомъ мое разрушенье тобою,
Если хоть что нибудь я и до сегодня,—твой даръ.
Ты такъ ведешь, что не сталъ я добычею и не обобранъ
Тѣми, что только достокъ ждали въ крушеньи моемъ.
Какъ грабитель, тѣснимъ гладомъ и жаждою крови,
Рвется къ овчарнѣ, никѣмъ не охраняемой, волкъ,
Или какъ жадный вокругъ озирается коршунъ, чтобъ тѣло
Гдѣ либо могъ увидать, что не покрыто землей,
Такъ не вѣдаю кто, въ суровые дни измѣнившій,
Шелъ мою собственность брать, коль допустила бы ты.
Этого доблесть твоя черезъ мощныхъ друзей устранила,
Должную коимъ нельзя и благодарность воздать.
Но одобритъ тебя столь несчастный какъ вѣрный свидѣтель,
Если какой либо вѣсъ здѣсь у свидѣтеля есть.
Не превосходитъ тебя ни супруга Гектора честью,
Ни что за мужемъ на смерть Лаодамія пошла.
Если бы жребій тебя надѣлилъ пѣвцомъ Меонійскимъ,
То Пенелопы была бъ слава второй за твоей.
Этимъ себѣ ль ты должна, поученій не знавши на вѣрность,
И добродѣтель тебѣ съ первымъ дарована днемъ,
Властная то ли жена, всѣ тобой почитаема годы,
Учитъ тебя образцомъ доброй являться жены,
И подобной себѣ содѣлала долгой привычкой,
Если съ великимъ равнять малыя можно дѣла.
Горе мнѣ, что у моихъ нѣтъ пѣсенъ силы великой,

VI. 1. *Поэта Клароса*: Антимахъ родомъ изъ Колофона въ Іоніи, вблизи города Клароса, гдѣ находился знаменитый храмъ Аполлона. VI, 2. *Койцъ*, поэтъ Филетасъ изъ Коса. VI, 25. *Властная жена*, супруга Августа Ливія·

И что уста у меня меньше твоихъ мнѣ заслугъ,
И коль раньше во мнѣ что и было живительной мощи,
Все погаснувъ отъ золъ долгихъ погибло совсѣмъ!
Первая средь героинь священныхъ мѣсто займешь ты,
Первая будешь блистать доблестями ты души;
Но насколько мои хваленія силъ возымѣютъ,
Ты во всѣ времена жить будешь въ пѣсняхъ моихъ.

VII

Ежели схожимъ съ моимъ лицомъ обладаешь ты снимкомъ,
То съ волосъ моихъ плющъ, Вакховъ вѣнокъ, ты сними,
Этотъ радостный знакъ веселымъ приличенъ поэтамъ,
Быть у меня на челѣ не подобаетъ вѣнцу.
То что, милый, тебѣ говорю, сокрой, но почувствуй
Ты, что на пальцѣ меня носишь да носишь своемъ,
И обдѣлавъ мое подобіе золотомъ желтымъ,
Милое ссыльнаго ты видишь, какъ можешь, лицо.
Какъ на него поглядишь, то вдругъ и промолвишь пожалуй:
„Какъ отъ насъ далеко нашъ сотоварищъ Назонъ“!
Дружба отрадна твоя, но пѣсни мои еще лучшій
Ликъ и, прошу, каковы есть онѣ, ты ихъ читай,
Пѣсни о формахъ людскихъ измѣненныхъ гласящія, самый
Этотъ оборванъ былъ трудъ бѣгствомъ несчастнымъ творца.
Я его уходя, какъ и много своихъ сочиненій,
Самъ своею рукой бросилъ съ тоскою въ огонь.
И какъ полѣномъ сожгла своего, по преданію, сына
Тестія, лучшей сестрой нежели матерью бывъ,
Такъ то свое я нутро, неповинныя книжки, на гибель

VII, 1. На камнѣ перстня. VII, 18. *Тестія*, Алтея, дочь Этолійскаго царя Тестія, мать Мелеагра, бросившая погашенное полѣно, связанное съ жизнію сына, въ огонь, и тѣмъ причинившая сыну смерть.

Вмѣстѣ съ собой положилъ въ быстро горящій костеръ;
Иль потому, что я Музъ не взлюбилъ, какъ свое обвиненье,
Иль потому, что была еще пѣснь выростая груба,
Но какъ онѣ не совсѣмъ уничтожены, а сущесгвуютъ
Списаны въ снимкахъ онѣ многихъ, какъ думаю я—
Нынѣ имъ жизни молю, чтобъ не праздные были досуги
Въ радость читателю и память хранили мою.
Но читаться никѣмъ онѣ терпѣливо не могутъ,
Кто не знаетъ, что ихъ не довершала рука.
Прямо отъ наковальни отторгнуто это творенье,
На сочиненьяхъ моихъ не былъ подпилокъ къ концу.
И снисхожденья прошу вмѣсто хвалъ; хвалы мнѣ довольно,
Если, читатель, тебѣ я не докучнымъ явлюсь.
Этихъ межъ тѣмъ шесть стиховъ на самомъ возглавіи книжки,
Если задумаешь ты выставить, то получай:
„Ты, что свитковъ сиротъ, лишенныхъ отца ихъ коснешься,
Мѣсто хоть только бы имъ въ Городѣ вашемъ нашлось!
Чтобъ благосклоннѣй ты былъ, не имъ они изданы были,
А какъ бы съ похоронъ ихъ господина взяты.
Если ошибки затѣмъ въ незрѣлой отыщутся книжкѣ,
Я исправилъ бы ихъ, если бъ возможность была“.

VIII

Вспять отъ моря къ своимъ ключамъ глубокія рѣки
Станутъ течь, и коней Солнце назадъ повернетъ,
Звѣзды земля понесетъ, небеса изрѣжутся плугомъ,
Пламень волна породитъ, воду испуститъ огонь,
Наперекоръ все начнетъ ходить законамъ природы,

VII, 21. *Какъ свое обвиненье*, такъ какъ Овидіево Искусство любви послужило Августу къ обвиненію поэта.

И ни одна міра часть свычнымъ путемъ не пойдетъ,
Уже сбудется все, чего отрицалъ я возможность,
И ничего нѣтъ, чему вѣры не должно давать.
Это пророчествую, потому что я въ томъ обманулся,
Кто несчастному мнѣ, думалъ я, помощь подастъ.
До того ли меня ты, лживый, предалъ забвенью,
Къ грустному ли подойти страхъ у тебя былъ такой,
Что ни назадъ не взглянулъ, ни лежащаго ты не утѣшилъ,
Черствый, и не пошелъ за погребеньемъ моимъ?
Дружбы священное и почтенное имя ужели
Словно презрѣнную вещь ты попираешь въ ногахъ?
Что жь было бъ тяжестію огромной сраженнаго друга
Увидать и хоть въ чемъ рѣчью своей облегчить,
И хотя бы и слезъ не ронять о моихъ злоключеньяхъ,
Все же нѣсколько словъ съ горемъ притворнымъ изречь,
И хоть то же, какъ то незнакомые дѣлаютъ, молвить
И за народнымъ идти голосомъ въ общихъ устахъ,
Дальше на горестный ликъ, котораго вѣкъ не увидѣть,
Въ день послѣдній, пока можно еще, поглядѣть,
Мой привѣтъ только разъ и не болѣ на цѣлые вѣки
Воспринять и равно вымолвить также прости?
Дѣлали это, не бывъ ни въ какомъ единеньи другіе,
И выраженія чувствъ, слезы роняли они.
Чтожь, иль сожитіемъ я и причинами важными не былъ
Связанъ долгіе дни, какъ и любовью, съ тобой?
Что жь, когда бы моихъ всѣхъ шутокъ, всѣхъ дѣлъ ты не вѣдалъ,
И не зналъ бы я самъ шутокъ и дѣлъ всѣхъ твоихъ?
Что жь, если бъ даже тебѣ въ одномъ я Римѣ знакомъ былъ,
Я, столь часто съ тобой бывшій во многихъ мѣстахъ?
Или же съ вѣтрами все морскими напрасно умчалось?
Или въ Литейскихъ водахъ было потоплено все?
Ты по мнѣ порожденъ не городомъ кроткимъ Квирина,
Городомъ, коего мнѣ уже нельзя посѣтить,

VIII, 14. *За погребеньемъ* (см. выше, I, 118).

А скалами, что вотъ по лѣвому берегу Понта
И на Сарматскихъ и на Скиѳскихъ суровыхъ хребтахъ,
И вкругъ сердца хранишь своего ты кремневыя жилы,
И желѣза родникъ тоже въ суровой груди,
Та и кормилица, что тебѣ грудь когда то младенцу
Нёбомъ давала сосать вволю, тигрица была:
Или бъ страданья мои не считалъ ты, какъ нынѣ, чужими,
И въ жестокости мной не былъ бы ты обвиненъ.
Но какъ это еще пріобщается къ злу роковому,
Чтобы такого конца прежнимъ не знать временамъ,
Сдѣлай, чтобъ этотъ я грѣхъ позабылъ, и тѣми жь устами,
Коими плачусь, хвалилъ я попеченье твое.

IX

Безпрепятственно пусть достигнешь жизни предѣла
Ты, что ко мнѣ безъ вражды этотъ читаешь вотъ трудъ.
И пускай за тебя мои были бъ сильны молитвы,
Что за меня не могли тронуть суровыхъ боговъ!
Въ счастьи покуда живешь, ты много друзей сосчитаешь,
А какъ туманные дни явятся, будешь одинъ.
Къ бѣлымъ, видишь ли, какъ несутся голуби кровлямъ,
Грязныя башни въ себя птицъ не пріемлютъ совсѣмъ?
Къ опустѣлымъ ларямъ никогда муравьи не стремятся,
Послѣ утраты добра другъ ни одинъ не придетъ.
Какъ сопутствуетъ тѣнь идущимъ въ сіяніи солнца,
Но какъ покроютъ его тучи, она убѣжитъ,
Такъ подвижная толпа слѣдитъ за блестками счастья:
Лишь въ набѣжавшей онѣ скроются тучѣ, уйдетъ.
Я бы желалъ, чтобъ тебѣ навсегда это ложнымъ казалось,
Но по судьбѣ моей то правдой признать надлежитъ.

IX, 8. *Грязныя башни*, высокія голубятни.

Какъ я стоялъ на ногахъ, то было толпы сколько хочешь,
Въ общезамѣтномъ хотя и не надменномъ дому.
Но какъ толкнули его, то всѣ убоялись паденья,
И, повернувшись спиной, мудро пустились бѣжать.
И не дивлюсь, что они боятся молній жестокихъ,
Коимъ вблизи ихъ огней свойственно все поджигать.
Но пребывающаго въ дѣлахъ затруднительныхъ другомъ
Хвалитъ Цезарь хотя бъ и въ ненавистномъ врагѣ,
И не вступаетъ во гнѣвъ,—вѣдь кротче не сыщещь другаго—
Если кто любитъ въ бѣдѣ то, что когда то любилъ.
Послѣ того какъ узналъ о другѣ Аргивца Ореста,
То, говорятъ, похвалилъ самъ же Пилада Тоасъ.
Та, что хранилъ Акторидъ къ великому вѣчно Ахиллу,
Вѣрность изъ Гекторскихъ устъ часто хвалима была.
Что добросердый Тезей шелъ къ манамъ сопутникомъ друга,
Этимъ, какъ говорятъ, тронутъ былъ Тартарскій богъ.
Какъ ты про дружбу узналъ, о Турнъ, Эвріала и Ниса,
Вѣрится, что по щекамъ слезы твои потекли.
Вѣдь состраданье къ бѣдамъ и у враговъ даже хвалятъ.
Какъ немногихъ—увы!—рѣчь эта тронетъ моя!
Вотъ положенье и вотъ моихъ дѣлъ состояніе нынѣ,
Что никакой бы слезамъ мѣры и быть не должно.
А у меня то, хотя при плачевнѣйшемъ собственномъ горѣ,
Стало на сердцѣ свѣтло ради успѣховъ твоихъ.
Это, мой дорогой, уже тогда я предвидѣлъ,
Какъ еще меньшій пока вѣтръ твой корабль уносилъ.
Ежели нравы иль жизнь, что не знаетъ изъяновъ, имѣютъ
Цѣну, какую, никто высшей не стоитъ цѣны;
Ежели кто возносилъ чело въ благородныхъ искусствахъ,—
Дѣло съ защитой твоей правымъ являлось всегда.

IX, 28. *Тоасъ*, царь Херсонеса Таврическаго, гдѣ Діанѣ приносились человѣческія жертвы, и куда прибыли Орестъ съ Пиладомъ. Когда жрица Діаны, сестра Ореста, Ифигенія хотѣла принести въ жертву одного изъ двухъ, каждый изъ нихъ желалъ умереть за друга. IX, 29. *Акторидъ*, Патроклъ, внукъ Актора. IX, 33. См. выше, V, 23–24.

Этимъ растроганъ тебѣ самому сказалъ я не медля:
„Поприще важное ждетъ, другъ, дарованья твои“.
Не нутро мнѣ овцы, не громъ раздавшійся слѣва,
Не языкъ, не крыло выжданной птицы рекли;
То пророчилъ мнѣ умъ и о будущемъ смѣтка:
Ими то я отгадалъ, свѣдѣнье въ нихъ получилъ.
Какъ оправдалось оно, тебя и себя поздравляю
Всею душою, что твой даръ не остался сокрытъ.
О когда бы вотъ мой въ глубочайшемъ мракѣ скрывался!
Свѣта не знать моему было бъ полезно труду.
Какъ, о рѣчистый, тебѣ искусства важныя въ пользу,
Также и вредъ принесли съ ними несходныя мнѣ.
Жизнь однако моя тебѣ вѣдома: знаешь, воздержанъ
Былъ отъ оныхъ искусствъ нравомъ творецъ ихъ межъ тѣмъ;
Знаешь, та старая пѣснь забава юноши только,
И не похвальныя пусть, все же то шутки однѣ.
Если проступковъ моихъ никакой защищать оговоркой
Невозможно, то ихъ можно, кажись, извинить.
Сколько есть силъ, извиняй и дѣлъ не чуждайся ты друга!
Какъ началъ ты хорошо, все хорошо и ступай.

X

Есть корабль у меня и молю, чтобъ онъ былъ подъ защитой
Русой Минервы; уборъ каски далъ имя ему.
Если вѣтрила нужны, при малѣйшемъ стремится онъ вѣтрѣ;
Ежели нужно весло, движимъ въ пути онъ гребцомъ.
Мало ему побѣждать товарищей бѣгомъ проворнымъ,

IX, 49. Признаки по которымъ предсказывали Авгуры. Авгуры при гаданіяхъ обращались лицомъ къ югу, и *громъ слѣва*, т. е. съ востока, считался счастливымъ предзнаменованіемъ. IX, 60. *Отъ оныхъ искусствъ*, Искусства любви. X, 2. На кормѣ корабля изображена была каска Минервы покровительницы.

Вышедшія напередъ онъ нагоняетъ суда;
И волненья онъ выноситъ и терпитъ онъ всплески
Моря въ него, и отъ волнъ ярыхъ не ломится врознь.
Онъ испытанный мной впервые въ Коринѳскихъ Ценхреяхъ,
Въ трепетномъ бѣгствѣ досель вѣрный товарищъ и вождь;
И при напастяхъ такихъ и вѣтрами злыми смятенномъ
Морѣ—Палладинымъ былъ онъ охраненъ божествомъ.
Нынѣ молю, чтобы онъ сохранно широкаго Понта
Устье разсѣкъ и вошелъ въ воды у Гетскихъ бреговъ.
Онъ какъ въ море меня Эоллійской Геллы доставилъ
И на узкомъ пути долгой стезею прошелъ,
Влѣво склонили мы бѣгъ и отъ города Гектора выйдя,
Имбріи берегъ, къ твоей пристани мы подошли.
Съ легкимъ вѣтромъ оттоль береговъ Церентійскихъ достигнувъ,
Въ Трейеційскій Самосъ прибылъ усталый корабль.
Тутъ стремящемуся скачёкъ до Темпиры короткій;
Онъ и досюда прошелъ за господиномъ своимъ.
Ибо пѣшкомъ мнѣ пройти захотѣлось Бистонскую землю,
Тотъ къ Геллеспонтскимъ водамъ снова вернулся назадъ,
И къ Дарданіи онъ, строителя имя носящей,

X, 9. *Ценхреи*, городъ и гавань близь Коринѳа въ Саронскомъ заливѣ. Овидій изъ Адріатическаго и Іоническаго морей вошелъ въ Коринѳскій заливъ къ Коринѳу. Здѣсь онъ перешелъ Истмъ и вступилъ въ Ценхреяхъ на другой корабль, на которомъ доплылъ до острова Самоѳракіи, гдѣ написалъ эту элегію. Этотъ корабль долженъ былъ съ имуществомъ поэта отправиться черезъ Геллеспонтъ въ Томи въ то время, какъ Овидій собрался на третьемъ кораблѣ доѣхать до Ѳракіи, чтобы пѣшкомъ отправиться до Томи. X, 14. *Устье*, Константинопольскій проливъ. X, 15. Гелла н[а]звана Эолійской, такъ какъ она внучка Эола. Но Овидій не плылъ черезъ Геллеспонтъ, а повернулъ влѣво къ Самоѳракіи, отсылая корабль назадъ къ Геллеспонту. X, 16. *На узкомъ пути*, объясняютъ прохожденіе узкимъ проливомъ между островами. X, 18. *Имбріи берегъ*. Имбросъ, островъ въ Эгейскомъ морѣ между Дарданельскимъ проливомъ и Самоѳракіей. X, 19. *Церентъ*, Самоѳракійскій городъ. X, 20. *Трейеційскимъ* или Ѳракійскимъ названъ Самосъ по причинѣ своей близости къ Ѳракіи. X, 21. *Темпира*, Ѳракійскій городъ между устьями Несса и Гебра. X, 22. *Онъ*, корабль. X, 23. *Бистонцы*, Ѳракійскій народъ. X, 24. *Тотъ*, корабль. X, 25. *Дарданія*, городъ въ Мизіи, на югъ отъ Абидоса.

И къ Лампсаку пошелъ богомъ хранимому нивъ,
И къ утѣсненнымъ волнамъ несчастно выплывшей дѣвы,
Гдѣ отъ Сестоса проливъ городъ Абида отторгъ,
И въ Цизикъ, что прильнулъ у береговъ Пропонтійскихъ
Люда Гемонскаго трудъ тотъ благородный Цизикъ,
Тамъ, гдѣ Понта уста къ берегамъ Византійскимъ подходятъ,
Это широкія тутъ моря двойнаго врата.
Тутъ то бъ пробрался, молю, и южными движимъ вѣтрами
Между подвижныхъ прошелъ непостоянныхъ Ціанъ,
Да чрезъ Тинійскій заливъ и оттоль къ Аполлонову граду
Пусть къ Анхіала стѣнамъ мрачнымъ направитъ онъ путь,
Портъ Мезембрійскій оттоль какъ и Одессу и выси,
Что твоимъ именемъ, Вакхъ, названы, пусть проминетъ,
И жилища, куда, изъ стѣнъ изойдя Алкатоя,
Бѣглые, какъ говорятъ, ларовъ своихъ принесли.
Пусть невредимъ онъ оттоль придетъ къ Милетійскому граду.
Гнѣвъ оскорбленнаго мной бога куда меня шлетъ.
Только бъ дошелъ, принесу овцу за заслуги Минервѣ:
Большая жертва къ моимъ средствамъ не можетъ идти.
Вы жь, Тиндариды, кого почитаетъ сей островъ и братья

X, 26. Тамъ же городъ Лампсакъ, въ которомъ чтился богъ полей Пріапъ. X, 27. *Дѣвы*, Геллы. X, 28. *Сестосъ*, на Ѳракійскомъ берегу Геллеспонта; *Абидосъ* на Мало-Азіатскомъ. X, 30. *Цизикъ*, городъ въ Мизіи у Пропонтиды (Мраморнаго моря), выстроенный Ѳессалійскимъ Аргонавтомъ Энеемъ, отцомъ Цизика. X, 31. *Понта уста*, Костантинопольскій проливъ. X, 32. *Моря двойнаго*, Мраморнаго и Чернаго. X, 34. *Ціаны* или Симплегады, двѣ скалы у входа въ Черное море, которыя, будучи подвижными, пропустили Аргонавтовъ проплыть между ними, только когда послѣдніе, по совѣту Финея, послали впередъ голубя. X, 35. *Тинійскій заливъ* у мыса Тиніаса во Ѳракіи, на Черномъ морѣ. *Аполлонія* на томъ же берегу на сѣверъ отъ Тинійскаго залива. X, 36. *Анхіалъ*, городъ еще далѣе къ сѣверу. X, 37. *Мезембрія*, городъ еще болѣе къ сѣверу. *Одесса* на сѣверъ отъ мыса Гема. X, 38. Городъ Діонисополь. X, 39. *Жилища*, городъ Бизонъ. *Алкатой*, сынъ Пелопса, царя Мегарскаго. X, 41. *Милетійскому*, Томи. Томи, колонія греческаго города (см. кн. III, эл. IX, 2) и находилась на берегу Чернаго моря въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ устьевъ Дуная. X, 43. *Заслуги Минервѣ* (см. 1-й ст. этой элег.). X, 45. *Тиндариды*, Касторъ и Поллуксъ. *Сей островъ*, Самофракія, на которой очевидно написана настоящая элегія.

Кроткимъ, молю, божествомъ путь охраняйте двойной!
Ибо одинъ хочетъ киль чрезъ Симплегады тѣсниться,
А Бистонійскую хлябь хочетъ другой разсѣкать.
Сдѣлайте, чтобы, когда къ мѣстамъ мы различнымъ стремимся,
Съ вѣтромъ своимъ шелъ одинъ, также съ своимъ и другой.

XI

Ты какое бъ письмо ни прочелъ изъ цѣлой тутъ книжки,
Въ безпокойное мной писано время пути.
Въ мѣсяцѣ ли декабрѣ, когда дрожалъ я отъ стужи,
Пишущимъ это видалъ Адрій средь моря меня;
Или когда перейдя двуморскій Истмъ по дорогѣ
И другой ужь корабль былъ для побѣга мной взятъ,
Что сочиняю стихи подъ грохотъ озлобленный моря,
На удивленье, кажись, было Эгейскихъ Цикладъ.
Самъ я понынѣ дивлюсь, что при подобномъ волненьи
Духа и моря совсѣмъ не уничтоженъ мой даръ.
Тупостью ли обозвать то занятіе или безумствомъ,
Весь приподнятъ мой духъ этой заботою былъ.
Часто дождливыми былъ я Гедами сильно бросаемъ,
Часто Стеропы звѣздой грозенъ у моря былъ видъ,
Также былъ день омраченъ Эримантской медвѣдицы стражемъ,

X, 47. *Симплегады* (см. выше ст. 34). Одинъ корабль стремится черезъ Константинопольскій проливъ съ имуществомъ поэта въ Томи, а другой стремится везтя его во Ѳракію по Ѳракійскому морю. XI, 3. Въ декабрѣ 9-го года по Р. Хр. Овидій уѣхалъ изъ Рима. XI, 5. *Двуморскій Истмъ*, Коринѳскій перешеекъ. XI, 8. *Циклады*, острова въ Эгейскомъ морѣ. XI, 13. *Дождливыми Гедами*, непогожее созвѣздіе Козлятъ. XI, 14. *Стеропа*, одна изъ Плеядъ, XI, 15. *Эримантской медвѣдицы стражемъ*, Боотомъ (см. выше эл. IV, ст. 1 и 2).

Или же вѣтеръ водой поздней Гіадъ напоялъ,
Моря нерѣдко внутри была часть, а все же дрожащей
Я рукою писалъ пѣсни, какія ни есть.
Вотъ затронутые Аквилономъ свищутъ канаты,
И подобно холму выгнувшись влага встаетъ,
Самъ и кормчій подъялъ свои руки къ небесному своду
И объ искусствѣ забывъ помощи проситъ въ мольбахъ.
И куда ни взгляну, ничего кромѣ образа смерти,
Коей смущенный страшусь и, устрашаясь, молю.
Если я въ пристань войду, устрашитъ меня самая пристань:
Больше пугаетъ земля, чѣмъ злое море меня.
Ибо коварствомъ людей и моря терзаемъ я разомъ,
И вселяетъ двойной страхъ мнѣ и мечъ, и волна.
Я опасаюсь, чтобъ тотъ не желалъ моей крови въ добычу,
Эта желаетъ хвалу смерти моей заслужить.
Варваровъ влѣво страна и къ хищнымъ привычна разбоямъ,
Въ ней и убійство и кровь, также и войны всегда.
Хоть и волненіями встревожено зимними море,
Разволнована грудь самаго моря сильнѣй.
Тѣмъ скорѣй извинить ты долженъ, любезный читатель,
Ежели это какъ есть ниже надежды твоей.
Ни въ садахъ у себя, какъ нѣкогда это писалъ я,
Свычное ложе, не ты тѣло пріемлешь мое.
Зимней порою меня швыряетъ по буйнѣ пучинѣ,
Даже на самый и листъ синею брызжетъ водой.
Злая враждуетъ зима, раздражена, что дерзаю
Я писать, хоть она мнѣ такъ жестоко грозитъ.
Сдайся зимѣ человѣкъ! Но въ то же я время желаю,
Чтобъ положилъ я конецъ пѣснѣ, она же—себѣ.

XI, 16. *Гіадъ*, семизвѣздіе на головѣ быка, предвѣщавшее дождикъ.
XI, 17. *Внутри*, въ кораблѣ.

СКОРБИ ОВИДІЯ.

КНИГА ВТОРАЯ

СКОРБИ ОВИДІЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

I

Что мнѣ за дѣло до васъ, забота несчастная, книжки,
Бѣдному, что погубленъ самъ дарованьемъ своимъ?
Снова вину свою, Музъ осужденныхъ зачѣмъ призываю
Иль наказаніе разъ мало еще заслужить?
Пѣсни содѣлали то, что меня познать захотѣли
Мужи и жены, плохимъ ставъ предвѣщаніемъ мнѣ:
Пѣсни содѣлали, что меня и нравы замѣтилъ
Цезарь, когда увидалъ только Искусство мое.
Трудъ у меня отними, и жизни упрекъ ты отнимешь.
Я къ стихамъ отношу, что виноватымъ сочтенъ.
Эту награду заботъ, какъ и безсонныхъ усилій
Я стяжалъ; пріобрѣлъ мой наказаніе даръ.
Будь я уменъ, подѣломъ бы ученыхъ сестеръ ненавидѣлъ,
Божества, что во вредъ стали поклоннику ихъ.
Нынѣ же—таково при моемъ страданьи безумство—
Бѣдную ногу къ тому жь камню я снова несу:
Такъ побѣжденный спѣшитъ на арену опять гладіаторъ,
И поврежденный корабль въ грозныя волны идетъ.
Можетъ быть, какъ въ старину владыкѣ Тевтрантскаго царства,

I. 19. *Владыкѣ Тевтрантскаго царства*, Телефъ, наслѣдникъ царя Мизійскаго Тевтранта, см. кн. I, I, 100.

То же, чѣмъ раненъ я былъ, мнѣ же и помощь подастъ;
Муза, что вызвала гнѣвъ, и вызванный тожь успокоитъ;
Пѣсни умѣютъ склонять часто великихъ боговъ.
Самъ же Цезарь велѣлъ матерямъ и дщерямъ Авзонскимъ
Славословія пѣть башней увѣнчанной Опсъ.
Пѣть и въ честь Феба велѣлъ въ то время, какъ игры справлялъ онъ,
Кои столѣтье одно видитъ однажды всего.
По примѣрамъ такимъ о если бы, Цезарь кротчайшій,
Предъ дарованьемъ моимъ нынѣ смягчился твой гнѣвъ.
Точно онъ справедливъ и мной, сознаюсь я, заслуженъ;—
Не до того съ моего стыдъ удалился лица—
Не согрѣши я межь тѣмъ, то въ чемъ и прощать то бы могъ ты?
Поводъ къ прощенію мой жребій тебѣ подаетъ.
Еслибъ за каждымъ грѣхомъ людскимъ Юпитеръ кидалъ бы
Молніи, въ срокъ небольшой онъ безоруженъ бы сталъ;
Онъ же, когда прогремитъ, пугая грохотомъ землю,
Проясняетъ эѳиръ, какъ поразгонитъ дожди.
Вотъ и по праву отцомъ и владыкой боговъ онъ зовется,
И по праву во всемъ мірѣ всѣхъ больше Зевесъ.
Ты жь, какъ отечества ты зовешься отцомъ и владыкой,
Нрава держись божества, имя носящаго то жь.
Это и дѣлаешь ты, и не былъ никто въ состояньи
Государства бразды кротче держать своего.
Часто ты сторонѣ давалъ побѣжденной пощаду,
Ту, что не далъ бы тебѣ кто побѣдителемъ сталъ.
Многихъ я тоже видалъ, награжденныхъ казной и почетомъ,
Что оружье несли противъ твоей головы.
День, что войну прекращалъ, былъ концомъ тебѣ бранваго гнѣва,
Стороны обѣ во храмъ вмѣстѣ вносили дары.

1. 24. Богиня *Опсъ*, жена Сатурна, была украшена стѣннымъ вѣнцомъ.
I. 26. Столѣтнія игры.

Какъ и воинъ твой радъ тому, что врага побѣдилъ онъ,
Такъ побѣжденному есть радости поводъ врагу.
Дѣло то лучше мое, обо мнѣ не скажутъ, что шелъ я
Въ лагерь противный или вражеской силѣ вослѣдъ.
Моремъ клянусь и землей, къ тому жь божествомъ еще третьимъ,
Предстоящимъ и всѣмъ видимымъ богомъ—тобой,
Что былъ этой душой тебѣ, мужъ высокій, я преданъ
И, чѣмъ только я могъ, былъ въ помышленьяхъ твоимъ.
Я желалъ, чтобъ взошелъ ты поздно ко звѣздамъ небеснымъ,
Малою частью толпы съ той же молитвой я былъ;
Набожно ладана несъ за тебя за одно я со всѣми,
Къ общимъ моленіямъ тожь я пріобщалъ и свои.
Книги зачѣмъ помяну, хоть ставшія мнѣ обвиненьемъ,
Что въ нихъ тысячи мѣстъ именемъ полны твоимъ?
Въ большій трудъ загляни, что досель безъ конца пребываетъ,
О превращенныхъ тѣлахъ въ невѣроятную стать:
Вашего имени тамъ ты восхваленіе встрѣтишь,
Тамъ залоговъ души много ты встрѣтишь моей.
Не прѣбываетъ твоя слава отъ пѣсенъ, и чѣмъ бы
Ей еще большей возрость, этого нѣтъ для нея.
Слава Зевесу ничто, но ему его дѣлъ оглашенье
И предметомъ предстать пѣсни отраду даетъ,
Какъ Гигантской войны припоминаютъ сраженья,
То вѣроятно, что онъ радъ восхваленьямъ своимъ.
Славятъ другіе тебя достойною рѣчью и съ большимъ
Дарованьемъ твои громко поютъ похвалы.
Все жь, какъ и сотни быковъ пролитой крови, такъ точно
И незначительной радъ почести ладана богъ.
О! суровъ и ко мнѣ всѣхъ былъ враговъ жесточайшимъ,
Кто лишь проказы мои передъ тобою читалъ!
Ибо сколько жь тебя прославляющихъ пѣсенъ могли бы

I. 65. Въ пятнадцатой книгѣ Превращ. ст. 857—868.

Въ книжкахъ моихъ прочтены быть съ благосклонной душой!
Но при гнѣвѣ твоемъ кто жь могъ моимъ другомъ остаться?
Чуть въ то время и самъ не былъ своимъ я врагомъ.
Какъ подаваться начнетъ потрясенный домъ, то вся тяжесть
На склонившіяся части повалится вдругъ,
Все расходится врознь, какъ трещина выйдетъ случайно.
Собственной увлечено тяжестью рушится все.
Ненависть такъ то людей создана моей пѣсней, и слѣдомъ,
Какъ подобало, толпа взглядомъ твоимъ увлеклась.
Но, я помню, мою ты жизнь и нравы одобрилъ,
Какъ проходилъ на конѣ я подаренномъ тобой.
(Ежели пользы въ томъ нѣтъ и похвалъ никакихъ не бываетъ
Честности, все же вины не было тутъ никакой).
И недурно была мнѣ судьба вручена осужденныхъ
И тотъ споръ, что судить стамъ приходилось мужамъ.
Частныя тоже дѣла я рѣшалъ какъ судья безпристрастный,
И съ побѣжденной сочтенъ правымъ я былъ стороны.
О я несчастный! вѣдь могъ, не будь мнѣ послѣдній на гибель,
Быть не однажды спасенъ я приговоромъ твоимъ.
Былъ я послѣднимъ сгубленъ, и на дно погрузила
Буря одна столько разъ не поврежденный корабль.
И не малая часть меня бездны сгубила, а волны
Всѣ на эту главу рухнули и океанъ.
Видѣлъ я нѣчто зачѣмъ? глазами зачѣмъ согрѣшилъ я?
Неосторожный, зачѣмъ я о проступкѣ узналъ?
Невзначай увидалъ Актеонъ безъ одежды Діану:
Тѣмъ не меньше своихъ сталъ онъ добычей собакъ.
И у небесныхъ то знать искупать случайности должно,
И если богъ оскорбленъ, случай не будетъ прощенъ.
Въ этотъ день, какъ я былъ увлеченъ несчастной ошибкой,

I. 90. Во время transvectio. Черезъ каждыя пять лѣтъ всадники, ведя своихъ коней въ поводу, торжественно проходили мимо цензора. Если всадникъ въ чемъ провинился или уменьшилъ свое состояніе, то цензоръ приказывалъ ему продать лошадь и тѣмъ объявлялъ его лишеннымъ званія всадника.
I. 105. *Актеонъ*, см. Ов. Пр. III, 131—252.

Правда, погибъ небольшой, но незапятнанный домъ;
Такъ однако же малъ, что съ отцовскаго поля считался
Виднымъ не менѣе онъ и благороднымъ другихъ,
И ни бѣдностію, ни богатствомъ своимъ не замѣтенъ;
Такъ что межъ тѣмъ и другимъ всадника надо бъ считать.
Ежели домъ мой и малъ по имуществу или пронырству,
То навѣрно не скрытъ онъ дарованьемъ моимъ.
Хоть бы казалось, что имъ владѣлъ я до крайности молодъ,
Но во вселенной несу имя великое я,
И ученыхъ семья Назона знаетъ и смѣетъ
Сопричислить его къ ненадоѣвшимъ мужамъ.
Избранный Музами домъ рухнулъ поэтому только
Изъ за одной, но зато немаловажной вины;
Рухнулъ однако же такъ, что могъ бы подняться, когда бы
Оскорбленнаго могъ Цезаря гнѣвъ замереть,
Коего такъ подъ конецъ велико милосердіе въ карѣ,
Что появилось оно мягче, чѣмъ въ страхѣ я ждалъ.
Жизнь дарована и отъ смерти твой гнѣвъ отступился,
О, какъ воздержно ты, вождь, силы свои приложилъ!
Надо прибавить, что ты родоваго не отнялъ наслѣдства,
Точно какъ будто бы жизнь даромъ была небольшимъ.
Ты мой грѣхъ осудилъ не приговоромъ сената,
И изгнанье изрекъ мнѣ не избранный судья:
Грозныя молвилъ слова—такъ это вождя и достойно—
Самъ за обиды свои ты, какъ прилично, отмстилъ.
Ты прибавь приговоръ, хотя и строгій и грозный,
Кротокъ въ названьи межъ тѣмъ и наказанія былъ:
Вѣдь именуюся въ немъ я удаленнымъ, не ссыльнымъ,
О судьбинѣ моей есть тамъ отдѣльно слова.
Здравому въ полномъ умѣ хоть нѣтъ наказанья тяжелѣ,
Чѣмъ не по нраву ему мужу такому прійтись;
Но бываетъ межъ тѣмъ божество къ примиренію склонно,
Тучу разсѣявъ порой свѣтлый является день.

I. 137. Удаленіе (relegatio) было введенною Августомъ смягченною формою ссылки безъ потери гражданскихъ правъ и состоянія.

Отягченный я ильмъ виноградными лозами видѣлъ
Тотъ, что грозною былъ молніей Зевса задѣтъ.
Если бъ надѣяться ты запретилъ, я все бъ былъ въ надеждѣ;
Это возможно одно при запрещеньи твоемъ.
Всходитъ надежда во мнѣ, коль взгляну, кротчайшій владыка,
Я на тебя; а на свой грѣхъ, — то поникнетъ она.
Точно какъ у вѣтровъ, волнующихъ воздухъ, ихъ ярость
Не одинакова и не непрерывна ихъ злость;
А успокоются вдругъ и въ перемежку безмолвны,
И подумаешь, что силы лишились они.
Такъ уходятъ и вновь измѣнясь мои страхи приходятъ
И надежду тебя умолить то дадутъ, то возьмутъ.
Пусть же во имя боговъ, что шлютъ и да шлютъ тебѣ годы
Долгіе, коль дорожатъ именемъ Римскимъ они,
И отечества, что при тебѣ какъ отцѣ безопасно,
Въ коемъ недавно еще членомъ народа я былъ, —
Такъ пусть любовь, что всегда стяжалъ ты душой и дѣлами,
Благодарный тебѣ Городъ какъ долгъ воздаетъ;
Общіе годы съ тобой пусть Ливія также проводитъ
Та, что супругою быть только достойна твоей,
Та, коей только не будь, холостымъ тебѣ быть подобало бъ,
Нѣту такой, для кого могъ бы супругомъ ты быть;
Такъ со счастливымъ съ тобой будь сынъ твой счастливъ, чтобъ правилъ
Нѣкогда этой страной онъ при старѣйшемъ старикъ;
Какъ поступаютъ твои, созвѣздіе юное, внуки,
Слѣдомъ дѣяній твоихъ пусть и отцовскихъ идутъ;
Къ лагерю такъ твоему всегда привычна, Побѣда
Нынѣ пусть снова идетъ слѣдомъ знакомыхъ значковъ,
Пусть на обычныхъ крылахъ вкругъ Авзонскаго вьется владыки
И лавровымъ вѣнцомъ волосъ украситъ того,

I. 165. *Сынъ твой* — Тиверій, сынъ Ливіи, усыновленный Августомъ.
I. 167. *Внуки*, Друзъ, сынъ Тиверія, и Германикъ, имъ усыновленный.

Кѣмъ ты войны ведешь и чьею грудью ты бьешься,
Коему высшую власть далъ и боговъ ты своихъ,
(Ты половиной своей здѣсь и блюдешь надъ столицей,
А половиной вдали грозныя войны ведешь);
Такъ да вернется къ тебѣ онъ, сраженныхъ враговъ побѣдитель,
И блеститъ съ высоты лавромъ вѣнчанныхъ коней!—
Сжалься, прошу, убери свою молнію, грозныя стрѣлы,
Стрѣлы, увы! бѣдняку слишкомъ знакомыя мнѣ!
Сжалься, отчизны отецъ, и, помня объ этомъ прозваньи,
Не отнимай у меня на всепрощенье надеждъ!
Не о возвратѣ прошу, хотя великіе боги
Часто дарили того, кто и о большемъ молилъ:
Если просящему дашь ты изгнанье помягче, поближе,
Часть большая тогда снимется кары моей.
Крайнее я выношу, къ врагамъ въ середину заброшенъ,
И отъ родимой страны дальше изгнанника нѣтъ.
Высланъ одинъ я въ конецъ семіустаго Истра, холоднымъ
Парразійской притомъ дѣвы созвѣздьемъ томимъ.
(Гетовъ, Колхійцевъ, Яцигъ, какъ и толпу Меретійцевъ
Водъ Данувійскихъ едва въ силахъ сдержать быстрина).
Если другіе тобой за дѣла изгонялись важнѣе,
Дальше меня никому не назначалась страна.
Дальше ужь нѣтъ ничего, окромя враговъ здѣсь да стужи
И волны той морской, что застываетъ въ морозъ.
Лѣвая Римская часть Эвксина доходитъ досюда,
Больше Бастерны затѣмъ и Савроматы живутъ.
Это земля всѣхъ позднѣй явилась подъ властью Авзонской
И едва на краю жмется владѣній твоихъ.
Умоляю, отсель сошли меня въ вѣрное мѣсто,

I. 174. *Боговъ* (auspitium). Только высшій начальникъ имѣлъ право вопрошать боговъ посредствомъ auspitium. I. 189. *Истръ*, Дунай. I. 190. *Парразійской дѣвы*, Каллисты, дочери Парразійскаго (Аркадск.) царя Ликаона, въ видѣ созвѣздія Большой Медвѣдицы. I. 197. Лѣвая сторона Эвксинскаго Понта при выходѣ изъ Босфора. Тамъ находилось Томи. I. 198. *Савроматы*, Сарматы и Достерны, народы на сѣверѣ Чернаго моря.

Чтобы съ отечествомъ я не былъ и мира лишенъ,
Чтобъ я народовъ, что Истръ еле въ силахъ сдержать, не боялся
И гражданинъ твой плѣненъ я бы не могъ быть врагомъ.
Недопустимо, чтобъ кто изъ крови Латинской рожденный
Варваровъ цѣпи носилъ, ежели Цезари есть.
Какъ погубили меня два проступка—пѣснь и ошибка,
Въ дѣлѣ одномъ про вину мнѣ умолчать надлежитъ;
Ибо не стою я, чтобъ обновить твои раны мнѣ, Цезарь,
Коему слишкомъ уже было и разъ поскорбѣть.
Остается та часть, гдѣ гнусною выставленъ пѣснью
Любодѣяній срамныхъ явнымъ наставникомъ я.
Стало быть можетъ же что обмануть небесное сердце?
И есть многое, что знать слишкомъ мелко тебѣ.
Какъ охраняющему боговъ и высокое небо
Недосугъ о дѣлахъ мелкихъ Зевесу радѣть,
Такъ ли когда отъ тебя ты зависящій міръ озираешь,
Отъ заботы твоей все что пониже бѣжитъ?
Подлинно царства глава ужель, свое мѣсто оставя,
Сталъ бы въ неравныхъ стопахъ ты пѣснопѣнья читать?
Не такая гнететъ тебя Римскаго имени тяжесть,
И на плечахъ твоихъ несть грузъ не настолько легко,
Чтобъ ты свое божество обратить могъ на глупыя шутки,
И досуги мои самъ бы глазами пыталъ.
То придется смирять Паннонца, то край Иллирійскій,
Рецію страхъ наведетъ или Ѳракія мечемъ;
То Арменецъ съ мольбой о мирѣ, то лукъ простираетъ
Трепетной дланію Парѳъ конный съ значками, что взялъ;
То тебя юношею Германія чувствуетъ въ сынѣ,
И за великаго въ бой Цезаря Цезарь идетъ;
И наконецъ, чтобъ въ такомъ, какого нигдѣ не бывало,
Тѣлѣ колеблющейся части и быть не могло,

I. 220. *Въ неравныхъ стопахъ*, въ элегическомъ разрѣмѣ гексаметра съ пентаметромъ. I. 225. Паннонія, Венгрія нынѣшняя. I. 226. *Реція,* Германская страна между Дунаемъ, Рейномъ и Лехомъ. I. 229. *Въ сынѣ*, Тиверіи.

Городомъ ты утомленъ и опекой твоихъ же законовъ
Да и тѣхъ нравовъ, что ты радъ уподобить своимъ;
И не дается тебѣ досугъ, что даешь ты народамъ,
И безустанныя ты войны со всѣми ведешь.
Буду ли я удивленъ при такой обузѣ занятій,
Что не развертывалъ ты шутокъ моихъ никогда?
Еслибъ, чего бъ я желалъ, ты былъ случайно свободенъ,
То въ искусствѣ моемъ винности бы не прочелъ.
Точно оно, сознаюсь, не съ суровымъ челомъ написалось
И недостойно служить чтеньемъ такому вождю.
Все тѣмъ не меньше оно не противно уставамъ законовъ,
И не учитъ оно Римскихъ матронъ ничему.
Чтобъ сомнѣваться не могъ ты, къ кому я писалъ свои книги,
Эти четыре стиха тамъ же въ одной изъ троихъ.
„Нѣжныя прочь отъ меня вы повязки, стыдливости признакъ,
Какъ и скрывающая ноги до пятъ бахрома!
Только законное я пою и обманъ разрѣшенный
И преступленья въ моей пѣснѣ нимало не будь".
Развѣ отъ этого я Искусства не гналъ непреклонно
Тѣхъ, коихъ трогать уже стòла съ повязкой претятъ?
„Но матрона чужимъ заручиться можетъ искусствомъ,
Есть изъ чего ей извлечь, хоть не учили ее".
Пусть ничего потому не читаетъ матрона, затѣмъ что
Съ каждою пѣсней въ грѣхѣ стать она можетъ умнѣй.
Что ни затронетъ она, коль есть въ ней стремленье къ худому,
То пороку оттоль нравы научитъ свои.
Лѣтописи ли возьметъ — ничего суровѣе нѣтъ ихъ —
Матерью Илія какъ стала, прочтетъ вѣдь она.
Если узнаетъ, была Энеадъ кто праматерь, то спроситъ,

I. 260. *Илія*, или Рея Сильвія, мать Ромула и Рема. I. 261. *Энеадъ*, Эней, сынъ Троянца Анхиза и Венеры, отецъ Асканія или Іула, отъ котораго Юлій Цезарь велъ свой родъ, въ который включенъ былъ и Августъ съ потомками; поэтому послѣдніе называются здѣсь Энеадами.

Матерью Энеадъ стала Венера съ чего.
(Далѣе я изложу, коль успѣю сказать по порядку,
Какъ способенъ вредить каждый родъ пѣсенъ сердцамъ).
Но потому обвинять не слѣдуетъ всякую книгу.
Нѣтъ полезнаго, чтобъ также вредить не могло.
Что полезнѣй огня? Но кто спалить пожелаетъ
Домъ, дерзновенныя тотъ руки снабжаетъ огнемъ.
То исторгаетъ, а то даетъ медицина здоровье,
Траву на пользу она кажетъ и вредную тожъ.
Препоясанъ мечемъ и разбойникъ, и ловкій прохожій;
Тотъ засаду несетъ, этотъ защиту свою.
Правыя чтобы вести дѣла, краснорѣчію учатъ,
А, виновныхъ храня, губитъ невинныхъ оно.
Такъ безъ сомнѣнья моя и пѣснь, если съ чистымъ прочтется
Сердцемъ, не можетъ вреда произвести никому.
(Кто же пороковъ какихъ разыщетъ въ нихъ, ошибется
И къ сочиненьямъ моимъ явится строгъ черезчуръ).
Хоть бы признался я въ томъ, то сѣмена легкомыслья
Зрѣлища тоже даютъ: всѣ ты театры закрой!
Поводъ вдаваться въ грѣхи какъ часто игры давали!
Твердую почву зачѣмъ Марсовъ равняетъ песокъ!
Пусть уничтожится циркъ! Не безвредна средь цирка свобода:
Съ незнакомымъ сидитъ мужемъ тутъ дѣва рядкомъ.
Если гуляютъ тутъ съ тѣмъ, чтобы сюда же явился
И любовникъ, зачѣмъ портикъ открытъ хоть одинъ?
Есть ли мѣсто святѣй храма? и ихъ избѣгаетъ
Пусть такая, чей умъ сильно наклоненъ къ грѣху!
Стой въ храмѣ Зевса она, въ храмѣ Зевса она бъ вспоминала
Матерями всего сколькихъ содѣлалъ сей богъ.

I. 282. *Марсовъ песокъ*, которымъ засыпали землю при бояхъ гладіаторскихъ, для того чтобы бойцы не скользили и кровь скоро имъ поглащалась.
I. 283. *Средь цирка свобода*, гдѣ женщины не были, какъ на театральныхъ зрѣлищахъ, отдѣлены отъ мужчинъ, а сидѣли съ ними въ перемѣшку.

Въ храмѣ ближайшемъ молясь Юноны ей вспомнится, сколько
Отъ наложницъ пришлось этой богинѣ страдать.
Какъ Палладу узритъ, то спроситъ, зачѣмъ это дѣва
Эрихтонія, плодъ страсти преступной, спасла.
Вступитъ ли въ даръ твой, во храмъ великаго Марса, Венера
Купно со Мстителемъ тамъ, — мужъ передъ дверью стоитъ.
Въ храмѣ Изиды она, за что же Сатурнія спроситъ
Черезъ Іонійскую глубь эту гнала и Босфоръ?
Вмѣстѣ съ Венерой Анхизъ, герой Латмійскій съ Луною,
И Іазій на умъ вмѣстѣ съ Церерой придутъ.
Можетъ все соблазнить уже развращенную душу,
Но по своимъ все стоитъ благонадежно мѣстамъ.
И отъ писаннаго для однѣхъ распутницъ Искусства
Руки Матронъ устранить первый старается листъ.
Та жь, что ворвется куда ей жрецъ входить не дозволилъ,
Тутъ же виновна сама въ этомъ запретномъ грѣхѣ.
Не грѣшно развернуть стихи съ содержаніемъ нѣжнымъ,
Многое чистой прочесть можно, не дѣлавъ того.
Строгая видитъ не разъ Матрона нагихъ предстоящихъ
Дѣвъ для Венериныхъ игръ во всевозможныхъ родахъ.
И Весталки глядятъ на тѣла распутницъ глазами,
Но къ наказаньямъ причинъ въ томъ властелинъ не нашелъ.
Но отчего черезчуръ оказалась рѣзва моя Муза,
И отчего на любовь книжка наводитъ моя?
Остается въ грѣхѣ и въ винѣ очевидной сознаться,
Дара мнѣ своего и разумѣнія жаль.

I. 294. *Эрихтоній.* Когда Минерва заказывала доспѣхи у Вулкана, послѣдній пытался овладѣть ею, но при этомъ потерялъ свою силу. Зародившійся вслѣдствіе этого въ пескѣ безъ матери младенецъ созрѣлъ, пролежавъ извѣстное время. Этого Эрихтонія, со змѣиными хвостами вмѣсто ногъ, сына Вулкана, Минерва тайно воспитала въ своемъ храмѣ. Достигнувъ зрѣлаго возраста, онъ сталъ властелиномъ Аѳинъ. I. 296. *Мститель*, Марсъ Ultor. I. 297. *Изида*, бывшая Іо, возлюбленная Зевеса. I. 299. *Герой Латмійскій*, Эндиміонъ. I, 300. *Іазій*, сынъ Юпитера и Элетры, любимецъ Цереры, съ которымъ она прижила Плутона. I, 303. *Искусства*, Овидіево Искусство любви.

Что же скорѣе я ту Арголійской сраженную мощью
Не изувѣчилъ своей пѣснею Трою опять?
Что о Ѳивахъ молчалъ и взаимныхъ братниныхъ ранахъ,
И о семи тѣхъ вратахъ, въ коихъ у каждыхъ свой вождь?
Вѣдь и воинственный Римъ не отказывалъ мнѣ въ содержаньи,
Благочестивый трудъ самый славить отчизны дѣла.
Но какъ заслугами все переполняешь ты, Цезарь,
То я бы долженъ одну часть лишь изъ цѣлаго пѣть;
Какъ привлекаетъ глаза сіянье лучистое солнце,
Такъ бы дѣянья твои душу мою увлекли.
Я безъ вины осужденъ, пашу я безплодное поле,
А плодовитость была тамъ то большая нужна.
Не должна потому довѣряться лодочка морю,
Что на маломъ прудѣ смѣетъ рѣзвиться она.
Можетъ быть я,—но и въ томъ сомнѣваюсь,—довольно искусенъ
Въ легкихъ стихахъ и слагать мелкія пѣсни гораздъ;
Но когда бъ мнѣ велѣлъ ты огнемъ укрощенныхъ Зевеса
Славить Гигантовъ, безъ силъ былъ бы я къ ношѣ такой.
Дару великому слѣдъ великія славить дѣянья
Цезаря, чтобы труда не превышалъ самъ предметъ.
Все же межъ тѣмъ я дерзнулъ, но умалялъ я, казалось,
И что преступно, твоей славѣ являлся въ ущербъ.
Къ легкому дѣлу опять, къ молодымъ вернулся я пѣснямъ,
И любовію я ложною грудь возбудилъ.
Этого я не хотѣлъ, но меня судьба увлекала,
И въ наказанье себѣ я даровитымъ бывалъ.
Горе, учился зачѣмъ! зачѣмъ это я обучаемъ
Былъ родителями и хоть буквы видалъ!
Сталъ я противнымъ тебѣ этой шалостью ради Искусства,

I, 319. *Взаимныхъ братниныхъ ранахъ*, Этеокла и Полиника. I, 320. Изъ семи союзныхъ вождей каждый сталъ предводителемъ у отдѣльныхъ вратъ. I, 340. *Любовью ложною*, см. кн. IV, X, ст. 59—60, гдѣ говорится о ложномъ имени Коринны, по обычаю римскихъ поэтовъ, поставленномъ въ Искусствѣ любви.

Такъ какъ считалъ ты, что я къ ложу запретному звалъ,
Но новобрачныхъ никакъ не училъ я тайнымъ продѣлкамъ,
Мало кто знаетъ чего, тотъ и не можетъ учить.
Такъ веселыя я сочинялъ нѣжныя пѣсни,
Чтобъ не задѣла молва имени чѣмъ моего.
Даже изъ темной толпы нѣтъ мужа, который въ сомнѣнье
Впалъ по моей бы винѣ, точно ли сталъ онъ отцомъ.
Вѣрь мнѣ, что нравы мои отъ моихъ пѣснопѣній различны—
Жизнь безупречна вполнѣ, Муза игрива моя—
Лживы творенья мои сочиненныя большею частью:
И дозволяли себѣ болѣе, чѣмъ ихъ творецъ.
Книжка не признакъ души, а безупречная радость,
Если для многихъ ушей можетъ отраду принесть.
Акцій былъ бы жестокъ, Теренцій бражникомъ былъ бы,
Были бъ задорными тѣ, что злыя войны поютъ.
Да не одинъ я писалъ о нѣжной любви сочиненья,
Но наказанъ одинъ былъ я за пѣсни любви.
Иль не тому, чтобъ мѣшать любовь съ виномъ изобильнымъ
Лирикъ старецъ училъ Теискою Музой своей?
Дѣвъ не къ любви ли одной звала Лезбейская Сафо?
Уцѣлѣла межъ тѣмъ Сафо и тотъ уцѣлѣлъ.
Не повредило равно и тебѣ, Баттіадъ, что ты часто
Передъ читателемъ самъ пѣлъ наслажденья свои.
У Менандра веселаго нѣтъ безъ любви сочиненья,
А вѣдь читаютъ его мальчикъ и дѣва межъ тѣмъ.
Что жь Иліада коли не распутница, изъ за которой
Между любовникомъ и мужемъ велася война?
Что жь раньше пламени въ ней найдешь къ Бризеидѣ и также
Какъ во гнѣвъ привела плѣнная дѣва вождей?

I, 359. *Акцій,* римскій трагическій поэтъ временъ Цицерона. *Теренцій,* древній римскій авторъ комедій 2-го вѣка до Р. Хр., у котораго въ комедіи „Эвнухъ“ выставленъ бражникъ Гнатонъ. I, 364. Анакреонъ Теосскій. I. 367. *Баттіадъ,* Каллимахъ. I, 369. *Менандръ,* греческій комическій писатель. I, 373. Иліада начинается съ любви Агамемнона къ Бризеидѣ.

Иль Одиссея то что, коль не женщина съ цѣлью любовной,
Какъ отсутствуетъ мужъ, многимъ желанна одна?
Кто же коль не Меонидъ повѣствуетъ, какъ Марса съ Венерой
Связанныхъ были тѣла взяты на ложѣ стыда?
Безъ великаго мы Гомера откуда бы знали,
Какъ двѣ богини однимъ къ гостю пылали огнемъ?
Важностью между письменъ трагедія всѣхъ побѣждаетъ:
Тѣмъ не меньше всегда въ ней содержаньемъ любовь.
Что жь въ Ипполитѣ то есть, кромѣ мачихи съ страстью слѣпою?
Стала Канака славна брата любовію къ ней.
Не Танталидъ ли съ своей костью слоновой Пизейку
На Фригійскихъ коняхъ мчалъ, Купидономъ гонимъ?
Что окрасила мать дѣтей своихъ кровью желѣзо,
То къ тому привела боль оскорбленной любви.
Въ птицъ превратила любовь и царя и наложницу тотчасъ,
Также и мать, что хранитъ все же объ Итисѣ грусть.
Братъ преступный когда бъ не полюбилъ Аэропы,
Мы объ обратныхъ коняхъ Соля тогда бъ не прочли.
Не коснулася бы трагическихъ Сцилла котурновъ,
Если бъ не стала любовь волосы рѣзать отца.
Ставъ про Электру читать и утрату Орестомъ разсудка,

I, 375. *Женщина,* Пенелопа. I, 377. *Меонидъ,* Гомеръ. I, 380. *Двѣ богини,* Калипсо и Цирцея. I, 383. *Ипполитъ,* трагедія Эврипида. I, 384. *Канака,* дочь царя Липарскихъ островов Эола. Будучи возлюбленной Нептуна, отъ котораго родила много сыновей, она тѣмъ не менѣе состояла въ любовной связи съ роднымъ братомъ своимъ Макореемъ. За это Нептунъ бросилъ ее и лишилъ своего покровительства, и такимъ образомъ Эолъ узналъ о преступленіи дочери. Отецъ прислалъ ей мечъ, которымъ она и лишила себя жизни. I, 385. *Пизейка,* Гипподамія. *Танталидъ... костью слоновой.* Танталъ, испытывая всевѣдѣніе боговъ, предложилъ имъ въ пищу собственнаго сына Пелопса; но боги оживили его снова и одарили плечомъ изъ слоновой кости на мѣсто съѣденнаго Церерой. I, 387. *Мать,* Медея. I, 389. *И царя,* Терея. I, 391. *Аэропа,* жена пресловутаго Атрея, состоявшая въ преступной связи съ братомъ его Тіестомъ, бывшая еще до Атрея въ связи съ его сыномъ Флистеномъ. I, 393. *Сцилла,* дочь царя Ниса, срѣзавшая волшебный волосокъ отца изъ любви къ критскому царю Миносу и тѣмъ предавшая отечество, см. Овид. Превр. VIII, 1—151. I, 395. *Электра,* сестра Ореста, которая спасла его,

Ты объ Эгиста грѣхѣ и Тиндариды прочтешь.
Что же могу я сказать о смирителѣ страшномъ Химеры,
Что едва не убитъ лживой хозяйкою былъ?
О Герміонѣ я что скажу, что о дѣвѣ Схенейской,
Иль какъ, Фебада, тебя вождь изъ Микенъ полюбилъ?
Что о Данаѣ, ея невѣсткѣ и матери Вакха,
И о Гемонѣ и двухъ соединенныхъ ночахъ?
Что о Тезеѣ, и что о зятѣ Пелея, о первомъ,
Кто Пелазгійскій корабль свелъ къ Иліонской землѣ?
Іола и Пирра отецъ и ты, Геркулеса супруга,
Вы появитесь и Гилъ, мальчикъ Троянскій и ты.
Времени не наберу, чтобъ слѣдить за трагической страстью,
Книжка моя чуть вмѣститъ голыя лишь имена.
И въ безсовѣстный смѣхъ вдаваться трагедія можетъ,
Много бываетъ въ ней словъ, позабывающихъ стыдъ.

когда онъ былъ мальчикомъ, отъ Эгиста, убившаго отца ихъ Агамемнона и взявшаго за себя свою сообщницу Клитемнестру, супругу Агамемнона, дочь Тиндара. I, 397. *Смиритель страшномъ Химеры*, — Беллерофонтъ, оклеветанный передъ Аргивскимъ царемъ Претомъ супругою послѣдняго Стенебеей, во мнимомъ посягательствѣ на ея взаимность, — подвергся многочисленнымъ опаспостямъ, между прочимъ при пораженіи огнедышащаго чудовища Химеры. I, 399. *Герміона*, дочь Менелая и Елены, похищенная сначала сыномъ Ахиллеса Пирромъ, а затѣмъ — Орестомъ. *Дѣва Схенейская*, Аталанта, высокомѣрная красотою и быстротою бѣга, побѣждая всѣхъ жениховъ на аренѣ, убивала ихъ. Но Гиппоменъ при помощи трехъ золотыхъ яблокъ, врученныхъ ему Венерою и бросаемыхъ на арену, умѣлъ отвлечь Аталанту и задержать ее въ бѣгѣ, и такимъ образомъ остался побѣдителемъ. I, 400. *Фебада*, предсказательница, вдохновенная Фебомъ Аполлономъ, въ данномъ случаѣ Кассандра, которую Агамемнонъ по взятіи Трои увезъ съ собою въ Микены. I, 401. Андромеда, спасенная и взятая замужъ Персеемъ, сыномъ Юпитера и Данаи, приходилась *невѣсткою* послѣдней. *Мать Вакха*, Семела. I, 402. *Гемонъ*, сынъ Креона, возлюбленный Антигоны. I, 403. *Зять*[*)] *Пелея*, Язонъ. I, 404. Протезилай. I, 405. *Іола*, дочь Эхальскаго царя Эврита. Царь обѣщалъ ея руку своему и сыновей своихъ побѣдителю въ стрѣльбѣ изъ лука. Когда тѣмъ не менѣе отецъ отказалъ побѣдившему Геркулесу, послѣдній перебилъ всѣхъ сопротивлявшихся, а Іолу увелъ въ плѣнъ. *Супруга Геркулеса*, Деянира, послала въ качествѣ брачнаго подарка Іолѣ ядовитый покровъ, подарокъ Центавра Несса. Едва только Іола передала покровъ новобрачному Геркулесу, какъ послѣдній, обезумѣвъ, взошелъ на гору Эту и тамъ сгорѣлъ на кострѣ. I, 406. *Гилъ*, сынъ Цеикса, любимецъ Геркулеса, похищенный водяными нимфами за свою красоту. *Мальчикъ Троянскій*, Ганимедъ.

*) (свойство (более чем отдаленное) между Язоном и П

Не повредило жъ творцу, приписавшему нѣжность Ахиллу,
Что прервалъ онъ дѣла храбрости пѣснью своей.
Воспріялъ у себя Аристидъ прегрѣшенья Милета,
Не былъ межъ тѣмъ Аристидъ городомъ изгнанъ своимъ,
Ни описывавшій истребленье сѣмянъ материнскихъ
Эвбій, разскащикъ къ тому жъ грязной продѣлки одной,
Ни написавшій на дняхъ Сибаритку тоже не изгнанъ,
Какъ не смолчавшіе намъ о сладострастьяхъ своихъ.
Средь сочиненій мужей ученыхъ это всецѣло,
И щедротой владыкъ на всенародномъ виду.
Но защищенъ не однимъ оружіемъ я иностраннымъ,
Въ книгѣ и Римской порой много игриваго есть.
Ежели Марса воспѣлъ полновѣсный Энній устами,
Энній дарами великъ, только въ искусствѣ не зрѣлъ;
Если быстрыхъ огней объясняетъ причину Лукреції
И пророчитъ, что пасть должно тройнымъ веществамъ,
То сладострастный Катуллъ свою дѣвушку славитъ нерѣдко
Ту, коей Лезбіи онъ ложное имя давалъ;
Но недоволенъ и тѣмъ, много дѣлъ разгласилъ онъ любовныхъ,
Въ коихъ онъ самъ разсказалъ о любодѣйствахъ своихъ.
И у Кальва была небольшаго подобная вольность,
Онъ въ различныхъ стихахъ вскрылъ всѣ продѣлки свои.
Что о Тицидѣ скажу, о Меммія пѣсняхъ, у коихъ
Есть для вещей имена, а имена то позоръ?
Цинна товарищемъ имъ и Анзеръ безстыднѣе Цинны,
И Корнифику подстать также Катона стихи.
(Также что въ книжкахъ предъ тѣмъ подъ именемъ крылось Перилла,
Тѣ сочиненья, Метелл, нынѣ читаемъ съ твоимъ).
Также и тотъ, кто повелъ въ волненія Фазиса Арго,
О любовныхъ своихъ тайнахъ не могъ умолчать.
Пѣсни Гортензія вѣдь и Сервія также безстыдны;

I, 420. *На всенародномъ виду*, въ публичныхъ библіотекахъ. I, 431. К. Лициній *Кальвъ*, римскій поэтъ.

Кто жь усомнился бъ идти слѣдомъ подобныхъ именъ?
Не повредилъ переводъ Аристида Сизеннѣ, когда онъ
Въ повѣствованье свое грязныя шутки вставлялъ.
Галлу было въ укоръ не то, что онъ пѣлъ Ликориду,
А что въ избыткѣ вина онъ не держалъ языка,
Труднымъ считаетъ Тибуллъ клянущейся довѣряться,
Вѣдь же предъ мужемъ она и отъ него отреклась.
Онъ сознаетъ, что училъ госпожу обманывать стража,
Нынѣ и самъ онъ, бѣднякъ, этой уловкой стѣсненъ.
Часто когда онъ смотрѣлъ на печать госпожи и на камень,
Помнитъ, что ради того, чтобы коснуться руки;
Часто кивками, твердитъ, разговаривалъ онъ да перстами
И на кругломъ столѣ знаки молчкомъ выводилъ.
Учитъ, отъ соковъ какихъ синяки проходятъ на тѣлѣ,
Что происходятъ, когда ихъ надавили уста.
Наконецъ, проситъ онъ черезчуръ простоватаго мужа
Помощь принять и его, чтобы ей меньше грѣшить.
Знаетъ онъ, лай на кого, какъ самъ въ одиночку онъ бродитъ,
И для чего столько разъ кашлялъ у скрытыхъ дверей.
Много уроковъ даетъ онъ подобныхъ уловокъ и учитъ
Хитростямъ, какъ обмануть жены могли бы мужей.
Не принесло ему то вреда и Тибулла читали,
Нравится онъ, и какъ ты правилъ ужь, славенъ онъ сталъ.
Тѣ жь у Проперція ты милаго встрѣтишь уроки,
Но не коснулся его даже малѣйшій упрекъ.
Имъ я преемникомъ былъ, хоть скромность и заставляетъ
Выдающіяся имена мужей прикрывать.
Я не боялся никакъ, признаюсь, чтобъ подвергся крушенью.
Тамъ одинокій корабль, гдѣ ихъ такъ много спаслось.
Есть писанья другихъ, объ искусствѣ какъ въ кости играютъ,—

I, 447. См. Тибулла I, 6, ст. 7—10. I, 453 — 454. Тамъ же 19, 20. I, 455—458. Тамъ же, ст. 13—16. I, 459. Тамъ же, ст. 32.

Это не легкой виной было для нашихъ дѣдовъ—
Какъ лодыжки сочесть, какъ выкинуть сразу побольше
И убыточныхъ какъ можно избѣгнуть собакъ,
Что за число на кости, и какъ бросать подобаетъ
Ихъ отдѣльно назвавъ, какъ и что выкинулъ дать,
Чтобъ по прямому пути шла въ бой разноцвѣтная пѣшка,
Какъ межь врагами двумя средняя шашка падетъ,
Зналъ бы, что лучше вослѣдъ идти и передняго кликнуть
Безъ провожатаго чтобъ при отступленіи не быть,
Малой таблицѣ должно у трехъ быть камешковъ каждыхъ,
На какой побѣдить значитъ ихъ вмѣстѣ свести.
Что за игры еще—я всѣхъ поминать тутъ не стану—
Вещь дорогую губить, время, привыкли у насъ.
Вотъ воспѣваетъ иной наружность мяча и бросанье,
Плавать искусству вотъ тотъ учитъ, а тотъ кубарю.
Объ умѣніи тѣ румянить краской писали,
Этотъ законы пирамъ и угощеніямъ далъ;
Кажетъ глину другой, изъ которой лѣпятъ бокалы,
Учитъ, какая къ вину чистому кружка идетъ
Воспѣваютъ подобное въ мѣсяцѣ дымномъ, декабрьскомъ,
И ущерба никто изъ сочинявшихъ не зналъ.
Этимъ обманутый я сочинилъ не печальныя пѣсни,
Но печальная шла кара вслѣдъ шуткамъ моимъ.
Ни одного наконецъ я изъ столькихъ не вижу писавшихъ,
Чтобы отъ Музы погибъ; я отыскался одинъ.
Что же, когда бы писалъ я мимовъ безстыдно шутливыхъ,

473—476, см. Марціала эпиграммы, IV, 14, 8. 477—480. Военная игра, ludus latrunculorum или calculorum, игра на доскѣ, на подобіе нашей шахматной, въ коей камушки назывались calculi, latrones, latrunculi, bellatores, и между которыми у Марціала (VII, 72, 8) упоминаются и mandrae, стойла, загоны; были они большею частью изъ разноцвѣтнаго стекла. Искусство игры состояло въ томъ, чтобы камушки противника побѣждать, ставя вражій камушекъ между двумя своими, причемъ жертвовали собственнымъ ради выгоды или же старались лишать ихъ движенія. Чѣмъ менѣе кто терялъ камушковъ, тѣмъ славнѣе была его побѣда. 481—482. Игра двѣнадцати писцовъ, ludus duodecim scriptorum, въ которой употреблялись кости, и черные и бѣлые камушки. 491. *Декабрь*, время Сатурналій. 497. *Мимовъ*, мимическія представленія.

У которыхъ всегда грѣхъ запрещенный любви?
Тамъ выступаетъ всегда красивый любовникъ, и рѣчью
Глупаго мужа въ обманъ вводитъ хитрячка жена.
Взрослая дѣва на все, матрона, мужчина и мальчикъ
Смотрятъ, и чаще всего тутъ на лицо и сенатъ.
И не довольно, что слухъ оскорбляютъ распутныя рѣчи,
Привыкаютъ глаза стыднаго много терпѣть.
Если жь какой новизной обманулъ любовникъ супруга,
Зарукоплещутъ и въ знакъ милости пальму вручатъ.
Хоть въ ней барышъ невеликъ, но выгодна сцена поэту,
За такіе грѣхи преторъ немало отдастъ.
Посмотри на расходъ твоихъ представленій, о Августъ:
Много такого, что самъ дорого далъ ты, прочтешь.
Эти ты вещи смотрѣлъ и смотрѣть выставлялъ ихъ нерѣдко,—
Такъ величье вездѣ спутникомъ было твоимъ—
И тѣмъ взоромъ своимъ, что для цѣлой вселенной охрана,
Ты сценическій блудъ со снисхожденьемъ видалъ.
Ежели можно писать выводящія гнусности мимы,
Меньшей бы кары была пѣсня достойна моя.
Родъ ли писанья такой на подмосткахъ находитъ защиту,
И что угодно дерзать мимамъ дозволилъ театръ?
И предъ народомъ мои поэмы плясалися часто,
Часто и очи твои имъ доводилось привлечь.
Точно какъ въ нашихъ домахъ тѣла мужей прежде жившихъ
Мастерскою рукой писаны ярко горятъ,
Также съ рисункомъ любви и образовъ разныхъ объятій
Небольшая въ одномъ мѣстѣ картинка тамъ есть.
Какъ Теламоній сидитъ, раздраженье лицомъ выражая,
И злодѣянье въ глазахъ варварки матери есть,
Такъ Венера власы омоченные сушитъ перстами,

508. *Преторъ*, учредитель народныхъ увеселеній. 525. *Теламоній*, Аяксъ. 526. *Варварки матери*, Медеи. 527. Знаменитую картину Апеллеса, на которой только что выходящая изъ моря Венера выжимаетъ свои влажные волосы, Августъ посвятилъ въ храмъ Юлія Цезаря, см. Плин. Нат. XXXV, 10, § 19.

Влажная еле видна скрыта родимой волной.
Славятъ иные войну, что ведется кровавымъ оружьемъ,
Тотъ воспѣваетъ твой родъ, этотъ дѣянья твои.
Въ тѣсномъ пространствѣ меня заключила ревниво природа,
И дарованію лишь малыя силы дала.
И однако твоей Энеиды счастливый создатель
Къ Тирскому ложу свои войны и мужа привелъ,
И изъ творенья ничто не читается больше той части,
Гдѣ въ незаконной любви совокупленія связь.
Пламя Филлиды онъ самъ и Амариллиды нѣжной
На пастушескій ладъ нѣкогда юношей пѣлъ.
Нѣкогда даже я самъ грѣшилъ сочиненьемъ такимъ же:
Такъ то не новой винѣ новую кару терпѣть;
Я стихи издавалъ, когда при отмѣтѣ проступковъ
Не окликнутъ тобой, столько я разъ проходилъ.
Такъ сочиненія, что я, какъ юноша мало разумный,
За безвредныя счелъ, вредъ принесли старику.
Наказанье сбылось надъ старою книжкою поздно,
И по времени врознь съ карой вина разошлась.
Но не думай, чтобы весь трудъ мой былъ такъ небреженъ,
Часто корабль свой водилъ я на большихъ парусахъ.
Шесть и столько жь еще и книжекъ Фастъ написалъ я,
И съ концомъ своего мѣсяца свитку конецъ,
И написанный мной на твое имя, Цезарь, недавно
И посвященный тебѣ прерванъ судьбой моей трудъ;
Далъ и трагическимъ я котурнамъ царскую пѣсню,
И подходящую рѣчь строгій воспринялъ котурнъ;
Пѣлъ я также, хотя не достигли послѣдней отдѣлки
Пѣсни, какъ перешли въ новую форму тѣла.
О когда бъ ты сдержалъ свое сердце хоть малость отъ гнѣва,

533. *Счастливый создатель*, Вергилій. 534. *Къ Тирскому ложу*, Дидоны. 538. *На пастушескій ладъ*, Вергиліевы Буколики. 542. См. прим. выше, ст. 90. 549. *Фастъ*, Fasti, календарь присутственныхъ и неприсутственныхъ дней. 553. *Царскую пѣсню*, написанную имъ трагедію Медея. 556. Превращенія.

И на досугѣ велѣлъ малость оттуда прочесть,
Малость, въ которой начавъ съ зарожденія міра, о Цезарь,
До твоихъ я временъ все сочиненье довелъ!
Ты увидалъ бы, какимъ оживлялъ мою грудь вдохновеньемъ
Съ пыломъ какимъ и тебя да и твоихъ я пою.
Не задѣвалъ никого я своею ѣдкою пѣснью,
И обвиненій ничьихъ нѣту въ стихѣ у меня.
Чистый я убѣгалъ отъ соли съ примѣсью желчи:
Съ ядовитой игрой буквы подмѣшанной нѣтъ.
Средь подобной толпы и тысячей нашихъ писавшихъ,
Калліопой моей я уязвленъ лишь одинъ.
И потому ни одинъ Квиритъ, полагаю, не будетъ
Радъ насчастьямъ моимъ, многимъ же станетъ ихъ жаль;
И не вѣрится мнѣ, чтобы кто надъ лежачимъ глумился,
Если къ моей чистотѣ малость сочувствія есть.
Этимъ, молю, и другимъ божество твое пусть бы смягчилось,
О отецъ, о страны щитъ и спасенье своей!
Не въ Авзонію мнѣ вернуться, со временемъ развѣ,
Какъ наказанія срокъ долгій тебя побѣдитъ,
А изгнанья прошу безопаснѣе я и покойнѣй,
Чтобы равнялось винѣ и наказанье мое.

СКОРБИ ОВИДІЯ.

КНИГА ТРЕТЬЯ

СКОРБИ ОВИДІЯ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I

„Послана робко вхожу въ этотъ городъ, изгнанница книжка:
Кротко читатель, мой другъ, руку усталой простри;
Да и не бойся, чтобъ какъ стыдомъ для тебя я не вышла:
Въ этомъ листѣ ни одинъ стихъ не научитъ любить.
Не такова моего господина судьба, чтобы бѣдный
Шутками сталъ онъ ее какъ ни на есть прикрывать.
И сочиненія, что въ вѣкъ юный бряцалъ по несчастью,
Слишкомъ онъ поздно клянетъ и ненавидитъ, увы!
Ты загляни, что несу! только грустное здѣсь ты увидишь,
Съ подходящей вполнѣ пѣснью къ судьбинѣ его.
Что хромоногая пѣснь черезъ каждый стихъ припадаетъ,
Въ этомъ виной иль стопа, иль продолжительный путь;
Если отъ кедра я не желта, не гладка и отъ пемзы,
То наряднѣе быть, чѣмъ господинъ мой, стыжусь;
Коль у попорченныхъ буквъ находятся слитыя пятна,
То слезами поэтъ портилъ свой собственный трудъ.
Если жь неточною что покажется рѣчью латинской,
Варварскою вѣдь была, въ коей писалъ онъ, земля.

I, 1. *Книжка.* И эта элегія, подобно первой кн. I-й, написана какъ предисловіе къ настоящей книгѣ. I, 7. *И сочиненія,* Искусство любви I, 13. *Кедра* (см. I, 1, 7).

Молвите, если не въ трудъ, читатели, въ гости куда мнѣ,
Книжкѣ, идти и какихъ въ Городѣ сыскивать мѣстъ".
Какъ тайкомъ это я говорилъ, языкомъ заплетая,
Еле нашелся одинъ, чтобы мнѣ путь указать.
„Дай тебѣ боги, чего творцу моему не судили,
Чтобы спокойно въ своемъ могъ ты отечествѣ жить!
Живо веди! я пойду, хотя по землѣ и по морю
Изъ отдаленной страны ноги устало несу".
Внялъ онъ мольбѣ и ведя „вотъ форумъ Цезаря", молвилъ,
„Это вотъ путь, что свое имя ведетъ отъ святынь,
Вотъ храмъ Весты, огонь и Палладіумъ вмѣстѣ хранящій,
Здѣсь дворецъ небольшой Нумы стариннаго былъ".
Тутъ направо вернувъ, онъ сказалъ: „вотъ входъ Палатина,
Это вотъ Статоръ, вотъ тутъ Римъ былъ основанъ сперва".
По одиночкѣ дивясь, я вижу въ блестящемъ оружьи
Диво на видъ косяки съ домомъ достойнымъ боговъ.
„Это Зевеса вѣдь домъ?" я сказала и чтобы рѣшила
Такъ,—подсказывалъ то смыслу дубовый вѣнокъ.
Про господина узнавъ, „не ошиблася я", я сказала,
„И Юпитера впрямь это великаго домъ.
Двери однако зачѣмъ прилегающимъ лавромъ закрыты,
И вкругъ священныхъ волосъ дерева сумракъ зачѣмъ?
Иль потому, что сей домъ заслужилъ навѣки тріумфы,
Или что онъ навсегда богомъ Левкадскимъ любимъ,

I, 27. *Форумъ Цезаря,* форумъ Августа. I, 28. Via sacra. I, 29. *Палладіумъ,* статуя Минервы, нѣкогда упавшая съ неба въ Троянскую крѣпость; съ обладаніемъ ею связано было существованіе самой Трои. Поэтому она и была украдена Улиссомъ и Діомедомъ. Въ Римѣ она сохранялась въ храмѣ Весты. I, 31. *Палатинъ,* императорскій дворецъ на Палатинской горѣ, близъ храма Юпитера Статора. I, 34. *Съ домомъ,* императорскимъ дворцомъ. I, 38. И здѣсь Овидій называетъ Августа *Юпитеромъ.* I, 39. Тріумфаторъ имѣлъ право дверные косяки въ своемъ домѣ украшать лавровыми вѣтками. Рѣшеніемъ сената было опредѣлено украшать домъ Августа, какъ вѣчнаго тріумфатора, постоянными лаврами. Равнымъ образомъ надъ дверями постоянно возвышался дубовый вѣнокъ, какъ высшая награда за спасеніе гражданина (Діонъ Кас. кн. III, 16). I, 40. Хотя мы и перевели по тексту Меркеля augustas comas—*священныхъ волосъ,* но не прочь прочесть *священныхъ дверей,* согласно замѣны comas словомъ fores. I, 42. *Богомъ Левкадскимъ,*

То ль, что онъ праздниченъ самъ, иль что праздникъ всему сообщаетъ?
Иль это мира залогъ, что онъ даруетъ землѣ?
Такъ ли, какъ лавръ навсегда зеленѣетъ, съ чела не роняя
Листьевъ, равно и ему вѣчно красу сохранять?
Вотъ написана здѣсь причина вѣнка, что повѣшенъ:
На спасеніе имъ гражданъ указано тутъ.
Одного ты, отецъ, къ спасеннымъ прибавь гражданина,
Что отринутъ и вдаль скрытъ на границѣ земли,
Въ наказаніяхъ кто видитъ, каясь, что заслужилъ ихъ,
Не преступленья вину, а лишь ошибки своей.
О я бѣдняга! боюсь я и мѣста, боюсь и владыки,
И мятутся мои буквы, отъ страха дрожа.
Видишь ли ты мой листъ, блѣднѣющій цвѣтомъ безкровнымъ?
Видишь ли, какъ дрожатъ попеременно стопы?
Нѣкогда хоть бы, молю, примиренный съ родителемъ нашимъ
Съ тѣмъ же владѣльцемъ своимъ былъ лицезримъ этотъ домъ!“
Съ равнымъ влеченьемъ оттоль возносясь по высокимъ ступенямъ
Длинноволосаго въ храмъ бога пресвѣтлый взойду,
Гдѣ въ перемежку среди колоннъ иноземныхъ Белиды
Въ ликахъ стоятъ и отецъ ѝзвергъ съ мечемъ наголо,
И туда, гдѣ мужей ученыхъ и древнихъ и новыхъ
Произведенья ума вскрыты для чтенья лежатъ.
Я о сестрахъ своихъ спросила, конечно помимо

Аполлономъ, носившимъ постоянно лавровый вѣнокъ въ память Дафны, превратившейся въ это дерево. Такъ какъ на Левкадской скалѣ храмъ его находился вблизи Акціумскаго мыса, то и побѣда Августа при Акціумѣ приписана была благоволенію Аполлона. I, 44. Послѣ Акціумской побѣды Августъ воздвигъ богинѣ мира статую, украшенную лавровымъ вѣнкомъ Аполлона. I, 60. *Пресвѣтлый храмъ*. Августъ построилъ Аполлону на Палатинскомъ холмѣ великолѣпный храмъ съ портикомъ и греколатинской библіотекой. Колонны портика были изъ Пунійскаго мрамора, между которыми стоялъ Данай съ своими дочерьми. I, 65. *О сестрахъ*, о другихъ произведеніяхъ Овидія.

Тѣхъ, которыхъ отецъ не порождать былъ бы радъ.
Я вопрошала вотще, и стражъ надъ мѣстомъ священнымъ
Опредѣленный велѣлъ изъ дому мнѣ уходить.
Къ храму другому иду въ связи съ сосѣднимъ театромъ:
Но и этотъ моимъ былъ недоступенъ стопамъ.
Да и въ тѣ, что сперва были настежь для книгъ вдохновенныхъ,
Залы Свобода войти не допустила меня.
Переходитъ творца несчастнаго доля къ потомству,
Терпимъ изгнаніе мы, дѣти, такое жь, какъ онъ.
Можетъ быть къ намъ и къ нему когда либо менѣе строгимъ
Явится Цезарь, когда время его побѣдитъ.
Боги, молю и прошу,—вѣдь сонма молить мнѣ не нужно—
Цезарь, услышь, божество мощное, просьбу мою!
А пока возбраненъ мнѣ доступъ въ публичное мѣсто,
Будь дозволено мнѣ въ частномъ укрыться дому!
Вы жь, если можно, стыдомъ отверженья смущенныя пѣсни
Воспримите мои руки народной толпы.

II

Такъ въ моихъ то судьбахъ было Скиѳію видѣть и также
Землю, на коей лежитъ сводъ Ликаонскихъ небесъ?
Мудрой толпою ни вы, Піэриды, ни чадо Латоны,
Вы жрецу своему помощи не принесли.

I, 66. Искусство любви. I, 69. Въ портикѣ Октавіи при Марцелловскомъ театрѣ Августъ тоже основалъ библіотеку. II, 72—73. Сгорѣвшій въ послѣднее время республики храмъ и атрій богини свободы Азиній Полліонъ возстановилъ при Августѣ еще великолѣпнѣе и учредилъ въ атріумѣ. II, 2. *Ликаонскихъ небесъ*, сѣверный полюсъ съ созвѣздіемъ Большой Медвѣдицы, въ которую была превращена Каллиста, дочь Аркадскаго царя (Парразійскаго) Ликаона. II, 3. *Піэриды*, музы, по имени посвященной имъ горы Піэра въ Ѳессаліи. (не смешивать с дочерьми Пиэра Пиэридами)

Не помогло мнѣ, что я шутилъ, преступленья не чуя,
Что шаловливѣй моя Муза являлась, чѣмъ жизнь,
А по морямъ и землѣ перенесшаго множество бѣдствій
Понтъ воспринялъ къ себѣ вѣчною стужей палимъ.
Вотъ и тотъ, что отъ дѣлъ убѣгалъ и рожденъ для бездѣлья,
Нѣженкой прежде я былъ и невыносливъ на трудъ,
Нынѣ я крайне терплю и ни безъ пристаней море,
Ни распутицы всѣ не загубили меня;
Свыкся съ бѣдами мой духъ, отъ него получало и тѣло
Силы, чтобы выносить, что выносимо едва.
Все же по сушѣ пока и морямъ я метался въ сомнѣньи,
И заботу и боль сердца скрывала бѣда;
Но какъ кончился путь и трудъ затихнулъ похода,
И я коснулся земли, въ кару назначенной мнѣ,
Только что плакать могу, и влага изъ глазъ моихъ льется
Не скуднѣй, чѣмъ вода изъ подъ весеннихъ снѣговъ.
Римъ возстаетъ предо мной и домъ и къ мѣстамъ вожделѣнье,
И ко всему, что мое въ градѣ покинутомъ есть.
Горе, какъ часто я въ дверь своей могилы стучался,
Но не бывала она все никогда отперта!
Отчего избѣжалъ я столькихъ мечей и ни разу
Буря несчастной моей не погребла головы?
Боги, которыхъ вражду ко мнѣ ощущаю я слишкомъ,
Коихъ участниками гнѣва богъ принялъ одинъ,
Подстрекните, прошу, судьбы замедленье и двери
Запретите моей гибели быть запертой!

II, 8. *Понтъ,* вся страна близь Понта Эвксинскаго. II, 28. *Богъ принялъ одинъ,* Августъ.

III

Если случайно тебя удивитъ, что чужими перстами
Писано это письмо, боленъ въ ту пору я былъ.
Боленъ на самомъ краю земли вполнѣ неизвѣстной,
Я сомнѣвался почти даже въ спасеньи своемъ.
Что на душѣ у меня упавшаго въ области дикой
Межь Савроматовъ теперь и между Гетовъ поймешь?
Не выношу ни небесъ, ни къ этой водѣ не привыкну,
И не знаю, чѣмъ мнѣ даже противна земля.
Мало удобенъ и домъ, здѣсь пища больному не въ пользу,
Некому зла облегчить, какъ научалъ Аполлонъ,
Нѣтъ, кто утѣшить бы могъ, и друга такого со мною,
Чтобы разсказами могъ времени лѣнь обмануть.
Утомленный лежу средь дальнѣйшихъ я странъ и народовъ,
И предъ страдальцемъ встаетъ все, что покинуто мной.
Хоть и все возстаетъ, ты все побѣждаешь, супруга,
И въ груди моей часть большую всѣхъ заняла.
Я заочно съ тобой говорю, одну именую;
Ни одна безъ тебя ночь не проходитъ, ни день.
Даже, сказывали, дотого говорилъ я безсвязно,
Что въ безсознаньи храню имя твое я въ устахъ.
Если бы я умиралъ, и языкъ коснѣющій былъ бы
Еле во рту оживленъ каплею малой вина,
И возвѣстилъ кто нибудь, что супруга пришла, я воскресъ бы,
И ожиданье тебя мнѣ сообщило бы силъ.
Жизнь подъ сомнѣньемъ моя, а ты, обо мнѣ и не зная,
Весело можетъ быть той время проводишь порой?
Нѣтъ, не проводишь ты такъ; я увѣренъ, дражайшая, ясно,
Безъ меня ты въ одной время проводишь тоскѣ.
Если жь свершила моя судьба ей должные годы,
И настаётъ для меня жизни такъ скоро конецъ,

III, 10. *Какъ научалъ Аполлонъ,* врачебному искусству.

Что жь умирающаго пощадить вамъ, великіе боги,
Стоитъ, чтобы погребенъ былъ я въ родимой землѣ?
Или чтобъ кара была на время отложена смерти,
Или чтобъ смерть торопясь раньше изгнанья пришла.
Безъ страданья бы могъ этотъ свѣтъ я недавно покинуть;
Чтобы изгнанникомъ пасть, нынѣ и жизнь мнѣ дана.
Знать вдалекѣ я умру на берегахъ неизвѣстныхъ,
И по самому быть мѣсту печальнымъ концу;
Тѣлу слабѣть моему не на кровати обычной,
И при останкахъ моихъ плакать не будетъ никто;
И къ супружнимъ слезамъ, на мое лицо уроненнымъ,
Не примѣшается мой хоть кратковременно вздохъ;
Ни приказаній не дамъ, ни съ воплемъ послѣднимъ померкшихъ
Не закроетъ очей дружеская мнѣ рука,
Только безъ похоронъ эту голову и безъ почета
Не оплаканную варваровъ скроетъ земля!
Что жь, какъ услышишь о томъ, не смутишься ли всею душою,
Не поразишь ли рукой робкою вѣрную грудь?
Иль, простирая вотще свои руки къ этимъ предѣламъ,
Бѣднаго мужа пустымъ именемъ не назовешь?
Между тѣмъ не язви ты щекъ и волосъ не терзай ты:
Ибо, мой свѣтъ, не впервой нынѣ я взятъ у тебя.
Родину какъ потерялъ, сочти, что тогда и погибъ я.
Раньше и больше тяжка смерть та была для меня.
Нынѣ, коль въ силахъ,—но ты не въ силахъ,—жена дорогая,
Радуйся, сколько моей смертью покончилось золъ.
Сколько ты можешь, сноси душою отважною бѣды,
Отъ которыхъ твоя раньше ужь мучилась грудь.
О, когда бы душа моя вмѣстѣ съ тѣломъ погибла,
Чтобъ ни одна моя часть не избѣжала костра.
Вѣдь коль на воздухъ пустой безсмертный духъ возлетаетъ,

И Самосскій старикъ подлинно правду вѣщалъ,
Между Сарматскихъ тѣней скитаться приходится Римской,
И между чуждыхъ ей манъ пришлою быть навсегда;
Кости однако вели перенесть въ невеликой ты урнѣ:
Чтобы изгнанникомъ мнѣ мертвому также не быть.
Этого не запретятъ: убитаго брата Өивянка,
При запрещеньи царя, скрыла въ могилѣ сестра.
Ты и съ листьями ихъ смѣшай и мелкимъ амомомъ,
И сокрывши сложи ихъ въ подгородней землѣ;
Чтобы прохожій прочелъ стихи разсѣяннымъ взоромъ,
Крупными буквами ты въ мраморѣ вырѣжь холма:
„Я, который лежу здѣсь, нѣжной любви пѣснопѣвецъ,
Отъ своего и погибъ дара поэтъ я Назонъ.
Ты же, прохожій, и самъ любившій, за трудъ не сочти ты
Вымолвить: мягко пускай кости Назона лежатъ“.
Въ надписи будетъ съ того; потому что мои сочиненья
Большимъ памятникомъ и долговѣчнѣйшимъ мнѣ,
Я уповаю на нихъ, хоть они повредили, но имя
И надолго дадутъ автору славу они.
Все же усопшему ты постоянно даровъ похоронныхъ
И отъ слезъ отъ твоихъ влажныхъ вѣнковъ подавай.
Пусть и въ золу огонь превратитъ уже тѣло успѣетъ,
Но услугу любви грустный восчувствуетъ прахъ.
Больше хотѣлъ бы писать, но голосъ отъ рѣчи усталый
Силъ диктовать не даетъ, какъ и изсохшій языкъ.
Восприми же изъ устъ, быть можетъ, послѣднее слово,
Чѣмъ, кто шлетъ тебѣ, самъ скуденъ, здорова живи!

III, 62. *Самосскій старикъ,* Пиѳагоръ, учившій о безсмертіи души и о ея переселеніи въ другія тѣла. III, 67. *Өивянка,* Антигона, сестра Этеокла и Полиника, погребла тѣло послѣдняго, вопреки запрету Өивянскаго царя Креона. III, 70. *Въ подгородней землѣ,* вѣроятно въ саду Овидія на collis hortorum, въ седьмомъ римскомъ кварталѣ; а быть можетъ у него былъ и загородный домъ. III, 81. *Даровъ похоронныхъ;* ихъ возлагали на могилу въ видѣ вѣнковъ, плодовъ и хлѣбныхъ зеренъ, окропленныхъ виномъ.

IV.

О хоть всегда для меня дорогой, но въ тяжелое время
Оцѣненный, когда рухнуло дѣло мое,
Если ты вѣришь хоть въ чемъ наученному опытомъ другу,
То, живя для себя, бойся великихъ именъ.
Для себя лишь живя, убѣгай высотъ, сколько можно:
Изъ высокихъ огней молнія грозно летитъ.
(Ибо коль мощные лишь одни помогать въ состояньи,
Не помогаетъ пускай лучше кто можетъ вредить).
Рея, спущенная внизъ, избѣгаетъ бурливости зимней,
И большимъ парусамъ противу малыхъ страшнѣй.
Легкая видишь ли какъ на волнѣ кора выплываетъ,
Какъ сплетенную сѣть тяжесть грузитъ за собой?
Если бъ учащій тому я самъ наученъ былъ заранѣ,
Въ Городѣ, гдѣ бы мнѣ быть должно, я бъ можетъ и былъ.
Жилъ я доколѣ съ тобой и мчался по легкому вѣтру,
Этотъ челнокъ мой бѣжалъ вдоль по спокойнымъ водамъ.
Кто на ровномъ упалъ—хоть это случается рѣдко—
Падаетъ такъ, чтобы могъ встать прикоснувшись земли;
А бѣднякъ Эльпеноръ, что съ крыши высокой свалился,
Встрѣтилъ царя своего слабою тѣнью уже.
Отчего, какъ Дедалъ безопасными двигалъ крылами,
Влагѣ безбрежной Икаръ имя свое сообщилъ?
Точно затѣмъ, что тотъ вверхъ залетѣлъ, а этотъ пониже;
Вѣдь у обоихъ у нихъ собственныхъ не было крылъ.
Вѣрь мнѣ, живетъ хорошо, кто живетъ притаившись, и всякій
Въ положеньи своемъ долженъ всегда пребывать.
И Эвмедъ бы не сталъ бездѣтенъ, когда бы безумный

IV, 19—20. *Эльпеноръ,* спутникъ Улисса, въ опьяненіи упавшій съ крыши на островѣ Цирцеи и убившійся на смерть, встрѣтилъ Улисса въ подземномъ царствѣ, когда послѣдній вопрошалъ тамъ о своей судьбѣ душу прорицателя Терезія. IV, 27. *Эвмедъ,* отецъ Долона, посланнаго Гекторомъ соглядатаемъ

Не облюбилъ его сынъ у Ахиллеса коней;
Сына Меропъ бы въ огнѣ, дочерей не видалъ бы въ деревьяхъ,
Если бы удержать могъ Фаэтона отецъ.
Ты жь постоянно страшись того, что чрезъ мѣру высоко,
И пожеланій, прошу, ты убавляй паруса.
Ибо достоинъ взбѣжать ты безвредной стопою по жизни
И воспользоваться болѣе ясной судьбой.
Чтобы тебѣ пожелалъ я того, ты любовію кроткой
Заслужилъ и своей вѣрностью мнѣ навсегда.
Видѣлъ я, какъ ты вздыхалъ надъ судьбой моей съ тѣмъ выраженьемъ,
Вѣроятно, съ какимъ было лицо у меня.
Видѣлъ я, какъ на лицо у меня твои слезы катились,
И за одно ихъ впивалъ я со словами любви.
Нынѣ далекаго тожь защищаешь усердно ты друга,
Тамъ облегчая, гдѣ врядъ можно бѣду облегчить.
Зависти чуждый живи внѣ славы покойные годы
И между равными лишь дружества ты заключай,
И Назоново ты, что одно лишь досель не въ изгнаньи,
Имя люби; Скиѳскій Понтъ прочимъ владѣетъ теперь.

IV ь.

Край ближайшій къ звѣздамъ медвѣдицы Эримантской
Держитъ меня, вся насквозь стужей палима земля.

въ греческій лагерь, за что выпросилъ себѣ въ награду коней Ахиллеса; но захваченный Улиссомъ и Діомедомъ былъ убитъ. IV, 29. *Меропъ,* супругъ Климены, съ которою Аполлонъ родилъ Фаэтона, котораго тѣмъ не менѣе Меропъ считалъ своимъ сыномъ. Ни Фаэтонъ не былъ бы убитъ Юпитеромъ, ни Геліады не превратились бы въ деревья, если бы Фаэтонъ послушался просьбъ своего божественнаго отца Аполлона, отказавшись отъ обѣщанной ему колесницы.

Остается Босфоръ, Танаисъ съ озерами у Скиѳовъ
И немного именъ мѣстныхъ извѣстныхъ едва.
Далѣе нѣтъ ничего, кромѣ необитаемой стужи.
О какъ близокъ ко мнѣ край самой дальней земли!
А отчизна вдали и вдали дорогая супруга,
Вмѣстѣ со всѣмъ дорогимъ нѣкогда послѣ ихъ двухъ.
Все же со мною они, чего не дано мнѣ коснуться
Тѣломъ, все это могу видѣть своей я душой.
Передъ глазами плыветъ и городъ, и мѣстъ очертанье,
И подступаютъ къ мѣстамъ каждымъ событія въ нихъ.
Передъ глазами какъ бы предстоящей образъ супруги.
Мой она жребій тягчитъ и облегчаетъ она:
Тѣмъ отягчаетъ, что нѣтъ ея здѣсь; облегчаетъ, —что вѣрно
Любитъ и стойко хранитъ грузъ, что взваленъ на нее.
Также и вы, о друзья, въ моемъ сохраняетесь сердцѣ,
Коихъ по имени я каждаго радъ бы назвать.
Но осмотрительный страхъ укрощаетъ порывы, и сами,
Думаю, въ пѣснѣ моей быть не желаете вы.
Раньше хотѣлося вамъ, и вродѣ почета казалось,
Въ стихотвореньяхъ моихъ ваши читать имена.
Какъ опасность въ томъ есть, обращаюсь я къ каждому въ сердцѣ,
И не буду внушать страха собой никому.
И указаньемъ мой стихъ не выдастъ сокрытаго друга;
Кто меня тайно любилъ, пусть продолжаетъ любить.
Знайте однако, хотя отдѣленнаго дальнимъ пространствомъ,
Нѣтъ меня съ вами, но вы все въ моемъ сердцѣ со мной;
И чѣмъ можетъ лишь кто, облегчайте хоть часть моихъ бѣдствій,
Не отказывайте падшему въ вѣрной рукѣ.
Пусть пребываетъ судьба къ вамъ благосклонна, и сходной
Доли не зная во вѣкъ, вы не просили бъ того жъ.

IV, 49. *Танаисъ*, Донъ. IV, 78. Придерживаясь текста Меркеля, мы читаемъ idem и переводимъ *того жъ*, а не opem—*помощи*.

V

Дружбы моей обиходъ дотого былъ кротокъ съ тобою,
Что не стѣсняясь ничуть ты бъ отрицать ее могъ,
И со мною тѣснѣй ты узами не былъ бы связанъ,
Если бъ попутнымъ ему вѣтромъ корабль мой ходилъ.
Какъ я палъ, и когда отъ паденья всѣ въ страхѣ бѣжали,
И обратились спиной тутъ же ко дружбѣ моей,
Ты прикоснуться дерзнулъ къ пораженному пламенемъ Зевса
Тѣлу и перейти слезнаго дома порогъ;
И недавно знакомъ тѣмъ помогаешь ты нынѣ,
Чѣмъ бѣдняку мнѣ чуть два старыхъ иль три помогли.
Видѣлъ смущенный я ликъ и увидавши запомнилъ,
Видѣлъ въ слезахъ я лицо даже блѣднѣй моего,
И при отдѣльныхъ словахъ замѣчая какъ падали слезы,
Слезы устами, а тѣ слухомъ впивалъ я своимъ;
Чувствовалъ я, какъ, прильнувъ, мнѣ шею руки сжимали,
И съ рыданьями я звукамъ лобзаній внималъ.
Силами былъ, дорогой, твоими хранимъ я заочно:—
Знаешь, что Каръ для меня имя твое замѣнилъ:—
Многіе кромѣ того очевидные признаки дружбы
Я сохраняю въ груди и не могу ихъ забыть.
Боги пошли тебѣ силъ своихъ быть всегдашней защитой,
Коимъ бы ты помогалъ въ болѣ отрадныхъ дѣлахъ.
Если жь ты спросишь межь тѣмъ, что затерянный въ этихъ предѣлахъ
Дѣлаю я—вѣдь же ты спросишь конечно о томъ:—
Малой надежды держусь, коей ты у меня не отъемли,
Что смягчена можетъ быть бога суровая власть.
Тщетно ль надѣюся я, иль этого можно достигнуть,
Вѣрность желаній моихъ ты подтверждай, я прошу,

V, 18. Carus—Каръ, собственно значитъ дорогой. Эта игра словъ по русски не передаваема.

И краснорѣчіе все языка на то обрати ты,
Чтобъ доказать, что моей сбыться возможно мечтѣ.
Чѣмъ кто возвышеннѣй, тѣмъ онъ скорѣй укрощается въ гнѣвѣ,
И смягчиться легко умъ благородный готовъ.
Великодушному льву достаточно тѣло повергнуть,
Какъ только врагъ распростертъ, битвѣ бываетъ конецъ;
На умирающихъ волкъ и гнусный медвѣдь нападаютъ,
Какъ и всякій затѣмъ менѣе доблестный звѣрь.
Что передъ Троей мы храбрѣе найдемъ Ахиллеса?
Но Дарданскаго онъ старца не вытерпѣлъ слезъ.
Что за кротость была у вождя Эматійскаго, кажетъ
Поръ и Даріева блескъ погребенія намъ.
Чтобъ не твердить о людскомъ на милость склоняемомъ гнѣвѣ,
Зятемъ Юноны теперь ранѣе бывшій врагомъ.
Я не могу наконецъ не надѣяться вовсе спасенья,
Ибо я кару терплю не по кровавой винѣ.
Не искалъ же я, съ тѣмъ чтобы все разрушенью подвергнуть,
Цезаревой головы, бывшей главою земли;
Я ничего не сказалъ, языкомъ не промолвилъ угрозы
И не выронилъ словъ дерзкихъ, виномъ опьяненъ:
Что въ незнаньи глаза преступленье увидѣли, каюсь,
И проступокъ то мой въ томъ, что глазами я былъ.
Да и всей то равно вины защищать не могу я;

Ѵ, 38. *Дарданскаго старца,* Пріама. Ѵ, 39. *Вождя Эматійскаго,* Александра Македонскаго. Эматія, часть Македоніи. Ѵ, 40. *Поръ*, взысканный милостью Александра, покоренный Индійскій царь. Александръ почтилъ тѣло Дарія роскошнымъ погребеніемъ. Ѵ, 42. Геркулесъ получилъ на небѣ въ супружество Гебу, дочь Юпитера и Юноны. Ѵ, 48. Здѣсь указаніе на проступокъ знаменитаго оратора и поэта Корнелія Галла, друга Вергилія и Августа, воспѣвшаго въ 4-хъ книжкахъ свою возлюбленную Цитериду подъ именемъ Ликориды. Возвышенный до префектуры Египта, онъ впалъ въ немилость, по мнѣнію однихъ, за то, что разорилъ Ѳивы, а по другимъ за то, что въ пьяномъ видѣ неприлично отозвался объ Августѣ. Вслѣдствіе доносовъ онъ былъ изгнанъ, и имѣнія его отобраны Августомъ. Онъ закололся собственнымъ мечомъ. Существуютъ только немногіе сомнительные отрывки его стихотвореній.

Но въ ошибкѣ межъ тѣмъ часть моей скрыта вины.
Вотъ и надѣюсь я все, что онъ смягчитъ наказанье
Въ томъ, что мѣсто его мнѣ перемѣнитъ онъ самъ.
О когда бъ этотъ день, предвѣстникъ яснаго Солнца,
Поторопивши коня, Люциферъ свѣтлый принесъ!

VI

Нашей пріязни ты узъ, мой дорогой, не желаешь,
Если бы даже желалъ, не въ состояніи скрыть.
Какъ не мѣшало ничто, мнѣ никто тебя не былъ дороже,
И въ цѣломъ Городѣ я былъ самымъ близкимъ тебѣ.
И дотого та пріязнь была очевидна народу,
Что зналъ лучше ее онъ, чѣмъ тебя и меня.
(А насколько друзьямъ дорогимъ ты преданъ душою,
Самъ это знаетъ тотъ мужъ, что почитаемъ тобой).
Такъ ничего не таилъ ты, чтобы о томъ я не вѣдалъ,
Много завѣтнаго ты груди моей повѣрялъ;
Тотъ, кому говорилъ обо всемъ, что хранилъ я какъ тайну,
Кромѣ ставшаго мнѣ пагубой, былъ ты одинъ.
Знай и про это, ты радъ товарища былъ бы спасенью,
И я былъ бы, мой другъ, цѣлъ при совѣтѣ твоемъ.
Но очевидно судьба меня къ наказанью тянула:
Преграждаетъ она всякій мнѣ помощи путь.
Если бъ хоть этого зла осторожностью могъ я избѣгнуть,
Или судьбы побѣдить разумомъ вовсе нельзя?
Все жь ты, который со мной долговременнымъ связанъ общеньемъ,
И сожалѣній моихъ чуть ли не большая часть,
Не забудь, коль тебѣ доставляетъ силъ благосклонность,
Употребить для меня въ дѣйствіе ихъ, я прошу,
Чтобъ оскорбленнаго гнѣвъ божества укротился немного,

И перемѣной страны кара смягчилась моя.
Пусть это такъ, если нѣтъ у меня на душѣ преступленья,
И въ ошибкѣ моя вся заключалась вина.
Не легко разсказать и опасно тотъ случай, при коемъ
Злу роковому мои стали причастны глаза;
Содрагается духъ, какъ предъ собственной язвой, предъ этимъ
Временемъ, съ мыслью о немъ возобновляется боль;
И все то, что принесть этотъ стыдъ съ собою способно,
Въ непроглядной ночи скрывъ подобаетъ сложить.
Такъ ничего не скажу, развѣ что согрѣшилъ я, но этимъ
Я грѣхомъ никакихъ выгодъ себѣ не искалъ;
Нужно бы глупостію назвать мое преступленье,
Коль настоящимъ назвать именемъ хочешь ты вещь.
Ежели это не такъ, отыщи мнѣ подальше изгнанье!
За подгородній пріютъ здѣшнюю землю сочту.

VII

Начерченное вдругъ, ступай поклониться Периллѣ
Ты, писанье, моихъ вѣрный хранитель рѣчей!
Или найдешь ты ее сидящей близъ матери милой,
Или же посреди книгъ и своихъ Піэридъ.
Чтобъ ни творила, узнавъ, что пришло ты, все она кинетъ,
Тотчасъ же спроситъ, зачѣмъ ты пришло и что дѣлаю я.
Ты скажи, что я живъ, но такъ, что и жить не желалъ бы,
И отъ давности лѣтъ легче нѣтъ злу моему;
И что къ Музамъ, хотя мнѣ онѣ повредили, вернулся

VI, 38. *За подгородній пріютъ.* Овидій завѣряетъ Августа въ искренности своихъ оправданій, подвергая себя въ противномъ случаѣ еще болѣе отдаленному изгнанію, которое безропотно готовъ счесть за подгородную дачу.
VII, 1. *Перилла,* дочь Овидія по третьей женѣ.

Я и, мѣняя стопы, словъ подходящихъ ищу.
Ты ей скажи, все ли ты предаешься занятіямъ общимъ,
А не пѣсни поешь ты на отеческій ладъ?
Ибо природа съ красой тебѣ стыдливые нравы,
Рѣдкіе также дары и вдохновенье дала.
Первый это вотъ я къ волнамъ Пегазійскимъ направилъ,
Чтобъ не пропала совсѣмъ жила обильной воды;
Это я первый прозрѣлъ ужь въ нѣжные дѣвичьи годы,
Чтобъ какъ отцу мнѣ вождемъ спутникомъ дочери стать.
Такъ если тотъ же огонь въ груди у тебя пребываетъ,
Вѣщей Лезбійкѣ одной въ пѣснѣ тебя побѣдить.
Но я боюсь, чтобъ тебѣ мое горе не стало помѣхой,
И за паденьемъ моимъ твой не бездѣйствовалъ духъ.
Раньше читалъ я себѣ твое, а свое тебѣ часто;
Часто твоимъ я судьей, часто наставникомъ былъ:
Или я слухъ преклонялъ къ стихамъ только что сочиненнымъ,
Иль при ошибкахъ твоихъ въ краску тебя приводилъ.
Можетъ быть тѣмъ же путемъ, какъ мнѣ были гибельны книжки,
Такъ на гибель за мной слѣдомъ и ты же пошла.
Страхъ ты, Перилла, оставь; ни женщинѣ вѣдь, ни мужчинѣ
Научиться нельзя въ книжкахъ твоихъ какъ любить!
Такъ причины отбрось, вдохновенная, ты замедленья,
И къ святынѣ своей, къ чистымъ искусствамъ вернись!
Милое это лицо испортятъ долгіе годы,
Старческихъ много морщинъ будетъ на прежнемъ челѣ;
Руку наложитъ свою на красу противная старость,
Что своею стопой шуму лишенной идетъ;
Коль кто скажетъ: „была прекрасна она", затоскуешь
И возропщешь, что лгать зеркало стало твое.
Малы достатки твои, хоть ты величайшихъ достойна,

VII, 10. Гекзаметры въ перемѣшку съ пентаметрами. VII, 12. *На отеческій,* по примѣру отчима. VII, 15. *Волнамъ Пегазійскимъ,* къ потокамъ Ипокрены и Аганиппы, вырытымъ копытомъ Пегаса. VII, 20. *Лезбійкѣ,* Сафо.

Но представь, что они благамъ безмѣрнымъ равны;
Счастье вѣдь это даетъ и похищаетъ какъ хочетъ;
Иромъ становится вдругъ, кто за мгновенье былъ Крезъ.
Что по частямъ говорить? ничѣмъ не владѣемъ безсмертнымъ
Мы кромѣ благъ, что въ груди намъ вдохновенье даетъ.
Вотъ хотя и лишенъ отечества, васъ я и дома,
И у меня отнято̀ все, что возможно отнять,
Но вдохновенье мое при мнѣ и меня утѣшаетъ:
Цезарь надъ нимъ возымѣть власти не могъ никакой.
Пусть бы, кто бъ ни было, жизнь мечемъ прекратилъ мнѣ жестокимъ,
Все же по смерти моей слава пребудетъ моя,
Съ высей доколѣ своихъ взирать на міръ покоренный
Будетъ воинственный Римъ, все меня будутъ читать.
Ты же, да будетъ твое счастливѣй стремленье къ занятьямъ,
Сколько ты можешь, бѣги въ дальнемъ грядущемъ костра!

VIII

На колесницу бъ я стать то Триптолема желалъ бы,
Что по безвѣстной нови первое сѣмя бросалъ;
То желалъ бы взнуздать драконовъ Медеи, на коихъ
Изъ твоего, о Коринѳъ, замка умчалась она;
То бы я возложить желалъ для летанія крылья,
Или твои, о Персей, или, Дедалъ, хоть твои:
Чтобы когда моему полету воздухъ уступитъ,

VII, 42. *Иръ,* общеизвѣстный нищій на Итакѣ. *Крезъ,* извѣстный Лидійскій богачъ. VIII, 1. *Триптолемъ,* сынъ Элевзинскаго царя Целія, получилъ отъ Цереры колесницу, нагруженную зерновымъ хлѣбомъ и запряженную драконами; на ней онъ долженъ былъ ѣздить по свѣту и обучать людей земледѣлію. VIII, 3. Медея была волшебница. VIII, 6. *Персей;* Меркурій далъ ему взаймы свои окрыленныя сандаліи для побѣды надъ Медузой.

Сладостную увидалъ землю я родины вдругъ,
И покинутый домъ и друзей, что меня не забыли,
И, что особенно мнѣ мило, супруги лицо.
Что же, глупецъ, ты того въ ребяческихъ хочешь мечтаньяхъ,
День чего ни одинъ не далъ тебѣ и не дастъ?
Если же должно просить, то къ Августа власти взмолися,
Бога проси ты того, коего ты ощутилъ.
Крыльевъ онъ можетъ тебѣ и колесницъ быстролетныхъ
Дать; разрѣши онъ возвратъ, птицею станешь сейчасъ.
Этого коль запрошу—вѣдь больше молить не могу я—
То я боюсь, чтобъ моей просьбѣ нескромной не быть.
Можетъ быть только позднѣй, какъ гнѣвъ ужь его пресытится,
Можно объ этомъ просить, все жь со смущенной душой.
То, что поменьше, межъ тѣмъ мнѣ въ видѣ роскошнаго дара:
Пусть мнѣ изъ этихъ велитъ выдти куда либо мѣстъ.
Небо, вода и земля и воздухъ здѣсь не на пользу;
Горе мнѣ, тѣло мое вѣчная слабость гнететъ!
Или болѣзненный духъ разслабляетъ заразою члены,
Или же въ самой странѣ корень болѣзни моей,
Только что въ Понтъ я вступилъ, безсонница мучитъ, и еле
Кости одѣтъ худоба можетъ, и пищѣ не радъ;
Тотъ что осенней порой у захваченной первымъ морозомъ
Цвѣтъ бываетъ листвы, смятой недавней зимой,
Онъ мои члены обнялъ, нѣтъ силъ никакихъ мнѣ подняться,
И постоянно на боль есть мнѣ причины роптать.
Да и не больше здоровъ, чѣмъ тѣломъ, я и душою,
А какъ двояко больной вдвое страданье терплю.
Все на глазахъ у меня будто бы зримое тѣло,
И наглядно стоитъ образъ судьбины моей:
Какъ оглянусь на мѣста, на нравы людей, на одежду,
На ихъ рѣчь, и чѣмъ былъ я и чѣмъ сталъ, вспомяну,

Къ смерти такъ повлечетъ, что Цезаря гнѣвъ укоряю,
Какъ оскорбленье свое не отомстилъ онъ мечемъ.
Но какъ выбралъ онъ разъ въ раздраженіи путь снисхожденья,
Было бъ съ обмѣною мѣстъ легче изгнанье мое!

IX

Стало быть Греческіе—кто повѣрилъ бы?—здѣсь города есть
Посреди не людскихъ, варварскихъ самыхъ именъ;
Изъ Милета сюда даже высланы шли поселенцы,
И настроили тутъ Греческихъ въ Гетахъ домовъ.
Старое имя, твердятъ, городской постройки древнѣе
Мѣсту Абсиртова лишь въ память убійства дано.
Ибо на кораблѣ, построенномъ бранной Минервой,
Первой помчалась еще по непочатымъ водамъ,
И покидая отца одинокаго злая Медея
Стала искать, говорятъ, веслами этихъ бреговъ.
Издали съ горки крутой, какъ его увидалъ соглядатай,
„Парусъ я вижу, сказалъ, гость изъ Колхиды бѣжитъ!“
Въ часъ какъ Минійцы дрожатъ и съ брега снимаютъ канаты,
И торопливымъ рукамъ якорь тащится вослѣдъ,
Зная провинность свою, ударила въ перси Колхійка
Дерзкой и въ будущемъ вновь дерзкой къ злодѣйствамъ рукой;
И хоть много еще на душѣ дерзновенья осталось,

IX, 3. *Милетъ*, малоазіатскій городъ въ Каріи, былъ по преданію основанъ Милетомъ, сыномъ Аполлона и Акакаллы, дочери Критскаго Миноса втораго, и потому считается греческимъ городомъ. IX, 6. *Абсиртъ*, братъ Медеи. IX, 7. *На корабль*, Арго. IX, 13. *Минійцы*, Аргонавты.

Блѣдность съ испуга была все же у дѣвы въ лицѣ.
Вотъ какъ шедшіе къ ней паруса увидала: „попалась“,
Молвила, „надо отца чѣмъ ухитрясь задержать“.
Какъ, что ей дѣлать ища, она все кругомъ озирала,
Взоры случайно ея пали на брата склонясь.
Какъ увидала его, „побѣда“—она возопила:
„Онъ мнѣ смертью своей будетъ спасенья исходъ“.
Тотчасъ не чующему подобной бѣды она тутъ-же
Немилосердымъ мечемъ бокъ неповинный разитъ
И разсѣкаетъ, затѣмъ и члены разнявши, бросаетъ
Врознь по полямъ, чтобы ихъ въ разныхъ мѣстахъ находить.
Что-бы то вѣдалъ отецъ, на утесѣ высокомъ становитъ
Блѣдныя руки она, голову тоже въ крови;
Чтобъ былъ замедленъ отецъ новымъ горемъ и, мертвые члены
Какъ начнетъ собирать, грустный замедлилъ бы путь.
Названо мѣсто затѣмъ было Томи, что тутъ, по разсказу,
Члены разрѣзывала брата роднаго сестра.

X

Если понынѣ тамъ кто пропавшаго помнитъ Назона,
И остается по мнѣ въ Городѣ имя мое,
Вѣдаетъ пусть, что у звѣздъ никогда не сходящихъ до моря,
Похороненъ я живу въ варварской самой средѣ.
Дикій Сарматовъ народъ кругомъ да Бессы и Геты,
Какъ недостойны моихъ пѣсенъ всѣ ихъ имена!

IX, 33. *Томи*, отъ *τεμνω*,—разрѣзаю. X, 3. *Не сходящихъ до моря*, подъ созвѣздіями Большой и Малой Медвѣдицъ, которыя, вращаясь около полюса, никогда не доходятъ до поверхности моря. Хотя Томи и находилось на одной широтѣ съ Флоренціей, но по мѣрѣ удаленія къ востоку, климатъ вообще становится болѣе суровымъ.

Впрочемъ, какъ воздухъ еще тепелъ, насъ Истръ защищаетъ:
Войны, пока онъ текучъ, гонитъ своей онъ водой.
Но лишь подыметъ зима грустная ликъ свой противный,
И словно мраморъ бѣла станетъ съ морозу земля,
Коль и Борей на лицо и снѣгъ наваленъ подъ Арктомъ,
Видно какъ этихъ людей полюсъ продрогшій гнететъ.
Снѣгъ лежитъ, ни съ дождя, ни отъ солнца не таетъ онъ, лежа,
Закрѣпляя его дѣлаетъ вѣчнымъ Борей.
Такъ то первый пока не растаялъ, второй выпадаетъ,
И во многихъ мѣстахъ двухгодовалый онъ цѣлъ.
У возбужденнаго мощь такова Аквилона, что башни
Онъ равняетъ съ землей, крыши срывая несетъ.
Въ шкурахъ да спитыхъ портахъ отъ злой защищаются стужи,
Только открыто одно въ тѣлѣ то цѣломъ лицо.
Часто звенятъ волоса при движеньи висящихъ сосулекъ,
И отъ морозу блеститъ бѣлая вся борода;
Держатся обнажены, сохранившія форму сосуда,
Вина, не черпая пьютъ, а лишь кусками ѣдятъ.
Что я скажу, какъ ручьи, побѣжденные стужей, твердѣютъ,
И какъ изъ озера тутъ ломкой копаютъ воды?
Даже и тотъ, что рѣки папироносной не уже,
Съ ширью мѣшаетъ морской влагу изъ множества устъ,
Истръ голубыя струи при продолжительныхъ вѣтрахъ
Сверху морозитъ, и скрывъ воду до моря скользитъ.
Тамъ гдѣ шли корабли, нынѣ ноги идутъ, и отъ стужи
Твердую нынѣ волну топчетъ копыто коня;
По небывалымъ мостамъ надъ самой текучей волною
Варварскихъ много телѣгъ тащатъ Сарматовъ быки.
Вѣрить мнѣ будутъ едва, но если за ложь нѣтъ награды,
То и довѣрье вполнѣ должно свидѣтелю дать.
Видѣлъ я, какъ и льдомъ застывало огромное море,

X, 11. *Арктомъ* (см. кн. I, 2, 29). X, 27. *Папироносной*, Нила.

И на недвижныхъ волнахъ гладко лежала кора.
Мало того увидать; я шелъ по водѣ затвердѣвшей,
Верхняя влага была подъ незамокшей стопой.
Если бъ когда-то, Леандръ, ты былъ на подобномъ проливѣ.
Сжатой водѣ-бъ не пришлось смерти твоей быть виной.
Не въ состояніи тутъ кружась дельфины подняться;
Въ воздухъ; лишь захотятъ, ледъ загрубѣвшій претитъ.
И хотя бы Борей восшумѣлъ, размахнувши крылами,
Не появилось бы волнъ средь закрѣпленныхъ зыбей;
Будутъ стоять корабли, окружась какъ мраморомъ льдами;
И не сможетъ разсѣчь водъ отвердѣвшихъ весло.
Видѣлъ связанныхъ рыбъ я льдомъ, въ которомъ застряли,
Часть однако была все между ними жива.
Такъ то охватитъ когда излишняя сила Борея,
Воду хотя бы морей, хоть бы рѣки прибылой,
Тотчасъ по сглаженному сухимъ дуновеніемъ Истру
Варварскій вносится врагъ на быстролетномъ конѣ,
Врагъ, могучій конемъ и долголетной стрѣлою,
Всю вокругъ широко опустошаетъ страну.
Убѣгаютъ одни изъ полей никѣмъ не хранимыхъ,
Расхищается все безъ караула добро,
Бѣдной деревни добро и скотъ и со скрипомъ телѣги
И богатство, какимъ сельскій владѣетъ бѣднякъ.
Часть уводятъ, связавъ за спиною имъ руки, напрасно
Смотрятъ они обратясь и на поля и на домъ,
Падаетъ часть пронзена нещадно стрѣлами съ крючками:
Ибо текучій есть ядъ въ быстромъ желѣзѣ самомъ.
То, что не въ силахъ съ собой унести иль увесть, они губятъ,
И неповинныя жжетъ хижины вражій огонь.
Тутъ хоть и миръ, а они войны опасеньемъ трепещутъ,
И налегая на плугъ землю не пашетъ никто.
Это мѣсто иль зритъ врага, иль не видя страшится;
Залежью грубой лежитъ безъ обработки земля.
Сладкій не кроется гроздъ здѣсь между тѣнистой листвою,

Не наполняетъ чановъ верхомъ пѣнящійся мустъ.
Яблокъ страна не даетъ; у Аконтія здѣсь не нашлось бы
Словъ на чемъ написать, чтобъ госпожа ихъ прочла.
Видишь нагими поля ты безъ зелени и безъ деревьевъ:
Горе, счастливый сюда не заходи человѣкъ!
Знать, хотя широко кругъ свѣта большой развернулся,
Мнѣ въ наказанье была эта открыта земля.

XI

Кто бы ты ни былъ, злодѣй, что моимъ заключеньямъ смѣешься,
И вину безъ конца, извергъ, кладешь на меня,
Ты скалами рожденъ, молокомъ воспитанъ звѣринымъ,
И я скажу, что кремни носишь въ своей ты груди.
Что же за степень еще, до которой твой гнѣвъ поднялся бы,
Или какихъ у меня видишь отсутствіе золъ?
Видитъ варварскій край и непривѣтливый берегъ
Понта съ медвѣдицею бурной Менальской меня.
Нѣтъ языкомъ у меня сношеній съ дикимъ народомъ,
И переполнены всѣ томнаго страха мѣста.
Какъ проворный олень медвѣдями злыми захваченъ,
Или какъ горныхъ волковъ въ страхѣ трепещетъ овца,
Такъ то и я окруженъ отовсюду воинственнымъ людомъ
Въ страхѣ, когда у меня врагъ чуть лишь не о бокъ стоитъ.
Точно бы мало еще наказанья, что милой супруги,

X, 73. *Аконтій,* юноша съ Цикладскаго острова *Цеи,* влюбился въ Делосѣ, во время празднества Діаны, въ прекрасную Цидиппу. Надписавъ на яблокѣ изъ сада Венеры: „клянусь Діаною, Аконтій будетъ моимъ супругомъ“,—онъ подкатилъ его къ ногамъ рабыни Цидиппы, которая попросила госпожу прочесть надпись. Цидиппа громко прочла эти слова, не замѣчая, что изрекаетъ обязательную для нея клятву. Когда она приготовилась къ бракосочетанію съ другимъ, то подверглась жестокой лихорадкѣ, и родители вынуждены были отдать ее замужъ за Аконтія. XI, 8. *Медвѣдицею* (см. II, 190).

Что я отчизны лишенъ и дорогихъ мнѣ друзей;
Словно, помимо всѣхъ золъ, лишь Цезаревъ гнѣвъ выношу я,
И недостаточно мнѣ въ Цезарскомъ гнѣвѣ бѣды?
Нѣкто однако же есть, кто старыя раны тревожитъ
И краснорѣчью даетъ ходъ противъ нравовъ моихъ?
Всякому въ легкихъ дѣлахъ удобно быть краснорѣчивымъ;
Шаткое хватитъ разбить даже ничтожнѣйшихъ силъ.
Замки во прахъ низвергать и стѣны стоящія доблесть;
Трусы, насколько хотятъ, смогутъ попрать, что лежитъ.
Сталъ я не тотъ, что я былъ; что призракъ пустой попираешь?
Что на прахъ и костеръ камни швыряешь ты мнѣ?
Былъ и Гекторъ, когда въ сраженіи бился; но тѣмъ же
Гекторомъ не былъ, влекомъ слѣдомъ Гемонскихъ коней.
Помни также, что нѣтъ и меня, какого знавалъ ты:
Только подобіе вотъ мужа осталось того.
Чтожъ ты подобье, злодѣй, преслѣдуешь горькою рѣчью?
Ты перестань, я прошу, тѣнь безпокоить мою!
Всѣмъ хоть проступкамъ моимъ ты повѣрь, того пусть не будетъ
Въ нихъ, что ошибкой скорѣй ты, чѣмъ виной-бы, почелъ;
Вотъ я, изгнанникъ, несу — насыщай свое сердце ты! — кару
Тяжкую ссылкой, затѣмъ ссылочнымъ мѣстомъ самимъ.
Жребій мой палачу показаться можетъ плачевнымъ,
Мало приниженъ межъ тѣмъ онъ по суду одного!
Ты жесточе еще Бузириса, жесточе того, что
Медленнымъ пламенемъ жегъ изображенье быка,

XI, 28. *Гемонскихъ коней,* то же, что Ѳессалійскихъ, коней Ахиллеса. XI, 32. *Тѣнь;* здѣсь опять Овидій говоритъ о себѣ какъ объ умершемъ. XI, 39. *Бузирисъ,* египетскій царь, сынъ Нептуна, приносившій ежегодно въ жертву Юпитеру иностранца, по совѣту прорицателя Тразея изъ Кипра, въ отвращеніе засухи. Когда Бузирисъ вздумалъ принести въ жертву Геркулеса, послѣдній убилъ его и его сына. XI, 40. Мѣднаго быка отлилъ ваятель Периллъ.

Кто быка, говорятъ, Сикулійскому отдалъ тиранну,
И созданье свое съ рѣчью такой сочеталъ:
„Въ этомъ подаркѣ, о царь, важнѣй изваянія польза,
И не форма одна вещи достойна хвалы.
Видишь ли вотъ у быка затворку съ праваго бока?
Ввергнуть, кого осудилъ на смерть, ты долженъ въ нее.
Тотчасъ на угольяхъ жги заключеннаго ты понемногу:
Онъ взреветъ и издастъ подлинный голосъ быка.
За изобрѣтенье ты, подарокъ равняя подаркомъ,
Дай награду, прошу, дару подстать моему!“
Рекъ. Фаларисъ же сказалъ: „о ты, наказанья великій
Изобрѣтатель, свое тотчасъ созданье насыть!“
Безъ замедленья огнемъ, указаннымъ злобно, палимый
Онъ, вздыхая, пустилъ стоны двойные изъ устъ.
До Сикулійцевъ мнѣ что за дѣло средь Скиѳовъ и Гетовъ?
Плачъ возвращается мой, кто бы ты ни былъ, къ тебѣ
Если бы жажду унять моей ты въ силахъ былъ кровью,
Радости, сколько бъ хотѣлъ, алчной ты принялъ душой:
Столько при бѣгствѣ я снесъ на землѣ и въ морѣ страданій,
Что считаю и ты бъ могъ пожалѣть, услыхавъ.
Вѣрь мнѣ, если бы былъ Улиссъ сопоставленъ со мною,
У Нептуна бы гнѣвъ меньше Зевесова былъ.
Кто ты ни будь, потому не ищи обновлять обвиненій,
И жестокой рукой тяжкихъ не трогай ты ранъ.
Да чтобъ молву о моей винѣ уменьшило забвенье,
Дай дѣяній моихъ ранѣ недавней зажить;
Жребій припомня людской, который того же возноситъ
И угнетаетъ, ты самъ шаткихъ страшись перемѣнъ!
И потому что, чего никакъ не считалъ я возможнымъ,
У тебя о моихъ много заботы дѣлахъ,
Страхъ твой напрасенъ: моя судьба безпримѣрно несчастна;

XI, 41. *Тиранну,* Фаларису.

Цезаревъ гнѣвъ за собой всякое горе влечетъ.
Чтобъ это было яснѣй, и я не казался притворнымъ,
Я бы желалъ, чтобъ ты самъ кару мою испыталъ.

XII

Уже Зефиръ холода̀ уменьшилъ, и годъ завершая
Показалась зима старымъ Томитамъ длиннѣй,
Да и тотъ, что пронесъ на хребтѣ неудачно такъ Геллу,
Уже равнять принялся время ночное съ дневнымъ.
Мальчики съ дѣвочками весело рвутъ ужь фіалку,
Что родилась на поляхъ, хоть и не сѣялъ никто;
Распускается лугъ цвѣтами различной окраски,
И безыскусственный зобъ птицы вѣщаетъ весну;
Ласточка, чтобы сложить недоброй матери славу,
Подъ стропилами вьетъ маленькій домъ и постель;
Злаки, что въ бороздахъ лежатъ Цереры зарыты,
Вышли, вершину поднявъ изъ размягченной земли;
Гдѣ лоза только есть, изъ отпрысковъ почка выходитъ,
Но отстоитъ отъ страны Гетской лоза далеко;
Тамъ гдѣ дерево есть, вспухаетъ на деревѣ вѣтка,
Но отъ Гетской страны дерево такъ далеко.
Тамъ досугамъ теперь и играмъ сплошнымъ по порядку
Уступаетъ уже рынка болтливаго споръ.
Нынѣ ѣзда на конѣ, и легкимъ играютъ оружьемъ;
Мячъ нынѣ, нынѣ кубарь въ быстромъ вертится кругу,

XII, 3. Овенъ въ зодіакѣ, съ котораго начинается весна, здѣсь переносится на того, который, уронивъ со спины Геллу въ море, далъ ему прозваніе Геллеспонта; мартъ мѣсяцъ. XII, 5. *Фіалку,* здѣсь надо подразумѣвать левкои, желтофіоль и прочее. XII, 9. *Ласточка,* бывшая до превращенія Прокною, жестокосердо убила сына своего Итиса. XII, 17—18. Народныя увеселенія и игры начинались весною и продолжались до осени. Въ это время народныя собранія, судебныя разбирательства и торговыя сдѣлки на рынкѣ прекращались.

Нынѣ, когда молодежь облита текущей оливой,
Члены усталые ей въ Вирго струи погружать.
Сцена цвѣтетъ, и кипитъ въ направленьяхъ отдѣльныхъ участье,
Три театра изъ трехъ рынковъ до разу звучатъ.
О четырежды, о не сочтешь насколько тотъ счастливъ,
Кто запрещенья не зналъ жизнь Городскую вкушать!
Я же знаю, что снѣгъ отъ вешняго солнца растаялъ,
Изъ затвердѣвшихъ озеръ водъ не копаютъ уже;
Море не стянуто льдомъ, и, какъ бывало, по Истру
Шумныхъ Сарматскихъ телѣгъ не прогоняетъ пастухъ.
Все же какіе нибудь корабли приплывать сюда станутъ,
И на Понтійскомъ брегу гостемъ появится киль.
Брошусь навстрѣчу пловцу поспѣшно и, здравствуй сказавши,
Кто онъ, спрощу, и зачѣмъ, и изъ какихъ это мѣстъ.
Было бы дивно, когда-бъ онъ былъ не изъ ближней округи
И не сосѣднія лишь воды безпечно взрѣзалъ.
Рѣдкій только пловецъ изъ Италіи за море ходитъ,
Рѣдкій къ лишеннымъ портовъ этимъ идетъ берегамъ.
Ежели Греческою иль Латинскою рѣчью умѣлъ бы
Онъ говорить, этимъ все былъ бы пріятнѣе онъ;
Можетъ съ пролива еще и дальнихъ зыбей Пропонтиды
Съ Нотомъ надежнымъ держа сюда кто расправлялъ паруса—
Кто бы онъ ни былъ, молву передать привѣтнымъ все можетъ
Голосомъ, частью молвы ставши и помощью мнѣ.
Я бы желалъ, чтобы онъ передать могъ слухъ о тріумфахъ
Цезаря и обо всѣхъ Лація Зевсу мольбахъ,

XII, 22. *Вирго*, холодная вода, проведенная въ Римъ, нынѣ носящая названіе Треви, въ которой купались. Римляне передъ купаньемъ предавались тѣлеснымъ упражненіямъ. XII, 24. *Три театра,* — Помпея, Бальба и Марцелла, и *три рынка,*—forum Romanum, Caesaris и Augusti. XII, 45. *О тріумфахъ,* Цезаря Тиверія, который въ отмщеніе за пораженіе Вара отправился въ походъ на Германцевъ. XII, 46. *Лація Зевсу*, Августу.

Какъ и ты наконецъ, бунтовщица Германія, грустно
Преклонила главу мощному въ ноги вождю.
Кто перескажетъ мнѣ то, о чемъ я грущу, что не видѣлъ,
Тотъ немедля въ дому будетъ и гостемъ моимъ.
Горе! Назоновъ ужь домъ не въ Скиѳскихъ ли нынѣ предѣлахъ,
И вмѣсто Лара мнѣ мѣстъ кара не дастъ ли своихъ?
Боги, пошлите, чтобъ здѣсь не алтарь, не жилище мнѣ Цезарь,
А наказанья пріютъ временный видѣть желалъ!

XIII

Вотъ и лишній совсѣмъ—что было и пользы родиться?—
Къ сроку идетъ своему День рожденія мой.
Что, жестокій, къ годамъ изгнанника грустнымъ приходишь?
Ты скорѣе конецъ долженъ бы имъ положить.
Если бъ жалѣлъ ты меня, иль стыдъ какой либо вѣдалъ,
Ты не пошелъ бы за мной вонъ изъ отчизны моей;
И на мѣстѣ, гдѣ зналъ меня, къ несчастью, ребенкомъ,
Ты бы старался на немъ мнѣ и въ послѣдній предстать,
И разставаясь со мной, какъ тоже друзья поступили,
Въ Городѣ все же бы ты грустный промолвилъ: прощай.
Нуженъ на что тебѣ Понтъ? Иль гнѣвъ тебя Цезаря тоже
Въ дальнюю землю сослалъ въ самый холодный предѣлъ?
Вѣрно надѣешься ты на почетъ, какой подобаетъ,
Бѣлое чтобъ у меня платье спускалося съ плечъ,

XII, 52. *Лара*, домашній богъ здѣсь вмѣсто дома. XIII, 2. *День рожденія*, Natalis, здѣсь собственно геній хранитель, рождающійся вмѣстѣ съ человѣкомъ и годично навѣщающій покровительствуемаго, за что его почитали ладаномъ, вѣнками и пирогомъ.

Чтобы вѣнками въ цвѣтахъ опоясанъ былъ жертвенникъ дымный,
И на торжественномъ бы пламени ладанъ трещалъ,
Чтобы лепешекъ я несъ, означающихъ время рожденья,
Чтобы изъ набожныхъ устъ добрыхъ молитвъ изрекалъ?
Я и поставленъ не такъ, и время мое не такое,
Чтобы приходомъ твоимъ могъ я обрадованъ быть.
Погребальный алтарь печальнымъ увитъ кипарисомъ,
Мнѣ къ лицу и огонь, сложенныхъ ждущій костровъ.
Нѣтъ охоты богамъ ладанъ нести непреклоннымъ,
Добрыя рѣчи на умъ въ горѣ подобномъ нейдутъ.
Если жь о чемъ попросить у меня въ этотъ день и найдется,
Не возвращайся опять въ эти мѣста, я прошу,
Въ пору, когда меня чуть не дальнѣйшій край свѣта пріемлетъ,
Понтъ, что Эвксиномъ слыветъ, ложное имя пріявъ.

XIV

Благопріятель и стражъ достойный ученаго люда,
Что творишь, моего дара всегдашній ты другъ?
Также-ль какъ въ счастьи привыкъ меня восхвалять ты бывало,
Нынѣ боишься, чтобъ я словно совсѣмъ не исчезъ?
Иль уважаешь мои пѣсни ты, за исключеньемъ
Тѣхъ лишь искусствъ, что во вредъ были творцу своему?
Такъ ты и дѣлай, прошу, любитель новыхъ поэтовъ,
Сколько есть силъ, удержи въ Городѣ дѣло мое.

XIII, 28. Черное море, по причинѣ своей бурливости и непривѣтливости береговъ, прозванное первоначально Понтомъ *αξεινοσ* (негостепріимный), послѣ того, какъ вслѣдъ за Аргонавтами появились Іонійскія колоніи, получило противоположное прозваніе *Ευξεινοσ* (гостепріимный).

Ссылка сказана мнѣ, но книжкамъ не сказана ссылка,
Кару владѣльца онѣ не заслужили ничѣмъ.
Ссыльный нерѣдко отецъ томится въ краяхъ отдаленныхъ,
Ссыльнымъ дѣтямъ межь тѣмъ можно и въ Городѣ жить.
Пѣсни безъ матери мной рождены по примѣру Паллады,
Это отродье и съ тѣмъ вмѣстѣ потомство мое.
Ихъ поручаю тебѣ, и чѣмъ онѣ болѣе сиры,
Тѣмъ для опеки твоей явится тягостнѣй грузъ.
Тремъ изъ моихъ лишь дѣтей моя сообщилась зараза,
А въ остальной ты толпѣ явно участье прими.
Все же пятнадцать есть книгъ, объ измѣненіи формы,
Пѣсни, что прямо съ костра схвачены были творца.
Это творенье могло бъ, если бъ ранѣе я не погибнулъ,
Имя надежнѣй стяжать высшей отдѣлкой руки.
Нынѣ народу въ уста оно перешло безъ поправокъ,
Если въ народныхъ устахъ что либо есть моего.
Къ книжкамъ моимъ приложи эту, не знаю какую,
Что изъ дальнѣйшей страны примешь посылкою ты.
Кто бы ее ни прочелъ,—коль прочтетъ,—пусть раньше размыслитъ,
Гдѣ и въ какое она время написана мной.
Милостивъ онъ къ письменамъ станетъ, узнавъ, что явиться
Въ ссыльное время въ странѣ варварской имъ довелось:
И удивится, что я при столькихъ несчастьяхъ былъ въ силѣ
Пѣсню какую нибудь грустной рукой начертать.
Бѣды сломили мой даръ, котораго ранѣе даже
Тощъ былъ источникъ во мнѣ, также и жила слаба.
Но какова ни была, безъ работы она оскудѣла,
И въ застоѣ такомъ долгомъ изсякла совсѣмъ.
Нѣтъ здѣсь обилія книгъ, чтобъ меня подстрекнуть и насытить;
Вмѣсто книгъ тутъ звенятъ только доспѣхи да лукъ.

XIV, 13. *Паллада* родилась безъ матери изъ головы Юпитера. XIV, 17. *Тремъ* книжкамъ Искусства любви. XIV, 19. Метаморфозы.

Въ этой землѣ никого, когда бы стихи сталъ читать я,
Нѣтъ, въ комъ слухъ бы найти я понимающій могъ.
Некуда мнѣ уходить: отдѣляетъ стѣнная ограда
И запертыя врата Гетовъ враждебныхъ отъ насъ.
Часто я спрашиваю о словѣ, объ имени, мѣстѣ,
И никого нѣтъ, кого бъ могъ я вѣрнѣе спросить.
Часто когда я хочу что сказать—постыдно сознаться!—
Слова найти не могу, я ужь отвыкъ говорить.
Рѣчи Ѳракійскія вкругъ меня да Скиѳскія больше,
И кажись бы я могъ Гетскія пѣсни писать:
Вѣрь, я боюсь, чтобы ты въ моихъ сочиненьяхъ Латинскихъ
Словъ Понтійскихъ, туда вставленныхъ, не прочиталъ.
Такъ снисхожденія ты удостой мою книжку хоть малость,
Жребія ты моего ради ее извини.

XIV, 48. *Гетскія пѣсни;* о написанномъ имъ на Гетскомъ языкѣ стихотвореніи въ честь Августа, Овидій говоритъ въ Понтѣ (IV, 13, 19).

СКОРБИ ОВИДІЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

СКОРБИ ОВИДІЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I

Если случится изъянъ въ моей книжкѣ, какъ это и будетъ,
То его времени ты ради, читатель, прости.
Ссыльнымъ былъ я, искалъ себѣ отдыха я, а не славы,
Чтобы не все обращенъ умъ былъ на бѣды свои.
Это вотъ, ради чего землекопъ въ кандалахъ распѣваетъ,
Какъ облегчаетъ онъ трудъ тяжкій напѣвомъ простымъ;
И склонившись поетъ, напирая на илистый берегъ,
Тотъ, кто навстрѣчу рѣки тащитъ медлительный плотъ;
Кто равномѣрно къ груди подводитъ тяжелыя весла,
И руками въ размѣръ двигая движетъ волну.
Какъ усталый пастухъ, опершися на жезлъ, иль на камнѣ
Сидя, плѣняетъ овецъ звуками изъ тростника;
Такъ у поющей рабы, и при этомъ урокъ свой прядущей,
Скрытый обманомъ идетъ незамѣчаемый трудъ.
Говорятъ, и Ахиллъ, Лирнезиды уводомъ разстроенъ,
Лирой Гемонской свое горе старался смягчить.
Какъ распѣвая Орфей лѣса и суровыя скалы
Увлекалъ, онъ грустилъ, дважды супруги лишась.

I, 15. *Лирнезиды*, Бризеиды изъ Лирнеса, уведенной Агамемнономъ.
I, 18. *Дважды супруги лишась*, въ первый разъ, когда Эвридика умерла отъ укушенія змѣи, а во второй, когда, выводя ее изъ подземнаго царства, онъ, не смотря на запрещеніе, оглянулся назадъ, и она исчезла.

Въ Понтѣ Муза и мнѣ мѣста услаждала изгнанья,
Спутницей ссылки она только осталась одна;
Не боится она одна засадъ, и воинскихъ
Синта мечей, и морей, вѣтровъ и дикой страны.
Знаетъ, когда я погибъ, какой былъ обманутъ ошибкой,
И что въ событьи вина, не преступленье мое,
Вѣрно добра и теперь за то, что сперва повредила,
Какъ преступной была признана вмѣстѣ со мной.
Все жь бы хотѣлось, чтобы затѣмъ, что онѣ повредили,
Къ таинствамъ я Піэридъ не прикасался рукой.
Что же мнѣ дѣлать теперь? сестеръ тѣхъ влечетъ меня сила,
И безумецъ, сраженъ пѣснью, я пѣсню люблю.
Такъ то лотосъ впервой Дулихійскимъ нёбомъ отвѣданъ
Привлекателенъ сталъ вкусомъ, которымъ вредилъ.
Чуетъ влюбленный, я чай, свои бѣды, но къ нимъ прилипаетъ,
И за причиной своихъ онъ заблужденій идетъ.
Радуютъ тоже меня, хотя повредили мнѣ, пѣсни,
И нанесшее мнѣ рану копье я люблю.
Это стремленье могло бъ пожалуй казаться безумствомъ;
Нѣкая польза межъ тѣмъ въ этомъ безуміи есть.
Мысли оно не даетъ созерцать непрестанно невзгоды
И заставляетъ забыть о настоящихъ скорбяхъ.
Какъ язвима своей не чувствуетъ раны Вакханка,
Коль завываетъ она пѣснью Идейской мутясь,
Такъ пока моя грудь, зелень тирса учуя, пылаетъ,
Духъ возносится мой выше несчастій людскихъ.
Ни изгнанія онъ, ни прибрежія Скиѳскаго моря,
Ни раздраженныхъ уже не ощущаетъ боговъ.
И какъ будто испилъ я Леты снотворные кубки,

I, 31. *Дулихійскимъ нёбомъ*, ртомъ спутниковъ Улисса. I, 42. *Идейской*, оргіастической пѣснью жрецовъ Цибелы на малоазіатской Идѣ, или Идейскихъ Куретовъ на Критѣ. I, 43. *Зелень тирса*, жезлъ тирса въ рукахъ Вакха и вакханокъ, украшенный сверху еловою шишкой, былъ увитъ плющемъ и виноградными побѣгами. I, 46. *Боговъ*, Августа и его семейства.

Такъ ощущенья во мнѣ времени бѣдствія нѣтъ.
Вправѣ поэтому чтить я богинь, облегчающихъ горе,
Съ Геликона моихъ въ бѣгствѣ печальномъ подругъ,
Частію моремъ, не то по землѣ въ кораблѣ иль стопами
Удостоивавшихъ слѣдомъ за мною идти.
Были бъ хоть эти, молю, ко мнѣ благосклонны! боговъ вѣдь
Прочія сонмища лишь съ Цезаремъ мощнымъ одно,
И надо мной столько бѣдъ скопляютъ, сколько песчинокъ
На берегу, сколько рыбъ въ морѣ, а въ рыбѣ икры.
Прежде весною цвѣты, а лѣтомъ сочтешь ты колосья,
Осенью прежде плоды, а снѣжинки зимой,
Чѣмъ все зло, что я снесъ, по цѣлому мыкаясь свѣту,
Какъ несчастный искалъ лѣвыхъ Эвксина бреговъ.
Все жь, какъ я прибылъ, судьба не легче несчастьями стала,
И сюда до конца слѣдомъ за мною пошла.
Также и здѣсь признаю я пряжу судьбы прирожденной,
Пряжу, изъ чернаго что мнѣ выпрядалась руна.
Чтобъ не разсказывать мнѣ о засадахъ, опасностяхъ жизни,
Хоть и правдивыхъ, самой правды для вѣры труднѣй:
Такъ тому проживать тяжело между Бессовъ и Гетовъ,
Кто у народовъ въ устахъ только всегда проживалъ!
Какъ тяжело охранять вратами жизнь да стѣною,
И безопасность едва крѣпостью мѣста хранитъ!
Тяжкихъ сраженій войны избѣгалъ я въ юные годы,
И для забавы вращалъ только доспѣхи въ рукѣ;
Нынѣ старикъ, прихватя мечъ сбоку и въ лѣвую руку
Щитъ, свою сѣдину я укрываю подъ шлемъ.
Ибо какъ съ вышки подастъ лишь сторожъ знаки тревоги,
Тотчасъ дрожащей рукой я за оружье берусь.
Врагъ, изготовившій лукъ и стрѣлы, поенныя ядомъ,
Грозный носится вкругъ стѣнъ на храпящемъ конѣ;
Словно какъ хищный овцу, что не укрылась въ овчарнѣ,
Волкъ по хлѣбамъ, по лѣсамъ мчитъ за собой и несетъ:
Такъ то если кого не приняли часомъ ворота,

I, 63. *Пряжу,* нить Парокъ.

Варваръ вреждебный въ поляхъ, какъ захватилъ, заберетъ;
Или плѣнный идетъ вослѣдъ съ закованной шеей,
Иль отъ хранящей въ себѣ ядъ погибаетъ стрѣлы.
Здѣсь я, новый жилецъ, скрываюся въ мѣстѣ опасномъ:
О времена черезчуръ долгія доли моей!
А къ пѣснопѣніямъ все жь и къ жертвамъ давнишнимъ вернуться
Пришлая Муза среди столькихъ несчастій смогла!
Только нѣтъ никого, кому бъ могъ свои пѣсни читать я,
Никого, чей бы слухъ понялъ Латинскую рѣчь.
Самъ для себя—что же мнѣ и дѣлать?—пишу и читаю,
Муза хранима моя собственнымъ только судомъ.
Часто межь тѣхъ говорю: „Для кого этотъ трудъ и забота?
Или Сарматамъ мои книжки да Гетамъ читать?“
Часто у пишущаго у меня прорываются слезы,
И бываютъ отъ слезъ мокры страницы мои.
Старыя раны мои сердце, какъ новыя, слышитъ
И упадаетъ мнѣ дождь влаги печальной на грудь,
Какъ съ перемѣной судьбы, чѣмъ я былъ и чѣмъ сталъ, поразмыслю
И откуда меня рокъ перенесъ и куда,
Часто въ безумьи рука, на себя и занятія въ злобѣ,
Пѣсни бросала мои на пламенѣвшій очагъ.
Такъ, потому что теперь изъ многаго цѣло немного,
Ты съ благосклонностью все, кто бы ты ни былъ, прочти!
Ты же пѣсню мою, что не лучше моей и судьбины,
Съ добротою прими, мой запрещенный мнѣ Римъ!

II

Ужъ передъ Цезарями Германія дикая можетъ,
Побѣждена какъ весь міръ, павши колѣни склонить,

II, 1. *Ужъ*, см. (III, 12, 45).

И Палатинъ, можетъ быть, высокій увѣшанъ вѣнками,
И зашипѣвъ на огнѣ ладанъ и день омрачитъ,
Бѣлая жертва, пріявъ ударъ занесенной сѣкиры,
Шеей на землю падетъ въ пурпурѣ крови своей;
И во храмы боговъ благосклонныхъ дары по обѣту
Побѣдители несть Цезари оба хотятъ,
И тѣ юноши, что подъ Цезарскимъ именемъ зрѣютъ,
Чтобъ непрерывно въ вѣкахъ правилъ землей этотъ домъ;
Ливія даръ пусть несетъ съ невѣстками добрыми, ради
Здравія сына, богамъ, какъ ей не разъ приносить,
Съ ней и матроны, и тѣ, что прегрѣшенія чужды,
Въ непрестанномъ блюдутъ дѣвствѣ священный очагъ;
Набожно чернь и сенатъ возликуетъ, за набожной чернью
Всадники тожъ, коихъ былъ малой я частью досель.
Измѣняетъ вдали мнѣ изгнаннику общая радость,
И въ такую молва даль лишь идетъ умалясь.
Весь значитъ будетъ народъ въ состояніи видѣть тріумфы,
И съ именами вождей взятые грады прочтетъ,
И увидитъ царей плѣненныхъ съ цѣпями на шеѣ,
Какъ они впереди идутъ вѣнчанныхъ коней,
Узритъ притомъ у иныхъ съ судьбой примиренныя лица,
Грозныя же у другихъ, тѣхъ, что не помнятъ себя.
Часть о причинахъ одна, именахъ и предметахъ запроситъ,
Часть станетъ сказывать, хоть мало извѣстно самимъ.
„Тотъ, что торжественно такъ въ Сидонскомъ пурпурѣ блещетъ,
Былъ вождемъ на войнѣ, этотъ ближайшимъ къ вождю.
Тотъ, что нынѣ глаза печально къ землѣ преклоняетъ,
Былъ не съ подобнымъ лицомъ, какъ онъ оружье носилъ.

II, 8. *Цезари оба*, Августъ и Тиверій. II, 9. *Юноши*, Тиверій, сынъ Друза и усыновленный Тиверіемъ Германикъ, сынъ старшаго Друза. II, 11. *Ливія*, супруга Августа. *Невѣстки* Тиверія: Агрипина, супруга Германика, и Ливилла, супруга младшаго Друза. II, 13. *Тѣ*, весталки. II, 18. Кромѣ плѣнныхъ, украшавшихъ тріумфъ, проносились картины и изображенія завоеванныхъ городовъ, рѣкъ и т. д. II, 27. *Сидонскій пурпуръ*, отъ гор. Сидона въ Финикіи.

Тотъ свирѣпый, досель пылающій взоромъ враждебно,
Былъ возбудителемъ битвъ и подающимъ совѣтъ.
Этотъ коварный, что ввелъ обманами нашихъ въ засаду,
Тотъ, что нависнувшимъ скрылъ волосомъ мрачный свой ликъ.
Тѣмъ, что слѣдомъ за нимъ, говорятъ, какъ жрецомъ приносились
Часто плѣнныхъ тѣла богу, что ихъ отвергалъ.
Это озеро, всѣ эти замки, всѣ горы и рѣки
Были жестокихъ убійствъ, крови бывали полны:
Нѣкогда Друзъ заслужилъ въ земляхъ себѣ этихъ прозванье,
Тотъ, что отродіемъ былъ добрымъ, достойнымъ отца.
Этотъ утративъ рога, тростникомъ чуть прикрытый зеленымъ,
Былъ обагренный своей собственной кровію Рейнъ.
Съ распущенной косой несутъ и Германію тоже,
Что груститъ у вождя непобѣдимаго ногъ;
И подъ Римскій топоръ подставляя отважную шею,
Цѣпи въ той держитъ рукѣ, въ коей доспѣхи несла.“
Цезарь, превыше ты ихъ пройдешь въ колесницѣ побѣдной
Въ пурпурѣ, какъ надлежитъ, передъ народнымъ лицомъ:
Гдѣ ни пройдешь ты, твоихъ кругомъ восплещутъ и руки,
И отовсюду цвѣты кинуты скроютъ пути.
Фебовымъ лавромъ чело обовьется и голосомъ громкимъ
„Іо“, воинъ притомъ—„іо, тріумфъ“, запоетъ.
Самъ отъ шума равно и плеска и трепета пѣнья
Ты четверки коней узришь заминку не разъ.
Къ выси оттуда пойдешь и къ внемлющей просьбамъ святынѣ,

II, 36. По Тациту (Ан. I, 61) Германцы послѣ пораженія Вара принесли многихъ Римлянъ въ жертву на алтаряхъ. II, 39. *Другъ* старшій, сынъ Ливіи и братъ Тиверія, за свои побѣды въ Германіи прозванъ Германикомъ. II, 43. *Германію*, олицетворенную въ видѣ богини. II, 47. *Цезарь*, Тиверій. II, 55. *Къ выси*, въ Капитолій, гдѣ тріумфаторъ посвящалъ Юпитеру свой лавровый вѣнокъ.

И, по обѣту, ты дашь Зевсу заслуженный лавръ.
Это, какъ только могу, изгнанникъ я въ духѣ увижу:
Мнѣ надъ отторженнымъ онъ мѣстомъ права сохранитъ.
Вольный проносится онъ чрезъ необъятныя земли,
Быстрымъ также путемъ онъ достигаетъ небесъ;
Онъ направляетъ мои глаза въ середину Столицы,
И лишеннымъ такихъ благъ мнѣ онъ быть не даетъ;
Духъ мнѣ дастъ увидать колесницу изъ кости слоновой,
Такъ въ отчизнѣ мнѣ все жь краткое время пробыть.
А счастливый народъ это зрѣлище вправду увидитъ,
И будетъ рада толпа вмѣстѣ въ вождемъ на лицо.
Мнѣ же только въ мечтахъ и слухомъ лишь отдаленнымъ
Доведется такой дѣла исходъ воспринять,
И отъ Лація вдаль отправленный въ чуждыя страны
Врядъ ли найдется, кто бъ мнѣ, алчному знать, разсказалъ.
Поздно хоть этотъ уже про старый тріумфъ поразскажетъ,
Но какъ услышу о немъ, буду въ то время я радъ.
День настанетъ, когда сложу я свое сокрушенье,
И народный вопросъ частнаго станетъ важнѣй.

III

Звѣри большой и меньшой, оба сухи, изъ коихъ у Грековъ
Правитъ судами одинъ, а у Сидонцевъ другой,
Вы всевидящіе наверху стоящіе неба
И нейдущіе вглубь западной влаги морской,
Чей, объятьями лишь облегающій замокъ воздушный,
Кругъ надъ нетронутою вами землей возстаетъ,
Загляните, прошу, въ тѣ стѣны, что встарь неудачно

III, 1. *Звѣри большой и меньшой*, Большая и Малая Медвѣдицы, обѣ, не погружающіяся въ море. III, 2. Большая Медвѣдица руководитъ греческихъ пловцовъ, а Малая – финикійскихъ.

Перескочилъ, говорятъ, дѣтище Иліи, Ремъ,
И блестящій вашъ взоръ на мою госпожу обративши,
Мнѣ сообщите, меня помнитъ она или нѣтъ.
Горе, чего я страшусь? добиваюсь того, что такъ явно!
Что же надежда моя смутнаго страха полна?
Вѣрь въ то, что есть, чего ждешь, и вѣрнаго брось опасаться,
Къ вѣрности полной въ тебѣ вѣра да будетъ полна.
То, что не въ силахъ огни сказать тебѣ въ тверди небесной,
Самъ непреложнымъ тебѣ голосомъ ты разскажи:
Та вспоминаетъ тебя, о коей всѣхъ больше крушишься,
И, что ей можно одно—имя твое все хранитъ.
Къ лику она твоему, словно ты передъ ней, приникаетъ
И отъ тебя вдалекѣ любитъ тебя, коль жива.
Иль какъ предастся душа больная правдивой печали,
Отъ отягченной груди легкій и сонъ убѣжитъ?
Не возникаетъ ли скорбь, какъ съ тобой и постеля и мѣсто
Соприкасаясь, забыть не дозволяютъ меня?
И раздумье беретъ и кажется ночь безконечной,
И, метаться уставъ, въ тѣлѣ всѣ кости болятъ?
Не сомнѣваюсь, чтобы сбылось и то и другое,
И проявляла любовь знаки тоски у тебя,
Чтобы менѣе ты терзалась Ѳивянки узрѣвшей,
Какъ Ѳессалійская мчитъ Гектора ось за собой.
Мнѣ же чего самому просить, не рѣшу, и не знаю,
Строя какого души я бы желалъ для тебя.
Ты грустна? я ропщу, что тебѣ я причиною горя;
Нѣтъ? такъ была бъ какой слѣдъ, мужа утративши, быть.
Ты жь о потерѣ своей скорби, дорогая супруга,
И о несчастьяхъ моихъ въ горести дни провожай,
Плачь надъ моею судьбой! есть нѣкая въ плачѣ отрада:
Наполняется боль и утекаетъ въ слезахъ.
О когда бы рыдать не о жизни тебѣ, а о смерти

III. 29. *Ѳивянки*, Андромахи, дочери царя Этіона въ Киликійскихъ Ѳивахъ.
III. 30. Колесница Ѳессалійскаго Ахиллеса.

Было моей, только бъ смерть насъ разлучила съ тобой!
Этотъ бы духъ близь тебя исшелъ на воздухъ отчизны,
Нѣжныя слезы тогда бъ грудь оросили мою,
И взирающіе глаза на знакомое небо
Въ день послѣдній твои мнѣ бы закрыли персты.
И покоился бъ прахъ положёнъ въ отцовской могилѣ,
Ею рожденнаго бы тѣло пріяла земля;
Наконецъ, какъ и жилъ, безъ проступка я бы и умеръ,
Нынѣ стыдиться должна жизнь моя кары своей.
Горе мнѣ, коль, названа супругою ссыльнаго, взоры
Ты отвернешь и въ лицѣ выступитъ краска стыда!
Горе мнѣ, если тебѣ считаться женой моей срамно!
Горе мнѣ, если уже стыдно моей тебѣ быть!
Гдѣ то время, когда своимъ ты супругомъ хвалилась,
И не старалась тогда имени мужа скрывать?
Гдѣ то время, когда — коль о немъ вспоминать ты захочешь —
Помню, ты рада была быть и считаться моей?
Какъ и достойно честной, я нравился всѣмъ тебѣ свойствомъ,
И придавала любовь много къ правдивой хвалѣ.
И никого бъ не нашлось — столь казался тебѣ я достойнымъ —
Чтобы его предпочла мужемъ своимъ ты назвать.
Нынѣ же ты не стыдись быть моею женою; и въ этомъ
Горе присутствуетъ пусть, только отсутствуетъ стыдъ.
Какъ необузданный палъ Капаней подъ ударомъ нежданнымъ,
Иль ты читаешь, что мужъ въ краску Эвадну привелъ?
Да потому, что огонь огнемъ уничтожилъ царь міра,
Для своихъ Фаэтонъ все жь отчужденнымъ не сталъ;

III, 63. *Капаней*, одинъ изъ героевъ передъ Өивами. Когда онъ по лѣстницѣ влѣзъ на стѣну, то былъ сраженъ молніей Юпитера. Когда трупъ его лежалъ на кострѣ, супруга его Эвадна, дочь *Ифиса*, бросилась изъ любви къ нему въ огонь. III, 65. *Огонь огнемъ* (см. III, 4, 29).

Да и Семела чужой не стала родителю Кадму
Изъ за того, что въ мольбѣ сгибла тщеславной своей.
И у тебя, что сраженъ огнемъ я суровымъ Зевеса,
Пусть на нѣжномъ лицѣ пурпурный стыдъ не горитъ.
Но на защиту мою возстань съ еще большей заботой,
И примѣромъ ты мнѣ доброй супруги явись;
Грустную участь своей добродѣтелію ты наполни:
Трудная слава идетъ самымъ тяжелымъ путемъ.
Кто же бы Гектора зналъ, коль Троя была бы счастлива?
Горемъ общественнымъ лишь доблести путь былъ раскрытъ.
Тифій, искусство твое безъ волнъ морскихъ было бъ тщетно,
Средь здоровыхъ ты, Фебъ, былъ бы искусенъ вотще.
Та, что въ счастливые дни сокрыта и всѣмъ неизвѣстна,
Доблесть выходитъ на свѣтъ и познается въ бѣдахъ.
Жребій мой подаетъ тебѣ поводъ ко славѣ, и дивно
То, что нѣжность твоя приподымаетъ чело.
Пользуйся временемъ тѣмъ, въ которомъ явилась надежда
И широко для похвалъ поле раскрылось твоихъ!

IV

Ты, что предковъ своихъ именами уже благородный,
Нравами выше еще знатнаго рода стоишь,
Чья вмѣщаетъ душа отраженье доблести отчей,
Чтобъ этой доблести ты не былъ лишенъ въ существѣ,
У кого въ языкѣ краснорѣчья отцовскаго сила,

III. 67. *Семела*, дочь Кадма, сгорѣвшая въ объятіяхъ Юпитера. III, 69. *Зевеса*, Августа. III, 77. *Тифій*, рулевой Аргонавтовъ. III, 78. *Фебъ*, богъ врачеванія. IV, 1. Вѣроятно подразумѣвается Мессалинъ (сл. письма Овидія съ Понта къ Мессалину).

Больше которой ни чьей Лація форумъ не зналъ,—
То, чего я не желалъ, вмѣсто имени въ признакахъ только
Названъ ты; похваламъ это своимъ ты прости!
Я не виновенъ ни въ чемъ, добромъ своимъ явнымъ ты выданъ.
Только явись ты чѣмъ есть, мнѣ и простится вина.
Да и считаю почетъ, моей тебѣ явленный пѣсней,
При справедливомъ такомъ будетъ безвреденъ вождѣ.
Самъ же отчизны отецъ—кто ласковѣй быть его можетъ?—
Терпитъ, чтобъ въ пѣснѣ моей часто читали о немъ.
Да и нельзя запретить, такъ какъ общая собственность Цезарь;
И изъ общественнаго блага часть тоже моя.
Вдохновенью пѣвцовъ предаетъ свою славу Юпитеръ
И дозволяетъ его всякимъ устамъ восхвалять.
Положенье твое охранно примѣромъ двухъ вышнихъ,
Видимъ изъ нихъ здѣсь одинъ, богомъ на вѣру другой.
Хоть и не долженъ я былъ, буду все же за это въ отвѣтѣ:
Не подъ внушеньемъ твоимъ это письмо создалось.
И не новая то вина, что съ тобой говорю я,
Съ кѣмъ безопасно вполнѣ часто говаривалъ я.
Бойся тѣмъ меньше, чтобъ я въ осужденье не сталъ тебѣ другомъ,
Если злорѣчью тутъ быть, приметъ виновникъ его.
Ибо съ первыхъ годовъ отецъ твой былъ почитаемъ
Много всегда, ты скрывать этого не помышляй;
Дарованье мое онъ выхваливалъ—можешь припомнить—
Даже больше, по мнѣ, чѣмъ и достоинъ я былъ;
И о моихъ онъ стихахъ говорилъ въ такихъ выраженьяхъ,
Что благородства была въ нихъ превеликая часть.
Нынѣ не ты, потому что былъ въ томъ домѣ я принятъ,
А обманутъ скорѣй твой оказался отецъ.
Но не обманутъ онъ былъ, повѣрь; а въ каждомъ событьи,

IV, 13. *Отчизны отецъ*, почетный титулъ Августа. IV, 19. *Двухъ* боговъ, Августа и Юпитера. IV, 26. Самъ Овидій.

Кромѣ послѣдняго, жизнь вся безупречна моя.
Даже вины, отъ какой я погибъ, ты бъ не счелъ преступленьемъ,
Если бъ подобнаго зла вѣдалъ сцѣпленіе ты.
Страхъ иль ошибка мнѣ вредъ нанесли, скорѣе ошибка.
Ахъ! дозволь о моей не вспоминать мнѣ судьбѣ.
И прикасаяся вновь не растрогивай ты незакрытыхъ
Ранъ! едва будетъ имъ самый полезенъ покой.
Такъ хоть терплю подѣломъ наказанье, а не было вовсе
Ни преступленія, ни плана въ проступкѣ моемъ.
Чувствовалъ это и богъ: ни жизни меня не лишилъ онъ,
И не владѣетъ другой взятымъ добромъ у меня.
Можетъ быть, коль доживу, и самое это изгнанье
Нѣкогда онъ прекратитъ, какъ ослабѣетъ въ немъ гнѣвъ.
Нынѣ молю, чтобъ отсель перебраться мнѣ повелѣлъ онъ,
Ежели просьбы мои не безъ смущенья стыда.
Ссылки по мягче прошу и хоть на малость поближе,
Мѣста, отъ коего бы дальше суровый былъ врагъ;
И дотого милосердъ Августъ, что, если бъ просить сталъ
Этого кто за меня, онъ бы быть можетъ сдался.
Хладные держатъ меня берега Эвксинскаго Понта,
Онъ у древнихъ всегда имя Аксена носилъ.
Ибо умѣренными не волнуется море вѣтрами,
И къ покойной нейдетъ пристани чуждый корабль.
Тутъ народы вокругъ, что кровію ищутъ добычи;
Злобныхъ не менѣе водъ должно бояться земли.
Тѣ, о какихъ ты слыхалъ, что крови людской они рады,
Чуть не подъ той же со мной неба лежатъ полосой.
Недалеко отъ меня то мѣсто, гдѣ Таврской богини
Колчаноносной, алтарь кровью убійствъ окропленъ.
Это была, говорятъ, незавидна для нечестивыхъ
И нежеланна благимъ, область Тоаса царя.
Дѣва Пелопса здѣсь, по обмѣнѣ на лань, приносила

IV, 36. *Кромѣ послѣдняго,* событія, навлекшаго на поэта изгнаніе. IV, 56. *Аксена* (см. III, 13, 28). IV, 66. *Тоаса* (см. I, 9, 27). IV, 67. *Пелопса*

Жертвы богинѣ своей, не затрудняясь ничѣмъ.
После того какъ Орестъ, неизвѣстно честный иль преступный,
Прибылъ сюда удрученъ злобою Фурій своихъ,
И настоящей любви образецъ, Фокейскій товарищъ.
Тѣ что тѣлами и два, были единой душой,
Тотчасъ связанные сведены къ алтарю роковому,
Что передъ дверью двойной кровью покрытый стоялъ.
Но ни того своя смерть, ни другаго своя не пугала:
Каждый изъ нихъ о концѣ только другаго грустилъ.
И предстояла уже съ мечомъ приподнятымъ жрица,
И окружила власы Грековъ повязка враговъ,
Какъ при обмѣнѣ рѣчей Ифигенія брата узнала
И объятья ему смерти взамѣнъ принесла.
Ликъ богини она, ненавидящей страшныя жертвы,
Съ радостью перенесла въ лучшее мѣсто оттоль.
Эта вотъ область и есть почти на окраинѣ міра,
Боги и люди отколь скрылись,—ко мнѣ такъ близка;
И вблизи отъ моей земли смертоносныя жертвы,
Если Назоновой быть варваровъ можетъ земля.
О хоть бы вѣтры все тѣ жь, какими Орестъ унесенъ былъ,
Къ богу смягченному мой парусъ назадъ унесли!

V

О среди избранныхъ ты товарищей самый мнѣ близкій,
Ты единый алтарь бывшій въ судьбинѣ моей,
Съ рѣчью котораго я умирающей ожилъ душою,
Словно огонь ночника съ масломъ въ него подлитымъ;
Ты, который открыть не боялся пристани вѣрной,
Чтобы молніею потрясенный корабль воспріять;

дѣва, Ифигенія изъ Пелопсова рода. IV, 71. *Фокейскій товарищъ,* Пиладъ.

Съ чьею бы я казной ощутить не могъ недостатка,
Еслибъ наслѣдье отцовъ Цезарь отторгнулъ мое!
Въ часъ, какъ уноситъ порывъ меня, забывшаго время,
Горе! чуть имя твое не сорвалось у меня!
Ты же себя узнаешь и похвалъ вожделѣньемъ задронутъ,
Радъ бы былъ, если бы могъ явно сказать: „это я“.
Вѣрно хотѣлъ бы тебѣ, лишь позволь ты, воздать величанье,
Чтобы молвѣ передать рѣдкую дружбу твою.
Не повредить бы тебѣ, боюсь я, хвалебною пѣсней,
И не пришелся бъ почетъ имени такъ не впопадъ.
Что безопасно и долгъ, въ глубинѣ возрадуйся сердца,
Что о тебѣ помню я, и что такъ преданъ ты былъ.
Продолжай налегать на весла на помощь, доколѣ,
Какъ успокоится богъ,—вѣтеръ помягче дохнетъ;
И защити ты главу, которой никто не поможетъ,
Коль не спасетъ, кто въ волну Стикса ее погрузилъ;
Ты жь постояннымъ явись, что появляется рѣдко,
Несокрушимой ничѣмъ дружбы во всякихъ дарахъ!
Такъ пусть счастье твое преуспѣваетъ съ годами,
Такъ не нуждайся ты самъ и помогай ты своимъ!
Такъ пусть супруга твоя добротой равняется съ мужемъ,
И подходитъ у васъ рѣдко къ постели печаль.
Единокровный къ тебѣ пусть съ той же любовью стремится,
Нѣжный съ какой своего Кастора братъ возлюбилъ!
Пусть такъ подобнымъ тебѣ твой сынъ зародится, и всякій
Пусть по нравамъ его можетъ признать, что онъ твой!
Брачнымъ такъ факеломъ пусть тебя дочь содѣлаетъ тестемъ,
И молодому скорѣй дѣда прозваніе дастъ!

V, 22. *Стикса*, здѣсь Овидій снова сравниваетъ свое изгнаніе со смертью.
V, 30. Любовь Кастора и Поллука вошла въ пословицу.

VI

Времени пахоти быкъ снословъ передъ плугомъ бываетъ
И подъ кривое ярмо шею свою подаетъ;
Временно пламенный конь покоряется легкимъ поводьямъ
И отработаннымъ ртомъ рѣзкость пріемлетъ удилъ;
Временемъ также и львовъ Пунійскихъ гнѣвъ подается,
И не хранится въ душѣ лютость, что прежде была,
Тоже Индійскій и звѣрь вожака покоряется рѣчи,
Временемъ препобѣжденъ службу охотно несетъ.
Время приводитъ къ тому, что грозды лоза раздуваетъ,
И вмѣщаютъ едва зерна вино, что въ нихъ есть;
Время и сѣмена до блѣдныхъ доводитъ колосьевъ,
И плодамъ не даетъ терпкій ихъ вкусъ сохранять.
Утончаетъ оно сошникъ землепашнаго плуга,
И стираетъ кремни какъ и желѣзо оно жь.
Мало по малу и гнѣвъ жестокій оно укрощаетъ,
Уменьшаетъ и плачъ, грусть облегчаетъ сердецъ.
Стало быть можетъ стопой беззвучной минувшая давность
Все ослабить, моихъ за исключеньемъ заботъ.
Какъ я отчизны лишенъ, два раза ужь хлѣбъ молотили,
Голой надавленъ ногой, дважды ужь лопался гроздъ.
Но въ продолжительный срокъ не пріобрѣлъ я терпѣнья,
И недавняго зла чувство еще на душѣ.
Старые такъ то быки отъ криваго ярма убѣгаютъ,
И нерѣдко уздѣ смирный противится конь.
Даже печальнѣй тоска въ настоящее время, чѣмъ прежде:
Хоть она та жь, что была, только съ лѣтами взросла.
И мнѣ бѣды не такъ извѣстны были, какъ нынѣ;
А чѣмъ знакомѣй онѣ, тѣмъ и сильнѣе гнетутъ.
Немаловажная вещь приносить еще свѣжія силы,
И истомленнымъ не быть ранѣе времени зломъ.
Новый сильнѣе боецъ на желтой аренѣ, чѣмъ руки

VI, 7. *Индійскій звѣрь*, слонъ.

Истомившій уже выдержкой долгой своей.
Свѣжій въ блестящей бронѣ гладіаторъ того превосходитъ,
Что окропляетъ своей собственной кровью доспѣхъ.
Новый корабль хорошо выноситъ буйныя грозы,
Старый при первой уже бурѣ распасться готовъ.
Также и я, что сношу, выносилъ терпѣливѣе прежде,
И увеличилось зло только отъ долгой поры.
Вѣрьте, на убыль иду; и насколько по тѣлу
Въ силахъ судить своему, время ужь кратко для бѣдъ.
Ибо ни силъ больше нѣтъ, и цвѣтъ ужь не тотъ, что бывало,
Слабая кожа едва есть, чтобы кости покрыть.
Въ тѣлѣ однако больномъ духъ боленъ сильнѣе и видитъ,
Что окружаетъ его лишь безконечное зло.
Вида Столицы тутъ нѣтъ, друзей нѣтъ, сердцу желанныхъ,
И, что дороже всего, нѣтъ и супруги моей.
Скиѳовъ здѣсь только народъ да Геты, носящіе брюки;
Вижу, не вижу ли что, все такъ смущаетъ меня.
Только надежда одна, которой во всемъ утѣшаюсь,
Что изъ за смерти моей недолговѣчно все зло.

VII

Солнце ко мнѣ подошло послѣ зимняго холода дважды,
Дважды скончало свой путь, тронувъ созвѣздіе Рыбъ.
Отчего же твоя рука въ столь долгое время
Не потрудилась хотя бъ нѣсколько словъ начертить?
Дружба молчала твоя почему, когда мнѣ писали
Тѣ, съ которыми я въ маломъ общеніи былъ?
Отчего каждый разъ, что завязку со свертка снималъ я,

VII, 2. Солнце вступало въ созвѣздіе рыбъ въ серединѣ февраля, слѣдовательно въ концѣ римскаго года, начинавшагося съ марта. VII, 7. *Завязку*. Письма на табличкахъ или папирусѣ, особенно любовныя, завязывались нит-

Я надѣялся въ немъ имя твое обрѣсти?
Дали бы боги, чтобы письмо писалось твоею
Часто рукой, но ко мнѣ лишь не дошло ни одно!
Ясно, чего я прошу; повѣрю скорѣй, что Горгонской
Ликъ Медузы увитъ былъ волосами изъ змѣй,
Что собаки у чреслъ дѣвы, что есть и Химера,
Въ коей огонь отдѣлилъ львицу отъ злобной змѣи,
Что грудь съ грудью срослись четвероногіе люди,
Что трехтѣльный есть мужъ, да и трехтѣльный есть песъ,
Сфингу и Гарпій признать и змѣеногихъ Гигантовъ,
Гига сторукаго радъ и полумужа быка.
Этому я бы всему скорѣй, дорогой мой, повѣрилъ,
Чѣмъ чтобы, измѣнясь, ты обо мнѣ позабылъ.
Между мной и тобой безчисленны горы, дороги,
Рѣкъ, полей и морей тоже немало легло.
Тысячи ради причинъ изъ посланныхъ часто тобою
Писемъ, до рукъ не дойти можетъ моихъ ни одно;
Тысячи ты побѣди причинъ писаніемъ частымъ,
Чтобы не вѣчно тебя, другъ мой, оправдывать мнѣ!

VIII

Уже виски у меня подражаютъ лебяжьему пуху,
Черные краситъ власы старость бѣлесая мнѣ;
Годы недуговъ уже настаютъ и бездѣйствія время,

кой, концы которой припечатывались восковой печатью. VII, 13. *Дѣвы*, Сциллы. VII, 15. Центавры. VII, 16. *Трехтѣльный* исполинъ Геріонъ, и трехглавый Церберъ. VII, 18. *Гига*. Когда Юпитеръ низвергнулъ въ Тартаръ титановъ, сыновей Урана или Цэла и Титеи или Теллы (Неба и Земли), земля въ отмщеніе произвела гигантовъ, змѣеногихъ исполиновъ, которые стали громоздить Оссу на Олимпъ, чтобы взобраться на небо. Послѣ отчаянной борьбы, они были отражены богами и пораженные молніей Юпитера придавлены горами. Гіасъ, или Гигъ, одинъ изъ трехъ сторукихъ исполиновъ. *Полумужа быка*, Минотавра.

Съ малой мнѣ силой себя уже носить тяжело.
Время пришло и велитъ, трудовъ положа окончанье,
Жить, чтобъ меня никакой не озабочивалъ страхъ,
И вкушая досугъ, что всегда моему былъ отраденъ
Сердцу, бъ занятьяхъ своихъ съ нѣгою мнѣ пребывать,
И свой домъ небольшой прославлять и старыхъ Пенатовъ
И поля, что теперь тщетно хозяина ждутъ,
И въ объятьяхъ жены и милыхъ друзей и отчизны
Безо всякихъ тревогъ стариться тихо бы мнѣ.
Такъ то нѣкогда я провести надѣялся старость,
Такъ то окончить свои годы заслуживалъ я.
Боги судили не такъ, какъ меня, по землѣ и по морю
Прогонявъ, къ берегамъ дали Сарматскимъ пристать.
Корабли поврежденные въ доки открытые вводятъ,
Чтобы заносчиво имъ не оставаться средь водъ.
Чтобъ не упасть и своихъ всѣхъ заслуженныхъ пальмъ не позорить,
Щиплетъ въ лугахъ мураву изнемогающій конь.
Воинъ, когда онъ въ годахъ заслуженныхъ не слишкомъ полезенъ,
Къ Ларамъ стариннымъ, съ себя снявши, доспѣхи кладетъ.
Такъ то, какъ силы во мнѣ уменьшаетъ лѣнивая старость,
Было бы время и мнѣ мечъ деревянный вручить.
Было бы время, чтобъ я не дышалъ подъ небомъ чужбины,
Жажду изъ Гетскаго я не утолялъ бы ключа,
А сидѣлъ бы въ садахъ просторныхъ, какими владѣлъ я,
Радуясь видомъ людей да и Столицы опять.
Такъ когда то душой непрозорливой въ грядущемъ
Я уповалъ, что могу мирно дожить старикомъ.
Не допустили судьбы; онѣ, что въ первое время

VIII, 22. *Къ Ларамъ*. У домашняго очага въ атріумѣ отпущенные на волю рабы слагали свои цѣпи, юноши свою дѣтскую ладанку буллу, и отставные солдаты свое оружіе. VIII, 24. Римляне при обученіи новобранцевъ давали имъ вмѣсто металлическаго оружія деревянное, rudis. Заслуженный борецъ въ знакъ отставки получалъ деревянный мечъ, съ котораго онъ началъ свое служеніе.

Нѣжно ко мнѣ отнеслись, стали позднѣе тѣснить.
И какъ десять уже безъ изъяна люстровъ я прожилъ,
Частію худшею я жизни теперь угнетенъ;
Невдалекѣ отъ меты, которой, казалось, достигнулъ,
Тяжко разбиться пришлось вдругъ колесницѣ моей.
Видно, безумецъ, того на меня я заставилъ гнѣвиться,
Кротче котораго нѣтъ въ мірѣ во всемъ никого?
Побѣждено и само милосердье моимъ прегрѣшеньемъ,
Все жь у ошибки моей жизнь не была отнята?
Жизнь, что придется вести подъ Бореемъ вдали отъ отчизны,
Гдѣ отъ Эвксинскихъ зыбей влѣво земля пролегла?
Если бы Дельфы мнѣ то и сама предсказала Додона,
Лживымъ бы мѣстомъ онѣ обѣ казалися мнѣ.
Такъ то не крѣпко ничто, хоть связано будь оно сталью,
Чтобы могло уцѣлѣть въ Зевсовомъ быстромъ огнѣ;
Столь высокаго нѣтъ превыше опасностей всякихъ,
Чтобы предъ богомъ не пасть и не склониться предъ нимъ.
Ибо хоть бѣдствія часть навлечена прегрѣшеньемъ,
Болѣе гибели все жь гнѣвъ божества причинилъ.
Вы же предварены моими несчастьями будьте,
Чтобы вамъ угодить мужу, что равенъ богамъ!

IX

Если возможность ты дашь, я скрою проступокъ и имя,
И предадутся твои влагѣ Летейской дѣла,
И снисхожденье мое обрѣтутъ твои позднія слезы:
Только скорѣй прояви, что ужь раскаялся ты.
Только скорѣй повинись и изъ жизни своей Тизифонской

VIII, 43. Въ Дельфахъ Фокейскихъ было Аполлоново прорицалище, а въ Эпирской Додонѣ—Юпитерово. VIII, 48. *Богомъ*, Августомъ.

Вычеркнуть годы, когда бъ это ты могъ, пожелай.
Если жь не такъ, и ко мнѣ въ груди твоей злоба пылаетъ,
Боль поневолѣ велитъ вооружиться и мнѣ.
Хоть бы, какъ нынѣ, я былъ на край вселенной отправленъ,
Тѣмъ не меньше оттоль гнѣвъ свои руки простретъ.
Всѣ, коль не вѣдаешь ты, мнѣ Цезарь права предоставилъ,
И наказанье одно мнѣ по отчизнѣ грустить.
Да и отчизны, будь онъ лишь здравъ, отъ него я надѣюсь:
Часто стрѣлой опаленъ Зевса все въ зелени дубъ.
Ежели средствъ никакихъ у меня и не будетъ отмщенья,
То Піэриды мнѣ силъ вмѣстѣ съ оружьемъ дадутъ.
Что проживаю вдали, къ берегамъ отосланный Скиѳовъ,
И всѣхъ ближе къ моимъ звѣзды сухія глазамъ:
По безконечнымъ моя пройдетъ огласка народамъ,
И на что я ропщу—міръ весь узнаетъ о томъ.
То, о чемъ говорю, съ восхода пройдетъ до заката,
И Гесперійскихъ рѣчей будетъ свидѣтель востокъ.
Черезъ земли меня, чрезъ глубокія волны услышатъ,
И воздыханій моихъ мощный подымется гласъ,
И не одинъ только вѣкъ про твою виновность узнаетъ:
Обвиненнымъ тебѣ вѣчно въ потомствѣ пребыть.
Мнѣ уже хочется въ бой, хоть роговъ я пока не воспринялъ,
Я бъ и желалъ, чтобъ носить не было повода ихъ.
Циркъ покоенъ досель; но быкъ сердитый швыряетъ
Брызги песку и ногой злобной ужь землю разитъ.
Больше и это того, что хотѣлъ я; труби отступленье,
Муза, покуда тому скрыть свое имя дано!

IX, 6. *Годы,* когда тебя преслѣдовала Фурія Тизифона. IX, 18. *Звѣзды сухія,* созвѣздіе Медвѣдицы, не закатывающейся въ море. IX, 22. *Гесперійскихъ*, западныхъ.

X

Чтобы какимъ я и былъ, нѣжнѣйшей любви пѣснопѣвецъ,
Ты, какъ читаешь его, знало потомство, внемли.
Мнѣ отчизна Сульмонъ, холодной волной изобильный,
На девяносто онъ миль вдаль отъ Столицы лежитъ.
Тутъ то я порожденъ, и чтобы время ты вѣдалъ,
Какъ два консула вдругъ жребіемъ пали однимъ.
Коль уже нѣчто въ томъ есть, что отъ предковъ наслѣдникъ по званью,
А не по милости лишь счастія всадникомъ я.
Не первороднымъ я былъ, а вслѣдъ народился за братомъ
Тѣмъ, что раньше еще за годъ явился на свѣтъ.
Тотъ же Люциферъ былъ при нашемъ обоихъ рожденьи;
Былъ пирогами двумя день тотъ же самый почтенъ:
Это былъ день изъ пяти торжества броненосной Минервы
Первый, въ который открытъ можетъ кровавый быть бой.
Съ юныхъ воспитанный лѣтъ и отца составляя заботу,
Въ Городъ отправился я къ славнымъ въ искусствѣ мужамъ.
Братъ съ нѣжнѣйшихъ годовъ наклоненъ былъ къ краснорѣчью,
Къ мощнымъ доспѣхамъ рожденъ площади полной рѣчей;
Но еще мальчикомъ мнѣ небесная нравилась служба,
Къ дѣлу меня своему Муза украдной влекла.
Часто отецъ говорилъ: „къ безплодному что ты стремишься?
Не оставилъ богатствъ самъ Меонидъ никакихъ.“

X, 3. *Сульмонъ*, нынѣ Сульмона, въ области Пелигнійской, на востокъ отъ Лаціума. X, 4. Девяносто римскихъ миль въ 1000 шаговъ равнялись, считая по пяти римскихъ на одну нѣмецкую, 18-ти географическимъ милямъ. X, 6. Въ 711 г. отъ О. Р. и въ 43 до Р. Хр. два консула, Гирцій и Панза, пали при Мутинѣ въ сраженіи противъ Антонія. X, 12. *Пирогами* (см. III, 13, 2). X, 13. *День торжества*, квинкватріи Минервы, праздновавшіеся пять дней съ 19-го по 23 марта, впродолженіе которыхъ только со втораго дня могли происходить гладіаторскія игры. Такимъ образомъ днемъ рожденія Овидія было 20 марта. X, 22. *Меонидъ*, Гомеръ.

Тронутъ словами я былъ и, весь Геликонъ покидая,
Я старался писать рѣчи, лишенныя стопъ.
Самъ собою размѣръ приходилъ соотвѣтственный пѣснѣ,
И что писать начиналъ я, становилось стихомъ.
Между тѣмъ, какъ года проходили безмолвной стопою,
Брату пришлося и мнѣ тогу свободнѣй надѣть,
И возложенъ на плеча былъ пурпуръ съ широкой каймою,
И пребываетъ у насъ тотъ же все трудъ, что и былъ.
Жизни десять ужь лѣтъ удвоилъ братъ мой, когда онъ
Умеръ, и я ощутилъ части себя же уронъ.
Нѣжнаго возраста я достигъ и почестей первыхъ,
И когда-то одной частію трехъ былъ мужей.
Оставался сенатъ; каймы ширину уменьшилъ я:
Ноша такая была силамъ не въ пору моимъ.
Тѣло снести не могло, и умъ для труда не годился,
И честолюбія всѣхъ я треволненій бѣжалъ,
И убѣждали искать Аонійскія сестры досуговъ
Вѣрныхъ, къ которымъ всегда самъ я стремился душой.
Въ тѣ времена почиталъ и возлюбилъ я поэтовъ,
Сколько являлось пѣвцовъ, столько считалъ я боговъ.
Часто читалъ своихъ Птицъ Мацеръ мнѣ, преклонный годами,
И о вредной змѣѣ, и о полезной травѣ.
Часто, бывало, читалъ свои мнѣ вспышки Проперцій,
Тотъ, что по сходству труда былъ сотоварищемъ мнѣ.
Понтикъ стихомъ героидъ и Бассъ, столь прославленный ямбомъ,
Въ сладкомъ союзѣ со мной членами были семьи;
Слухъ мой также плѣнить умѣлъ сладкозвучный Горацій,
Стройныя пѣсни когда лирой Авзонской бряцалъ.

X, 34. *Частію трехъ былъ мужей*, triumvir Capitalis, (см. Превр. Овид. Жизнеописаніе). X, 35. Достигать мѣста въ сенатѣ Овидій не чувствовалъ призванія; поэтому смѣнилъ широкую кайму сановника на узкую—всадника. X, 39. *Аонійскія сестры*—музы. X, 43. Эмилій *Мацеръ*, другъ Горація, написалъ стихотвореніе о птицахъ, Ornithogonia. X, 47. *Стихомъ героидъ*, гекзаметромъ, которымъ Овидій написалъ погибшую нынѣ поэму Ѳиваиду

Зрѣлъ лишь Вергилія я; и горькій жребій Тибулла
Мнѣ на дружество съ нимъ времени не даровалъ.
Шелъ за тобою онъ, Галлъ, а слѣдомъ за нимъ и Проперцій;
Самъ я четвертымъ въ ряду этого времени былъ.
Какъ я старшихъ, меня и младшіе такъ почитали,
И не поздно моя стала Талія славна.
Какъ впервые читалъ я народу юныя пѣсни,
Два иль три раза была брита моя борода.
Возбудила мой даръ, воспѣтая цѣлой Столицей,
Та, что именемъ я ложнымъ Коринны прозвалъ.
Многое я написалъ, но то, что считалъ я порочнымъ,
На исправленіе самъ я же и предалъ огню.
И когда я бѣжалъ, сжегъ то, что успѣхъ бы имѣло,
Такъ на занятія былъ и на стихи свои золъ.
Нѣжное и стрѣламъ Купидона доступное сердце
Отъ маловажныхъ причинъ движимо было во мнѣ.
Но хоть и былъ я таковъ, разгораясь отъ искры малѣйшей,
Имя мое ни съ какой не было сплетней въ связи.
Чуть что не мальчику мнѣ безъ достоинства и бѣлоручку
Дали жену; пробыла мало супругой она.
Слѣдомъ за этой была безупречная, правда, супруга,
Но на ложѣ моемъ прочно ей быть не пришлось.
Та послѣдняя, что до конца со мной оставалась,
Согласилася быть ссыльнаго мужа женой.
Дочь моя, дважды родивъ еще молодой—отъ супруга
Только не одного—сдѣлала дѣдомъ меня.
И ужъ отецъ мой свершилъ свой жребій, прибавивши девять
Новыхъ люстровъ другихъ къ люстрамъ своимъ девяти.
Плакалъ я также, какъ онъ плакалъ бы, если бъ лишился
Онъ меня; вслѣдъ за нимъ снесъ я въ могилу и мать.
Счастливы оба они, погребенные въ должное время,
Такъ какъ ранѣе дня кары погибли моей!

X, 51. Вергилій умеръ въ 19 г. до Р. Хр., и Тибуллъ немногимъ его пережилъ. X, 78. *Люстръ* равнялся пяти годамъ, слѣдовательно отецъ Овидія умеръ 90 лѣтъ.

Счастливъ тоже и я, что я въ бѣдѣ не при жизни
Ихъ, и что имъ обо мнѣ нечего было тужить!
Если же кромѣ именъ у усопшихъ что остается,
И съ высокихъ костровъ мчится летучая тѣнь:
Если молва обо мнѣ дойдетъ къ вамъ, родимыя тѣни,
И обвиненье мое есть у Стигійской толпы:
О узнайте тогда, что причиной—вамъ лгать не могу я—
Ссылки ошибка была, не преступленье мое.
Вотъ и довольно для манъ; къ вамъ я возвращаюся, души
Преданныя, что хотятъ знать моей жизни дѣла.
Ужъ у меня сѣдина, какъ лучшіе годы минули,
Появилась, власы прежніе перемѣшавъ,
И по рожденьи моемъ увѣнчанъ Пизейской оливой
Побѣдитель ѣздокъ десять наградъ ужъ стяжалъ,
Какъ Томитовъ найти на лѣвомъ прибрежьи Эвксина
Оскорбленнаго гнѣвъ мнѣ властелина велѣлъ.
Впрочемъ, извѣстную всѣмъ моего паденья причину
Мнѣ указаньемъ своимъ не надлежитъ подтверждать.
Что поминать о враждѣ сотоварищей, сплетняхъ прислуги?
Многое снесъ я самой ссылки не легче моей.
Возмутилась душа покориться несчастью, и стала
Непобѣдимою, въ ходъ силы пуская свои;
И о жизни своей, проведенной въ досугахъ, забывши,
Я за оружье въ тѣ дни взялся несвычной рукой.
Столько же бѣдъ претерпѣлъ на морѣ и сушѣ я, сколько
Звѣздъ между полюсами скрытымъ и видимымъ есть.
Наконецъ, проблуждавъ въ скитаніи долгомъ, достигъ я
Гетскихъ бреговъ, гдѣ сосѣдъ колчаноносный Сарматъ.
Здѣсь хотя и окруженъ звономъ оружья сосѣдей,
Пѣснью, насколько могу, грустный смягчаю я рокъ.
И хоть нѣтъ никого, къ чьему обращаться бы слуху,
Все же обманомъ такимъ я коротаю свой день.
Такъ то за то, что живу и сношу я тяжелыя муки,

X, 95—96. Въ десять олимпіадъ или люстровъ, т. е. 50 лѣтъ. X, 97. *Томитовъ*, жителей Томи. X, 108. Между южнымъ и сѣвернымъ полюсами.

И не противно еще мнѣ треволненіе дня,
Муза, спасибо тебѣ! вѣдь ты посылаешь отраду,
Отдыхъ заботамъ моимъ и исцѣленье въ тебѣ.
Ты и сопутникъ и вождь; меня ты уводишь отъ Истра,
Мѣсто мнѣ ты жь посреди и Геликона даешь;
Мнѣ ты, что въ рѣдкость, дала высокое имя живому,
Хоть обычно его слава по смерти даетъ.
Зависть, которая все бранитъ современное, злобнымъ
Зубомъ твореній моихъ не угрызала никакъ.
Ибо хотя возносилъ нашъ вѣкъ великихъ поэтовъ,
Слава скупа не была предъ дарованьемъ моимъ,
И хоть я многихъ себѣ предпочитаю, не меньше
Ихъ я хвалимъ, и во всемъ свѣтѣ читаютъ меня.
Если поэтому есть у вѣщихъ предчувствіе правды,
То, какъ скончаюсь, тебѣ я не достанусь, земля.
Хоть благосклонность дала мнѣ эту славу, хоть пѣсни,
Благодарить вправѣ я, добрый читатель, тебя.

СКОРБИ ОВИДІЯ.

КНИГА ПЯТАЯ

СКОРБИ ОВИДІЯ.

КНИГА ПЯТАЯ.

I

Также и эту прибавь ты съ берега Гетскаго книжку,
Мой читатель, къ другимъ высланнымъ мной четыремъ.
Будетъ и эта такой, какова судьбина поэта,
И не сыщешь во всей пѣснѣ отраднаго ты.
Какъ плачевенъ мой рокъ, плачевно также и пѣнье,
Что написалъ подошло подъ содержанье свое.
Радостенъ и невредимъ пѣвалъ я веселье и младость;
Но мнѣ досадно теперь, что я такое писалъ.
Павши, внезапнаго я провожу паденья огласку,
И содержанья я самъ нынѣ творецъ своего.
Такъ же какъ лебедь простертъ, говорятъ, на брегѣ Каистра
Изъ слабѣющихъ устъ стонетъ о смерти своей,
Такъ то и я, занесенъ далеко на берегъ Сарматскій,
Тщуся, чтобы молчкомъ мнѣ погребеннымъ не быть.
Если веселія кто желаетъ и пѣсенъ игривыхъ,
Предупреждаю: пускай онъ не читаетъ сихъ строкъ!
Галлъ ему больше подстать и нѣжный устами Проперцій,
Больше придется подстать кроткой душою Тибуллъ.
О зачѣмъ въ ихъ числѣ не нахожуся я тоже!

I, ст. 11. *Каистръ*, рѣка, протекающая по Іоніи и Лидіи, извѣстная множествомъ лебедей.

Горе! шутила зачѣмъ Муза когда-то моя!
Но вѣдь наказанъ я былъ, къ предѣламъ Скиѳскаго Истра
Колчаноносснаго тотъ сосланъ Амура пѣвецъ.
Что остается, стихи я направилъ на общія пѣсни,
И поручилъ имъ притомъ имя свое не забыть.
Если же спроситъ изъ васъ кто нибудь, откуда такъ много
Я страданій пою: много страданій я снесъ.
Не вдохновеньемъ своимъ это я сочинилъ, не искусствомъ:
Въ собственныхъ дѣйствіяхъ все и содержанье мое.
И какая тутъ часть страданій моихъ въ пѣснопѣньи?
Счастливъ, кто терпитъ лишь то, что въ состояніи счесть!
Сколько вѣтвей есть въ лѣсу и желтыхъ въ Тибрѣ песчинокъ,
Сколько и мягкихъ стеблей въ Марсовомъ полѣ растетъ,
Столько я золъ перенесъ, которымъ лѣкарство и отдыхъ
Только въ занятьяхъ однихъ можно обрѣсть Піэридъ.
„Гдѣ жь, говоришь ты, Назонъ, конецъ твоимъ пѣснямъ печальнымъ?“
Тамъ же, гдѣ самой судьбы явится этой конецъ.
Плакать надъ чѣмъ мнѣ она изъ большаго ключа наливаетъ,
Эти слова не мои, а лишь судьбины моей.
Но отчизну ты мнѣ возврати съ дорогою супругой,
Стану я веселъ лицомъ, стану я тѣмъ, чѣмъ и былъ.
Если бы гнѣвъ сталъ ко мнѣ непреклоннаго Цезаря кротче,
Полныя радости бы пѣсни тебѣ я запѣлъ.
Но не такъ какъ шутилъ, зашутитъ письмо мое снова:
Пусть ужь однажды оно тѣшилось шуткой моей!
Пѣть буду то, что онъ самъ одобритъ, была бы лишь кара
Облегчена и бѣжать варварскихъ Гетовъ я могъ.
Что-жь кромѣ скорбнаго пѣть межъ тѣмъ моимъ пѣснопѣньямъ?
Эта флейта къ моимъ похоронамъ лишь идетъ.

I, 48. *Флейта* была обычнымъ инструментомъ при погребеніи, съ которымъ Овидій постоянно сравниваетъ свое изгнаніе.

„Лучше бы ты, говоришь, могъ вынести бѣды въ молчаньи,
И безмолвно сокрыть всѣ приключенья твои“.
Требуешь ты, чтобъ вослѣдъ мученьямъ не слышалось стоновъ,
И запрещаешь, пріявъ рану глубокую, плачъ?
Самъ Фаларисъ дозволялъ изъ мѣди Перилла мычанье
Издавать и стонать громко устами быка.
Хоть оскорбленъ Ахиллесъ слезами не былъ Пріама,
Ты суровѣй врага мнѣ запрещаешь мой плачъ?
Какъ Латонина дочь лишила дѣтей Ніобею,
То не велѣла же ей щеки сухими хранить.
Стоитъ чего либо зло смягчать роковыми словами:
Вотъ что Прокны то плачъ и Гальціоны родитъ.
Вотъ по причинѣ чего въ холодной пещерѣ Пеантій
Громкимъ крикомъ своимъ скалы Лемноса томилъ.
Душитъ стѣсненная боль и въ серединѣ пылаетъ,
И вынуждается тѣмъ силы свои удвоять.
Ты уже лучше дозволь, иль всѣ отвергни ты книжки,
Если, что мнѣ хорошо, вредно, читатель, тебѣ.
Но не можетъ вредить, ни одно изъ моихъ сочиненій
Кромѣ творцу своему гибели не принесло.
„Но они плохи“; сдаюсь; кто жь брать тебя нудитъ плохое?
Иль что ошибкою взялъ, кто запретитъ отложить?
Самъ я къ тому не клоню, но читай ихъ какъ здѣшнія строкп:
Варварствомъ не превзошли мѣста рожденья онѣ.
Сравнивать Риму меня со своими пѣвцами не должно:
Средь Сарматскихъ бы я могъ съ дарованіемъ быть.
Наконецъ никакой не ищу я славы съ оглаской,
Что поощреньемъ всегда силъ дарованью даетъ.

I, 53. Сл. III, 2, ст. 40—54. I, 57. *Ніобея*, хваставшая многочисленностью своихъ дѣтей передъ Латоною, была наказана Аполлономъ и Діаною, перестрѣлявшими ея дѣтей, почему она сама превратилась въ мраморный образъ скорби. I, 60. *Прокна*, см. Овид. Превр. VI, 412—676. *Гальціона*, см. тамъ же XI, 410—748. I, 61. *Пеантій*, сынъ Пеанта, Филоктетъ.

Я не желаю души истомлять непрестанной заботой,
Что, хоть и гонятъ ее, снова врывается къ намъ.
Вотъ зачѣмъ я пишу; зачѣмъ шлю туда, знать хотите?
Съ вами желаю я быть, въ видѣ какомъ ни на есть.

II

Точно ль, какъ съ Понта письмо появится вновь, ты блѣднѣешь,
И безпокойной его ты раскрываешь рукой?
Страхъ отложи, я здоровъ; и тѣло, что раньше напастей
Переносить не могло и оставалось безъ силъ,
Терпитъ и въ мукахъ самихъ, привычное къ нимъ, затвердѣло.
Или же мнѣ недосугъ больше разслабленнымъ быть?
Духъ же въ болѣзни лежитъ и силъ не набрался съ годами,
И остается въ душѣ тотъ же недугъ, что и былъ.
Раны, отъ коихъ я ждалъ, что онѣ по времени сами
Заростутъ, все болятъ, какъ нанесенныя вновь.
Подлинно, небольшимъ многолѣтняя старость на пользу;
А страданьямъ большимъ время лишь силъ придаетъ.
Чуть что не десять лѣтъ зловредную рану Пеантій
Проносилъ, получивъ отъ ядовитой змѣи.
Телефъ бы изведясь погибъ отъ вѣчной болѣзни,
Если бъ нанесшая вредъ въ помощь рука не пришла.
И я прошу, если я не свершилъ преступленья какого,
Пусть мою рану рука, что нанесла, облегчитъ;
И, довольна уже досель моей долей страданій,
Малость изъ полнаго пусть моря воды отольетъ.

II, 15. *Телефъ*, сынъ Геркулеса, раненъ былъ Ахиллесомъ въ ляжку; такъ какъ рана не заживала, то оракулъ научилъ его искать спасенія у поразившаго его копья. Ахиллесъ исцѣлилъ его ржавчиной своего копья.

Много хотя отчерпнетъ, останется горькаго много,
Часть даже кары моей цѣлою будетъ на видъ.
Раковинъ сколько близь водъ и розъ въ цвѣтникѣ сколько дивпомъ,
Сколько склоняющій въ сонъ макъ въ себѣ зеренъ хранитъ;
Сколько въ лѣсу есть звѣрей, и рыбъ сколько плаваетъ въ водахъ,
Сколько на нѣжныхъ крылахъ въ воздухъ возносится птицъ,
Столько я бѣдствій терплю, которыя счесть еслибъ вздумалъ,
Было бъ что капли воды моря Икарскаго счесть.
Чтобъ я о мукахъ въ пути, о горькихъ опасностяхъ въ морѣ,
И о рукахъ, на мою гибель простертыхъ, молчалъ:
Варварская тутъ страна и край меня дальній вселенной
Держитъ, и лютымъ врагомъ мѣсто охвачено все.
Я бы отсюда отбылъ,—вина вѣдь моя пе кровава—
Если бъ заботился ты, какъ надлежитъ, обо мнѣ.
Богъ, на котораго Римъ возлагаетъ могущество прочно,
Часто въ побѣдѣ бывалъ кротокъ къ врагу своему.
Чтожь ты въ раздумьи, страшась напрасно? ступай и проси ты:
Кротче Цезаря нѣтъ въ мірѣ во всемъ никого.
Горе мнѣ! какъ же мнѣ быть, коль близкими буду покинутъ?
Коль изъ поломки ярма выдернешь шею и ты?
Дѣнусь куда? у кого въ бѣдахъ попрошу утѣшенья?
Ужь ни одинъ моего якорь не держитъ челна.
Ты увидишь! я самъ, хоть незримый, прибѣгну къ святому
Алтарю: никакихъ рукъ не отвергнетъ алтарь.
Я заочный съ мольбой обращусь къ заочной святынѣ,
Если съ Зевесомъ вести рѣчь человѣку дано.
Власти хранитель, при чьей жизни безспорно всѣ боги
На попеченье свое взяли Авзонскій народъ,
О краса, о тобой цвѣтущей отчизны ты образъ,
Мужъ, что не меньше того міра, надъ коимъ царишь—
Такъ на землѣ ты живи, и небо тебя поджидаетъ,

II, 35. *Богъ*, Августъ.

Такъ къ обѣщаннымъ ты поздно звѣздамъ вознесись—
Сжалься, молю, уменьши малѣйшую долю своихъ ты
Молній! довольно еще кары останется мнѣ.
Гнѣвъ твой умѣренъ и такъ, мнѣ жизнь мою даровалъ ты,
И гражданина права такъ же какъ имя при мнѣ,
Ни достоянье мое другимъ не сдано, и не названъ
Самъ изгнанникомъ я буквой велѣній твоихъ.
Это страшило меня, я думалъ, что все заслужилъ я;
Но грѣха моего даже слабѣе твой гнѣвъ.
Ссыльному ты повелѣлъ увидѣть пажити Понта,
И бѣгущей кормой Скиѳское море взрѣзать.
Къ гнуснымъ я берегамъ, какъ приказано, прибылъ Эвксинской
Влаги—подъ полюсомъ та вѣчно холоднымъ земля—
Такъ не терзаетъ меня ни вѣчно холодное небо,
Ни опаленная вѣкъ бѣлымъ морозомъ земля,
Ни чужеземцевъ языкъ незнакомый съ рѣчью Латинской,
Ни что Греческій звукъ говоромъ Гетскимъ забитъ;
Какъ что отвсюду стѣсненъ я, Марсомъ охваченъ сосѣднимъ,
И безопасенъ едва въ низкихъ стѣнахъ отъ врага.
Держится миръ между тѣмъ, а нѣтъ довѣрія къ миру.
Такъ иль страдаетъ, иль войнъ все опасается край.
Только отсюда бъ уйти, пусть буду Занклейской Харибдой
Я поглощенъ и ея къ Стиксу отправленъ волной,
Иль терпѣливо сожженъ огнемъ буду пламеннымъ Этны,
Или въ пучину сойду бога Левкадскаго я.
Кары вѣдь только прошу; несчастнымъ я быть не противлюсь,
Но я прошу, чтобы могъ быть я несчастнымъ цѣлѣй.

II, 68. *Греческій звукъ,* сл. V, 7, ст. 51—52. II, 73. *Харибда* находилась около гор. Занклеи или Мессоны, нынѣ Мессины. II, 76. Съ *Левкадскаго* утеса, на которомъ стоялъ храмъ Аполлона, ежегодно въ день его торжества свергался въ море преступникъ.

III

Это вотъ самый тотъ день, въ какой тебя славятъ поэты,
Если во времени, Вакхъ, не ошибаюся я,
И благовонныхъ вѣнковъ въ торжествѣ на виски возлагаютъ,
И за твоимъ же виномъ славу вѣщаютъ твою.
Между ними, когда мнѣ судьба дозволяла, я помню,
Не непріятной тебѣ частью нерѣдко былъ я,
Коего нынѣ у звѣздъ Медвѣдицы Кинозурійской
Берегъ Сарматскій среди Гетовъ суровыхъ забралъ.
Я, который сперва изнѣженный, чуждую горя
Жизнь надъ научнымъ трудомъ въ хорѣ провелъ Піэридъ,
Нынѣ, отчизны лишенъ, звонъ Гетскихъ слышу доспѣховъ,
Много на морѣ сперва, много стерпѣвъ на землѣ.
Случай ли это одинъ, боговъ ли то гнѣвъ даровалъ мнѣ,
Иль при рожденьи моемъ Парка сурова была,
Все же ты одного изъ плюща почитателей вѣрныхъ
Долженъ бы былъ поддержать властью небесной своей.
Или что возвѣстятъ судебъ владычицы сестры,
Уже во власти тому бога нельзя пребывать?
Ты же заслугами самъ достигъ чертоговъ небесныхъ,
Да и не легкимъ трудомъ путь былъ проложенъ туда.
И не въ отчизнѣ ты жилъ, а снѣжнаго даже Стримона
Ты достигнулъ, равно Гета любителя войнъ,
И Персиды и волнъ широко текущаго Ганга,
И потоковъ, что пьетъ Индусъ утратившій цвѣтъ.
Видно, такой приговоръ судьбину прядущія Парки
Дважды рожденному два раза вѣщали тебѣ.
Такъ и меня, если брать боговъ въ примѣры возможно,

III, 7. *Κινόσουρα* (собачій хвостъ) Малая Медвѣдица. III, 15. *Плюща*, посвященнаго Вакху. III, 17. Парки. III, 21. *Стримонъ*, Ѳракійская рѣка. III, 26. *Дважды рожденному*. Юпитеръ, доставъ Вакха изъ сгоравшей Семелы, проносилъ его до срока въ своей ляжкѣ.

Жизни желѣзный удѣлъ и нестерпимый гнететъ.
И не легче я палъ того, кто за гордыя рѣчи
Былъ отъ Ѳивъ отраженъ нѣкогда Зевса огнемъ.
Но когда услыхалъ, что сраженъ былъ молніей вѣщій,
Ты пожалѣть бы о немъ, вспомнивъ о матери, могъ,
И сказать, увидавъ твой алтарь окружившихъ поэтовъ,
„Тутъ изъ преданныхъ мнѣ нѣтъ я не знаю кого“.
Добрый Либеръ, помоги: такъ ильмъ пускай отягчаетъ
Вдвое лоза, и налитъ гроздъ будетъ полонъ виномъ;
Такъ при вакханкахъ съ тобой молодежь усердныхъ сатировъ
Да пребудетъ, и гамъ пусть не смолкаетъ у нихъ;
Сѣкироноснаго такъ костямъ пусть тяжко Ликурга,
И наказанье томитъ злую Пентееву тѣнь;
Пусть такъ вѣчно блеститъ, побѣждая сосѣднія звѣзды,
Подъ небесами вѣнецъ свѣтлый супруги твоей!
Ты, красавецъ, приди и судьбѣ моей помоги ты,
Помня, что изъ числа тоже одинъ я твоихъ!
У боговъ межь собой сношенія; тронуть старайся
Цезарское божество Вакхъ божествомъ ты своимъ!
Вы же, искусства друзья, толпа богомольцевъ, поэты,
Каждый изъ васъ за виномъ молитъ о томъ же пускай!
Кто нибудь тоже изъ васъ, какъ имя Назона помянутъ,
Слезъ подмѣшавши въ фіалъ, пусть отодвинетъ его,
И обо мнѣ вспомянувъ и на всѣхъ оглянувшися, молвитъ:
„Гдѣ же Назонъ, что у насъ въ хорѣ недавно лишь былъ?“
Будь такъ, коль скромностью я у васъ заслужилъ снисхожденье,
Коль я сужденьемъ своимъ книгамъ ни чьимъ не вредилъ,

III, 29. *Того,* Капанея, см. IV, 3, ст. 63. III, 39. *Сѣкироноснаго Ликурга;* когда ѳракійскій царь Ликургъ захотѣлъ срубить насаженный Вакхомъ виноградникъ, богъ помутилъ его разсудокъ такъ, что, считая, что рубитъ лозу, онъ отрубилъ себѣ ногу. III, 40. *Пентей,* сынъ Эхіона и Агавы, старавшѣйся противустать вакхическимъ обрядамъ, былъ подъ предводительствомъ матери растерзанъ вакханками. III, 42. *Свѣтлый вѣнецъ* Аріадны.

Если достойно я чтилъ старинныхъ мужей сочиненья,
И новѣйшихъ затѣмъ также не менѣе чту.
Такъ къ благосклонному вамъ Аполлону слагайте вы пѣсни!
И, что возможно, средь васъ имя храните мое!

IV

Я, Назона письмо, пришло отъ Эвксинскаго брега,
Въ морѣ вполнѣ утомясь и утомяся въ пути,
Плача сказалъ онъ мнѣ: „ты это можешь, на Римъ полюбуйся!
Ахъ, насколько судьбой выше моей ты судьбы!“
Плача меня онъ писалъ; и перстень, какимъ запечаталъ,
Былъ не къ устамъ поднесенъ раньше, а къ влажнымъ щекамъ.
Ежели спрашивать кто начнетъ о причинѣ печали,
Тотъ лишь станетъ просить солнце ему указать,
Тотъ ни листьевъ въ лѣсу, ни на долинѣ открытой
Мягкихъ травинокъ, ни водъ въ полной не видитъ рѣкѣ;
Горю Пріамову онъ изумится надъ Гекторомъ падшимъ,
И почему Филоктетъ стонетъ ужаленъ змѣей.
Дали бы боги ему состояніе духа такое,
Чтобы причина его скорби была не жалка!
Все жъ терпѣливо несетъ, какъ долженъ, онъ горькую долю,
И не строптивъ къ удиламъ какъ неподатливый конь.
Онъ въ надеждѣ, что гнѣвъ божества безконеченъ не будетъ,
Чувствуя, что у него нѣтъ преступленья въ грѣхѣ.
Часто онъ говоритъ, каково милосердіе бога,
И обычно себя тутъ онъ приводитъ въ примѣръ:
Ибо что онъ удержалъ достоянье родное и имя,

И наконецъ что онъ живъ, бога, по немъ, это даръ.
А тебя, если ты мнѣ вѣришь, считая дороже
Всѣхъ, отъ полной души вѣчно блюдетъ онъ въ груди:
Менетіадомъ тебя, и тѣмъ, что ходилъ за Орестомъ,
Онъ и Эгидомъ зоветъ и Эвріаломъ своимъ.
И отчизны своей онъ не больше желаетъ съ тѣмъ самымъ,
Что сверхъ отчизны всего болѣе жалко ему,
Чѣмъ лица твоего и очей, о, ему ты сладчайшій
Меда, который пчела Аттики носитъ въ свой воскъ.
Часто о времени томъ онъ вспоминаетъ печальный,
Коего смертію, жаль, предупредить не пришлось;
Какъ другіе ушли отъ сближенья съ внезапной невзгодой,
Переступать за порогъ падшаго дома боясь,
Ты, онъ помнитъ, одинъ съ немногими вѣренъ остался,
Если немногими звать можно двоихъ иль троихъ.
Хоть пораженный, межъ тѣмъ онъ все замѣтилъ, что былъ ты
Горемъ не меньше его, чѣмъ и своимъ, пораженъ.
Часто слова и лицо онъ твое вспоминаетъ и вздохи,
И что заплакавъ тогда грудь ты увлажилъ ему:
Какъ ты ему помогалъ, и какъ старался утѣшить
Друга, когда ты и самъ могъ утѣшенья желать.
За все это тебя обѣщаетъ любить онъ и помнить,
Будетъ ли видѣть онъ день, иль будетъ принятъ землей,
Онъ своей головой клянется всегда и твоею,
Цѣнитъ которую онъ, знаю, не меньше своей.
Принесется сполна благодарность подобнымъ дѣяньемъ,
И не заставитъ пахать берегъ твоихъ онъ воловъ.
Только смѣлѣй защищай бѣглеца постоянно! о чемъ онъ,
Зная тебя, не просилъ тутъ, попрошу я само.

IV, 25—26. Сынъ аргонавта Менетія—Патроклъ, другъ Ахилла; Пиладъ—другъ Ореста; сынъ Эгида Тезей—другъ Пиритоя. Эвріалъ—другъ Ниса.

V

День рожденья моей госпожи ожидаетъ обычной
Почести: къ жертвѣ святой руки ступайте мои!
Можетъ быть такъ и герой Лаэртидъ на окраинѣ свѣта
Нѣкогда праздничный день правилъ супруги своей.
Набоженъ будь мой языкъ, о горѣ моемъ забывая,
Ты, что отъ радостныхъ словъ, я полагаю, отвыкъ;
И въ одежду, что я въ цѣлый годъ надѣваю однажды,
Бѣлую я облекусь, року не въ цвѣтъ своему;
Пусть зеленѣетъ алтарь отъ травянистаго дерна,
И сплетенный вѣнокъ теплый очагъ обовьетъ.
Ладана, мальчикъ, мнѣ дай, дающаго яркое пламя,
Да и вина, что шипитъ влито въ священный огонь.
Милый рожденія день, хоть я и вдали, умоляю,
Свѣтелъ явись ты сюда да и не сходенъ съ моимъ;
Если и горестное госпожѣ предстояло страданье,
Будь навѣки оно снято несчастьемъ моимъ;
Та, что недавно была сотрясаема хуже чѣмъ въ бурю,
Пусть уцѣлѣвшимъ идетъ въ вѣрныхъ волнахъ кораблемъ!
Рада пусть дому она, своей дочери, какъ и отчизнѣ —
Будетъ съ того, что лишенъ этого былъ я одинъ —
Пусть потому что у ней въ драгоцѣнномъ супругѣ нѣтъ счастья,
Жизни дальнѣйшая часть грустныхъ не вѣдаетъ тучъ.
Пусть живетъ, коль должна, и заочнаго любитъ супруга,
И проводитъ свои, но долговѣчна, года.
Я прибавлю своихъ; но боюсь, чтобъ зараза судьбины
Не испортила тѣхъ, что проживаетъ она.
Вѣрнаго нѣтъ у людей; кто счелъ бы это возможнымъ,
Чтобъ торжество это вотъ я среди Гетовъ справлялъ?
Посмотри между тѣмъ, какъ дымъ отъ ладана вѣтеръ
Къ Итальянскимъ странамъ, вправо лежащимъ, несетъ!

V, 3. *Лаэртидъ*, Улиссъ, сынъ Лаэрта. V, 19. *Своей дочери*, Периллѣ.

Чувство стало быть есть и въ тучахъ, огнемъ порожденныхъ:
Преднамѣренно, Понтъ, мчатся онѣ отъ тебя.
Преднамѣренно, какъ когда на алтарь общій жертву
Братьямъ приносятъ, что въ смерть ввергли другъ друга рукой,
Самъ съ собой во враждѣ, какъ будто по ихъ повелѣнью,
На двѣ стороны врозь черный расходится дымъ.
Это, помнится мнѣ, я когда-то считалъ невозможнымъ,
И по моему тутъ ложь разсказалъ Баттіадъ:
Вѣрю теперь я всему, когда не спросту отъ Аркта,
Дымъ, отвернулся ты прочь, чтобы къ Авзоніи плыть.
Столо быть это тотъ день, который когда бъ не родился,
Никакого бъ бѣднякъ праздника я не видалъ.
Нравы онъ произвелъ подобные тѣмъ героинямъ,
Коимъ Ээтіонъ былъ и Икарій отцомъ.
Народилась тогда стыдливость и честность и вѣрность:
Но на самый тотъ день радости не родились,
А заботы и трудъ и нравамъ судьба не подъ пару,
И о вдовьемъ почти ложѣ законная скорбь.
Подлинно, что при судьбѣ враждебной хранимая вѣрность
Основанье хваламъ въ скорбное время даетъ.
Если бы бѣдъ никакихъ Улиссъ не видалъ терпѣливый,
То Пенелопа была бъ счастлива, но безъ хвалы.
Еслибъ съ побѣдою мужъ проникъ въ Эхіонскія стѣны,
То и Эвадну своя врядъ ли узнала бъ страна.
Что жь изо всѣхъ дочерей у Пелія въ славѣ одна лишь?
Вѣдь за то, что былъ мужъ въ бѣдствіи лишь у одной.
Пусть бы раньше другой песковъ Иліонскихъ коснулся:

V, 34. *Братьямъ*, Этеоклъ и Полиникъ, которыхъ по смерти чтили какъ героевъ. Когда имъ приносили общую жертву, то, по преданію, жертвенный огонь раздѣлялся пополамъ. V, 38. *Баттіадъ*, Каллимахъ. V, 39. *Аркта*, созвѣздіе Медвѣдицы. V, 44, *Ээтіонъ*, отецъ Андромахи, *Икарій*, отецъ Пенелопы. V, 53. *Эхіонскія стѣны*. Эхіонъ, супругъ Агавы, дочери Кадма, основателя Кадмеи, т. е. Ѳивъ. V, 54. *Эвадна*, супруга Капанея, см. IV, 3, ст. 63. V, 55. *Одна*, Алцеста, пожелавшая умереть вмѣсто больнаго супруга Адмета, друга Геркулеса, но была живою возвращена Геркулесомъ изъ царства тѣней.

Не за что было бъ тогда Лаодамію хвалить.
И про твою бы любовь, какъ желала бъ ты, вовсе не знали,
Еслибъ мои паруса вѣтеръ попутный вздувалъ.
Боги однако и ихъ сподвижникъ, хоть поздній, о Цезарь,
Какъ уравняетъ тебя съ днями Пилійца судьба,
Не меня, какъ себя признаю заслужившимъ я кару,
Вы пощадите, а ту, коей безвинно страдать!

VI

Также и ты, что въ моихъ дѣлахъ былъ когда-то оплотомъ,
Ты, что прибѣжищемъ мнѣ, ты, что мнѣ пристанью былъ,
Также слагаешь и ты заботу объ избранномъ другѣ,
Нѣжное бремя заботъ скоро съ себя такъ кладешь?
Я обуза, ты правъ, которую если замыслилъ
Сбросить въ безвременье ты, не зачѣмъ бы подымать.
Средь волненья корабль ты, Палинуръ, оставляешь?
Не убѣгай, пусть твоя вѣрность искусству равна!
Развѣ съ Ахилла коней въ жестокомъ сраженіи спрянулъ
Вѣрный Автомедонтъ, ихъ покинувъ легко?
Разъ что принялъ кого, никогда Подалирій больному
По обѣщанью какъ врачъ не отказался помочь.
Хуже гораздо изгнать, чѣмъ не принять только гостя;
Бывшій доступнымъ алтарь проченъ моей будь рукѣ.
Нѣкогда ты одного меня защищалъ; такъ и нынѣ
Ты меня сохрани, также и мнѣнье свое,

V, 58. *Лаодамія,* супруга Протезилая, перваго грека, падшаго на Троянскомъ берегу. При видѣ смерти обожаемаго супруга, она лишила себя жизни. V, 62. *Съ днями Пилійца,* Нестора, прожившаго, по Гомеру, три вѣка. VI, 7. *Палинуръ*, кормчій Энея, задремавшій и свалившійся въ море. VI, 10. *Автомедонтъ*, возница Ахилла. VI, 11. *Подалирій* и Махаонъ—сыновья Эскулапа и сами знаменитые врачи помогали грекамъ, раненымъ подъ Троей.

Ежели новой какой вины во мнѣ нѣтъ, и внезапно
Не измѣнили твою вѣрность проступки мои.
То дыханье, что я съ трудомъ пью въ воздухѣ Скиѳскомъ,
Пусть, я желаю, скорѣй выйдетъ изъ членовъ моихъ,
Чѣмъ сожмется твоя грудь предъ моимъ преступленьемъ,
И показаться тебѣ худшимъ бы я заслужилъ.
Не до того я совсѣмъ судьбой удручаемъ враждебной,
Чтобы отъ долгихъ невзгодъ разумъ мой былъ потрясенъ.
Пусть бы онъ былъ потрясенъ, но сынъ Агамемнона сколько,
Думаешь, наговорилъ грубыхъ Пиладу рѣчей?
Близко отъ правды и то, что товарища билъ онъ пожалуй:
Долгу же тотъ своему вѣренъ остался межь тѣмъ.
У несчастныхъ одно со счастливыми только и обще,
Что и тѣмъ и другимъ слѣдъ снисхожденье давать;
Уступаютъ слѣпымъ и тѣмъ, которымъ претекста
И внушительный жезлъ съ крикомъ почетъ отдаетъ.
Если меня не щадишь, щадить ты несчастіе долженъ:
Чей либо гнѣвъ на меня мѣста не можетъ имѣть.
Изъ несчастій моихъ избери ты малѣйшую малость:
Все же огромнѣй оно, чѣмъ бы помыслить ты могъ.
Такъ же какъ много во рву сбирается влажномъ тростинокъ,
Сколько пріемлетъ въ себѣ Гибла цвѣтущая пчелъ,
Сколько на узкомъ пути муравьи въ подземные склады
Тѣхъ, что сыскали они, зеренъ обычно несутъ,
Тѣсная также меня толпа окружаетъ несчастій.
Вѣрь мнѣ, что правды самой жалоба меньше моя.
Кто недоволенъ и тѣмъ, песку пусть носитъ на берегъ,
Въ ниву колосьевъ несетъ, въ море вливаетъ воды.
Неумѣстную ты удержи поэтому гордость,
И среди моря моихъ не покидай парусовъ!

VI, 25. *Сынъ Агамемнона* Орестъ, возбужденный фуріями до сумасшествія.
VI, 32. Ликторскій *жезлъ* со связками розогъ, при крикѣ разступаться передъ консуломъ.

VII

То, что читаешь, письмо къ тебѣ изъ земли той приходитъ,
Гдѣ широкій съ морской влагой сливается Истръ.
Если проводишь ты жизнь снабженною добрымъ здоровьемъ,
Свѣтлая доля одна все жь у моей есть судьбы.
Вѣрно о томъ, что творю, вопрошаешь обычно, милѣйшій,
Хоть это знать можешь ты, если бы я и молчалъ:
Я несчастенъ, вотъ всѣ мои заключенія вкратцѣ,
Всякъ, кто живетъ оскорбя Цезаря, будетъ такимъ.
Что такое толпа въ странѣ Томитанской, и между
Нравовъ какихъ я живу, можетъ быть хочешь узнать?
Хоть перемѣшаны здѣсь на прибрежіи Геты и Греки,
Болѣе плохо мирныхъ Гетовъ пріемлетъ страна.
Больше Сарматскаго тутъ и Гетскаго чаще народа
Ѣздитъ и взадъ и впередъ середи улицъ верхомъ.
Нѣтъ изъ нихъ никого, который колчана и лука
Не носилъ бы и стрѣлъ желтыхъ отъ желчи змѣи.
Голосъ грубъ, взглядъ суровъ, и Марса правдивѣйшій образъ;
Ни бороды, ни волосъ не подрѣзала рука,
Не замедлитъ рука ножомъ направленнымъ ранить,
Тѣмъ, что у всякаго есть варвара сбоку при немъ.
Горе! межь ними живетъ забывшій любовныя игры,
Видитъ и слышитъ теперь все это, другъ, твой пѣвецъ!
И когда бы онъ жилъ, но между ними не умеръ,
И ненавистныхъ бы мѣстъ тѣнь хоть избѣгла его!
Что выплясываютъ мои пѣсни при полномъ театрѣ
И рукоплещутъ моимъ, другъ, какъ ты пишешь, стихамъ:
Все жь ничего — знаешь самъ — я не писалъ для театровъ,

VII, 2. Устье Дуная. VII, 16. Овидій считаетъ желчь змѣи ядовитою. VII, 25. *Выплясываютъ мои пѣсни*, т. е. тѣлодвиженіями передаютъ описанныя въ нихъ сцены.

И на плески моя Муза никакъ не падка.
Не пріятно межъ тѣмъ все то, что мѣшаетъ забвенью
Обо мнѣ, и зоветъ имя скитальца въ уста.
Хоть между тѣмъ, вспомянувъ о тѣхъ, что мнѣ повредили,
Проклинаю свои пѣсни я и Піэридъ,
Какъ хорошо прокляну, все жь остаться безъ нихъ я не въ силахъ,
И за кровавой стрѣлой слѣдуетъ рана моя;
И истерзанъ предъ тѣмъ волнами Эвбейскими смѣетъ
Вдоль Каферейской воды Греческій мчаться корабль.
Бодрствую же не для хвалъ, и не о будущей славѣ,
Имени томъ, что скрывать было бъ полезнѣй, пекусь.
Я занимаю трудомъ свой умъ и морочу страданья,
И стараюсь отвлечь этимъ заботы свои.
Лучше что жь дѣлать бы могъ одинъ я на взморьи пустынномъ,
Помощь какую еще могъ бы придумать отъ золъ?
Если на мѣсто взгляну, непривѣтливо мѣсто, какого
Даже печальнѣй на всей быть и не можетъ землѣ;
Хоть на людей, но едва стоютъ имени этого люди,
Лютость которыхъ еще злобнѣе, чѣмъ у волковъ.
Страха законовъ въ нихъ нѣтъ, но правда покорствуетъ силѣ,
И подъ воинскимъ мечомъ сдавшись простерты права.
Шубами гонятъ они да просторными брюками стужу,
Лица жь суровыя ихъ скрыты навѣсомъ волосъ.
У немногихъ слѣды сохранились Греческой рѣчи,
И уже варварскимъ въ ней Гетскимъ становится звукъ.
Никого у нихъ нѣтъ въ народѣ, кто могъ бы Латинской
Рѣчью слова произнесть самыхъ обычныхъ вещей.
Самъ же я Римскій пѣвецъ — за это простите, о Музы! —
Рѣчи Сарматовъ вести чаще всего принужденъ.

VII, 36. *Каферей*, или Кафарей, мысъ на югѣ Эвбеи, при которомъ греки, возвращаясь изъ подъ Трои, претерпѣли кораблекрушеніе. VII, 37. *Бодрствую же*, провожу ночи надъ сочиненіями. VII, 51. Сл. эт. кн. эл. 2, ст. 65.

Совѣстно, а признаюсь, уже съ непривычки я долгой
Еле Латинскія самъ припоминаю слова.
Не сомнѣваюсь, что есть и въ этой книжкѣ немало
Варварскихъ словъ, но виной не человѣкъ, а страна.
Но чтобы мнѣ не терять языка Авзонскаго знанье,
И на отеческій звукъ голосъ не сталъ бы мой нѣмъ,
Самъ я съ собой говорю, и слова, что забылъ, вспоминаю,
И возвращаюсь къ значкамъ грустнымъ занятій своихъ.
Такъ и время, и мысль я провожу, отклоняя
И устраняя себя отъ созерцанія зла.
Я у пѣсенъ ищу забвенья несчастныхъ событій,
И коль трудами добьюсь этой награды, я радъ.

VIII

Не до того я упалъ, хотя и низвергнутъ, чтобъ ниже
Былъ я тебя, кого быть ниже не можетъ ничто.
Что за причина твой духъ на меня, негодяй, возбуждаетъ,
Что ты смѣешься бѣдѣ, коей самъ можешь подпасть?
Жалости не придаютъ тебѣ лежачаго бѣды
Тѣ, что могли бъ обо мнѣ плакать заставить звѣрей,
Ты не боишься ни силъ Фортуны, стоящей на шаткомъ
Шарѣ, ни злобной порой гордыхъ богини рѣчей.
Мстящая кару воздастъ Рамнузія тѣмъ, что достойны!
Что, ногой наступя, топчешь мою ты судьбу?
Видѣлъ я, какъ тонулъ, кто крушенію въ морѣ смѣялся,
И: „никогда, я сказалъ, не были волны правѣй“.
Кто сперва бѣднякамъ отказывалъ въ пищѣ ничтожной,
Нынѣ питается самъ поданнымъ только кускомъ.

VIII, 1. Мы сохранили въ переводѣ оторванное *ниже* отъ *тебя*, видя въ этомъ особенное удареніе на словѣ *ниже*. VIII, 9. *Рамнузія*—Немезида, богиня мести, по знаменитому храму, посвященному ей въ Рамнусѣ.

Не размѣряя шаговъ, летучая бродитъ Фортуна
И на мѣстѣ никакъ не остается одномъ,
А то идетъ весела, то видъ принимая суровый,
И въ легкомысліи лишь и постоянна своемъ.
Также и я расцвѣталъ, но этотъ расцвѣтъ былъ болѣзненъ,
И отъ соломы моей пламя недолго велось.
Но чтобы радости злой ты не чувствовалъ полной душою,
Знай, что надеждъ умягчить бога не всѣхъ я лишенъ;
Иль потому, что мой грѣхъ не достигъ преступленья, и если
Не избѣжалъ онъ стыда, ненависти избѣжалъ;
Иль потому, что весь міръ съ востока въ конецъ до заката
Кротче не знаетъ того, кѣмъ управляется онъ.
Точно какъ превзойденъ ни чьей онъ не можетъ быть силой,
Такъ же уступчивъ душой онъ боязливымъ мольбамъ,
И по примѣру боговъ, къ которымъ и самъ вознесется,
Больше прощенія дастъ, ежели стану молить.
Если за цѣлый ты годъ сочтешь дни солнца и облакъ,
То найдешь, что бывалъ чаще сіяющій день.
Такъ не радуйся ты моему чрезмѣрно паденью,
И подумай, что встать нѣкогда тожь я могу.
Ты возможнымъ сочти, что, если владыка смягчится,
Ты въ Столицѣ мое, скорбный, увидишь лицо,
И что увижу тебя по причинѣ тягчайшей въ изгнаньи.
Это за первой мольбой самая близкая мнѣ.

IX

О если бъ имя твое назвать мнѣ въ стихахъ ты позволилъ,
Какъ бы часто ты въ нихъ мной называемъ бывалъ!
Я бы тебя одного воспѣвалъ, поминая заслуги,
И безъ тебя бы листа не прибавлялось въ стихахъ.
Чѣмъ я тебѣ одолженъ, про это вся знаетъ Столица,

Если изгнанника лишь станетъ Столица читать.
Кротость познала бы твою и нынѣшній вѣкъ и грядущій,
Если писанья мои древность способны терпѣть,
И не престалъ бы тебя восхвалять просвѣщенный читатель.
Эту бы честь сохранилъ ты, что поэта ты спасъ.
Цезаря первый то даръ, что я дышу и понынѣ;
Благодарить тебя слѣдъ послѣ великихъ боговъ.
Онъ мнѣ жизнь даровалъ; охраняешь ты, что даровалъ онъ,
И возможность даешь принятымъ даромъ владѣть.
Какъ предъ паденьемъ моимъ часть большая затрепетала,
Часть же хотѣла имѣть только испуганный видъ,
И на крушенье мое съ высотъ глядѣла кургана,
И не простерла руки плывшему въ грозныхъ волнахъ,
Ты отъ Стигійской рѣки одинъ полумертваго вызвалъ.
То, что признательнымъ быть я еще въ силахъ,—твое.
Съ Цезаремъ боги тебѣ да являются вѣчно друзьями:
Быть не можетъ полнѣй это желанье мое.
Это въ рѣчистыхъ своихъ стихахъ съ твоего бъ дозволенья
Въ свѣтѣ блестящемъ на видъ общій поставилъ мой трудъ;
Даже и нынѣ, когда ей молчать приказали, сдержаться
Музѣ возможно едва, чтобы тебя не назвать.
Какъ собаку, что слѣдъ отыскала испуганной лани,
Держитъ лающую крѣпкій напрасно смычекъ;
Какъ и въ двери еще не открытаго стойла горячій
То копытомъ, а то лбомъ ударяется конь,
Такъ по указу моя въ плѣну и въ неволѣ Талія
Запрещеннаго пѣть имени жаждетъ хвалу.
Но чтобы рвенье тебѣ не вредило усерднаго друга,
Я повелѣньямъ твоимъ—ты не страшись—покорюсь.
Не покорился бъ, когда бъ ты меня не считалъ благодарнымъ.
Въ чемъ запрещенія нѣтъ, буду признателенъ я.
И покуда—о пусть не надолго бъ!—свѣтъ жизни я вижу,
Это дыханье мое будетъ на службу тебѣ.

X

Какъ уже въ Понтѣ я, Истръ становился отъ холода трижды,
Моря Эвксинскаго три раза твердѣла волна.
Мнѣ же кажется, лѣтъ я столько вдали отъ отчизны,
Сколько и Греческій врагъ Троѣ Дарданской грозилъ.
Можно подумать, стоитъ, такъ медленно время проходитъ,
И лѣнивой стопой годъ совершаетъ свой путь.
Не убавляетъ ночей нимало мнѣ солнцестоянье,
И не дѣлаетъ дней мнѣ покороче зима.
Точно будто со мной природа вещей измѣнилась,
И съ сокрушеньемъ моимъ длиннымъ содѣлаетъ все.
Ходъ обычный хранитъ свой заурядное время,
Или суровѣе лишь жизни моей времена,
Лишь меня берегъ сковалъ съ прозваніемъ ложнымъ Эвксина,
И земля, что мрачна точно у Скиѳскихъ зыбей?
Вкругъ племена безъ числа жестокой войной угрожаютъ
Тѣ, что считаютъ себѣ въ стыдъ не хищеніемъ жить.
Внѣ безопаснаго нѣтъ: и самый холмъ защищаемъ
Лишь небольшою стѣной, да положеньемъ своимъ.
Какъ всего менѣе ждешь, врагъ стаей густою, что птицы,
Налетитъ и, едва взвидишь, добычу влачитъ.
Часто средь стѣнъ, при вратахъ запертыхъ враждебныя стрѣлы
Прилетѣвшія мы тутъ подымаемъ съ путей.
Рѣдко поэтому кто работаетъ въ полѣ, и то онъ
Этою пашетъ, а той держитъ доспѣхи рукой.
Въ шлемѣ играетъ пастухъ на тростинкахъ, слѣплённыхъ смолою,

X, 4. Десять лѣтъ. X, 7. *Солнцестояніе*, solstitium; выраженіе это у римлянъ относилось къ лѣтнему солнцестоянію; зимнее называлось bruma. X, 13. *Прозваніемъ ложнымъ Эвксина,* см. III, 13, ст. 28. X, 14. Здѣсь непереводимая игра словомъ sinister, означающимъ и лѣвое, и въ переносномъ значеніи *мрачное*, враждебное. X, 25. Флейта Пана.

Словно бы волка страшась, овцы трепещутъ войны.
Крѣпостью защищены мы едва; межъ тѣмъ въ серединѣ
Съ Греками варваровъ смѣсь тоже немало страшитъ.
Ибо съ нами же тутъ живетъ вполнѣ безразлично
Варваръ, и большую часть онъ занимаетъ домовъ.
Коль не боишься ты ихъ, отвращенье почувствовать можешь,
Видя длинныя ихъ космы и шкуры звѣрей.
Тѣ даже, кои, кажись, и въ городѣ Грековъ родились,
Вмѣсто отцовскихъ одеждъ въ брюкахъ Персидскихъ теперь.
На туземномъ они языкѣ ведутъ объясненья:
Вещи приходится мнѣ знаками имъ означать.
Здѣсь я варваръ, затѣмъ что я никому непонятенъ,
И Латинская рѣчь глупому Гету смѣшна;
И обо мнѣ говорятъ они часто открыто дурное,
Можетъ быть ставятъ въ вину мнѣ и изгнанье мое,
Такъ что если на ихъ слова кивнувъ откажу я,
Кажется всякій имъ разъ, что подтвердилъ я кивкомъ.
Ты прибавь, что мечемъ неправымъ рѣшается право,
И средь рынка подчасъ раны наносятся тутъ.
О какъ Лахезисъ строга, что подъ гнетомъ такого созвѣздья
Нить мнѣ жизни она не покороче дала!
Что я отчизны лишенъ и вашихъ, друзья мои, взоровъ,
Жалуюсь я, и что здѣсь я между Скиѳовъ живу;
Кары мнѣ обѣ тяжки; но я стоилъ лишиться Столицы,
Не заслужилъ можетъ быть въ мѣстѣ такомъ проживать.
Что я, безумецъ, сказалъ! И самой то жизни лишиться,
Цезарское божество я оскорбя, заслужилъ.

X, 45. *Лахезисъ*, Парка, выпрядающая жизненную нить.

XI

Что не знаю я кто при ссорѣ женой тебя назвалъ
Ссыльнаго, жалобу мнѣ ты принесла на письмѣ.
Я скорбѣлъ, но не такъ, что судьбу мою зломъ поминали,
Ибо привыкъ уже я твердымъ въ несчастіи быть,
Какъ, что кому бы желалъ меньше всѣхъ, сталъ причиной стыда я,
И что краснѣла, кажись, ты отъ несчастій моихъ
Перенеси и крѣпись! ты много тяжелѣ терпѣла,
Какъ меня у тебя гнѣвъ властелина умчалъ.
Но ошибается тотъ, у кого обзываюсь я ссыльнымъ:
Вслѣдъ за проступкомъ моимъ кара слабѣе была.
Большая кара мнѣ то, что его самого оскорбилъ я,
Пусть бы лучше уже смертный мой часъ наступилъ.
Лишь потрясенъ мой корабль, а не залитъ, не потопленъ,
Хоть и безъ пристани онъ, все же стоитъ на водѣ.
Жизни, имѣнья и правъ гражданскихъ моихъ онъ не отнялъ,
Хоть это все потерять я по винѣ заслужилъ;
Но какъ съ проступкомъ моимъ не сплелось преступленья,
То онъ бѣжать лишь велѣлъ мнѣ отъ родныхъ очаговъ.
Какъ и къ другимъ, приводить которыхъ числа тутъ не должно,
Цезарское божество кроткимъ явилось ко мнѣ.
Самъ удаленнымъ меня, не ссыльнымъ онъ называетъ:
По его же суду дѣло охранно мое.
Такъ справедливо тебѣ стихи мои, Цезарь, хваленья,
Какъ выпадаетъ на ихъ долю, посильно поютъ;
Вправѣ боговъ я молить, чтобъ еще они дверь тебѣ неба
Запирали, рѣшивъ быть тебѣ богомъ безъ нихъ.
Молитъ о томъ же народъ; но какъ въ море широкое рѣки,

XI, 21. См. выше, кн. II, ст. 137.

Такъ небольшаго ручья льется обычно потокъ.
Ты жь, въ устахъ у кого обзываюсь я ссыльнымъ, помилуй,
Не отягчай для меня именемъ лживымъ судьбы!

XII

Пишешь, чтобъ я развлекалъ трудомъ печальное время,
Да не погибнетъ мой духъ гнусною лѣнью убитъ.
Трудно, другъ, то, на что указуешь, вѣдь пѣсни созданье
Радостныхъ и для себя требуютъ мира души.
Противу встрѣчныхъ бурь моя мятется судьбина,
Быть не можетъ ни чей жребій грустнѣй моего.
Требуешь ты, чтобъ Пріамъ игралъ надъ могилой сыновней,
И Ніобея, грустя, въ праздникъ вела хороводъ?
Или кажись я могу воздержаться работой отъ плача,
Принужденный одинъ къ Гетамъ далекимъ уйти?
Хоть бы ты сердце мнѣ далъ съ той силой, съ какой, по преданью,
У обвиняемаго было Анитомъ оно:
Пала бъ подъ тяжестію подобныхъ развалинъ и мудрость.
Человѣческихъ силъ много гнѣвъ бога сильнѣй.
Тотъ и старецъ, что былъ мудрецомъ нареченъ Аполлономъ,
Ничего бъ написать въ бѣдствіи этомъ не могъ.
Хоть бы о родинѣ и о васъ наступило забвенье,
И въ состояньи бы все, что потерялъ, я забыть:
Самый бы страхъ воспретилъ спокойно заняться мнѣ дѣломъ:
Мѣсто, что держитъ меня, врагъ безъ числа обступилъ!
Ты прибавь, что мой даръ давнишнею плѣсню попорченъ,
Окоченѣлъ и уже многимъ сталъ меньше, чѣмъ былъ.

XII, 12. *Анитъ*, обвинитель Сократа. XII, 15. *Тотъ и старецъ*, Сократъ.

Ежели плугомъ все вновь не пахать плодороднаго поля,
То колючій бурьянъ будетъ съ травою на немъ.
Конь, что долго стоялъ, станетъ худо бѣжать и послѣднимъ
Будетъ идти изо всѣхъ пущенныхъ изъ за оградъ.
Въ легкую гниль перейдетъ и щели глубоко разинетъ
Лодка, когда лишена долго обычныхъ ей водъ.
Также не жди, чтобы я, который былъ малъ и сначала,
Былъ въ состояніи стать снова такимъ же, какъ былъ.
Уменьшаетъ нашъ даръ претерпѣніе долгое бѣдствій,
Даже и части во мнѣ стараго мужества нѣтъ.
Но когда, какъ теперь, себѣ избиралъ я таблицу,
И желалъ умѣщать въ должныя стопы слова,
Пѣсенъ я никакихъ не писалъ, кромѣ тѣхъ, что ты видишь,
Кои достойны судьбы пишущаго и страны.
Духу внушаетъ затѣмъ и слава силы немало,
И плодовитость даетъ груди любовь къ похвалѣ.
Блескомъ имени встарь и славой я увлекался,
Какъ мои паруса вѣтеръ попутный вздымалъ.
Не дотого мнѣ теперь хорошо, чтобъ я пекся о славѣ:
Можно бы, я бъ никому вѣдомымъ быть не желалъ.
Иль потому, что сперва хорошо удавалися пѣсни,
Ты убѣждаешь писать, чтобъ за успѣхомъ я шелъ?
Пусть вами, девять сестеръ, сказать мнѣ дозволено будетъ:
Вы удаленіе мнѣ больше всего навлекли.
Мѣднаго какъ быка ваятель пріялъ справедливо
Кару, такъ своего жертвой искусства я самъ.
Общаго мнѣ ничего не должно бы имѣть со стихами,
Если бъ, крушенью подпавъ, всякихъ морей я бѣжалъ.
Но полагаю, свой трудъ роковой обнови я, безумецъ,
Это вотъ мѣсто меня пѣсенъ оружьемъ снабдитъ.
Тутъ ни книгъ, никого, кто слухомъ ко мнѣ бы склонился,
Нѣтъ, или кто бъ понималъ, что мои значутъ слова.

XII, 33. *Таблицу*, покрытую воскомъ для письма. XII, 45. *Девять сестеръ*—музъ. XII, 47. *Ваятель*, Периллъ, сл. III, 11, ст. 40. XII, 51. *Но полагаю*, въ ироническомъ смыслѣ.

Варварскихъ всѣ мѣста голосовъ полны и звѣриныхъ,
Страха отъ вражьихъ притомъ звуковъ исполнены всѣ.
Кажется мнѣ, что и самъ по Латыни я разучился,
Ибо и къ Гетскимъ рѣчамъ я и къ Сарматскимъ привыкъ.
И однако, когда сказать тебѣ правду, не можетъ
Отъ сочиненья стиховъ Муза сдержаться моя.
Я пишу и огню предаю, что мною написаны книжки,
И работы исходъ малая кучка золы.
Я не могу, и стиховъ никакихъ сочинять не желаю,
И бросаю въ огонь собственный трудъ потому,
А изъ пламени часть сочиненій только случайно
Исхищенная иль ухищреньемъ доходитъ до васъ.
О когда бъ, что пѣвца и неждавшаго бѣдствій сгубило,
Въ золу превращено было Искусство мое!

XIII

Это изъ Гетской страны посылаетъ Назонъ тебѣ здравье,
Коль можетъ кто посылать то, чего самъ онъ лишенъ.
Ибо больной воспріялъ я душой недуги отъ тѣла,
Чтобы свободной отъ мукъ не было части во мнѣ,
Многіе дни уже я терзаньями бока пылаю,
Знать мнѣ такъ повредилъ холодъ безмѣрный зимы.
Ежели самъ ты здоровъ, здоровъ я какой либо частью,
Ибо паденье своимъ мнѣ поддержалъ ты плечомъ,
Ты, что громадные мнѣ давалъ залоги, и всѣми
Средствами голову ты эту мою защищалъ,
Что такъ рѣдко меня письмомъ утѣшаешь, грѣшишь ты.
Доброе ль дѣло творишь, такъ мнѣ скупясь на слова?
Это, прошу, измѣни! Коль это одно ты исправишь,
То на дивномъ уже тѣлѣ не будетъ пятна.

XIII, 1. Въ смыслѣ *здравья* желаю.

Пуще бы я обвинялъ, когда бъ не могло быть, чтобъ только
Не получалъ я письма, хоть посылалось оно.
Дали бы боги, чтобы мои жалобы были напрасны,
И ошибался бы я, что ты не помнишь меня!
Ясно, о чемъ я прошу; потому что считать я не долженъ,
Будто измѣнчива такъ твердость души у тебя.
Бѣлой полыни скорѣй не будетъ при Понтѣ холодномъ,
И безъ тимьяна скорѣй Гиблѣ, Тринакріи быть,
Чѣмъ доказалъ бы тебѣ кто нибудь, что друга забылъ ты.
Не дотого же черны нити судьбины моей!
Ты же, чтобъ могъ отразить вины небывалой упреки,
Тѣмъ показаться на видъ, чѣмъ ты не есть, берегись!
Какъ доводилося намъ коротать бесѣдою долгой
Время, когда для рѣчей не доставало и дня,
Нынѣ пусть взадъ и впередъ письмо носитъ рѣчи нѣмыя,
И страница съ рукой пусть замѣняетъ языкъ.
Чтобъ не казалося, что сомнѣваюся въ этомъ я слишкомъ,
Да и на то намекнуть малыхъ достаточно строкъ,
То ты слово прими, коимъ вѣчно кончаются письма,
И чтобъ ты не былъ со мной равенъ судьбой, будь здоровъ!

XIV

Что за памятникъ я тебѣ книжками создалъ своими,
Ты, что милѣй мнѣ себя, видишь, супруга, сама.
У сочинителя пусть отъемлетъ Фортуна и много:
Все жь просвѣтленной пойдешь ты дарованьемъ моимъ;
Буду читаемъ пока, и славу твою прочитаютъ,
И не можешь ты вся сгибнуть на грустномъ кострѣ;
Хоть несчастной могла ты съ паденіемъ мужа казаться,
Многихъ найдешь, чтобы тѣмъ быть пожелали, чѣмъ ты,

XIII, 22. *Тринакрія*—Сицилія, *Гибла*—гора въ оной.

Кои тебя, хоть моихъ соучастницей стала ты бѣдствій,
Прямо счастливой зовутъ, зависть питая къ тебѣ.
Не далъ бы больше тебѣ я передавши богатство:
Къ манамъ своимъ ничего тѣнь богача не беретъ.
Вѣчнаго имени цвѣтъ тебѣ сообщилъ я, и съ этимъ
Тѣмъ ты владѣешь, чего больше и дать я не могъ.
Ты прибавь, что одна моего добра ставъ защитой,
Чести немалой тебѣ тяжесть пришлось воспріять,
Что о тебѣ никогда не молчалъ мой голосъ, и гордой
Мужа ты своего быть приговоромъ должна.
Чтобы этого кто назвать не могъ безосновнымъ,
Будь стойка, и меня такъ же какъ вѣрность храни!
Ибо, пока я стоялъ, безъ гнусныхъ лишь обвиненій
Пребывала вполнѣ честь безупречна твоя.
Нынѣ раскрылось тебѣ съ моимъ паденіемъ поле;
Свѣтлое зданье пусть здѣсь доблесть воздвигнетъ твоя!
Тамъ быть хорошей легко, гдѣ нѣтъ, что такой быть мѣшаетъ,
И помѣхи въ дѣлахъ вовсе не знаетъ жена;
Но если богъ возгремѣлъ, не спасаться тогда отъ ненастья,
Вотъ это вѣрность, и вотъ брачная точно любовь.
Доблесть рѣдка между тѣмъ, которой не правитъ Фортуна,
Та, что коль эта бѣжитъ, твердо стоитъ на ногахъ.
Если награду сыскать она въ самой себѣ ищетъ
И непреклонно стоитъ между нерадостныхъ дѣлъ,
Какъ ты время сочтешь, то о ней не умолкнутъ столѣтья,
И подивятся мѣста, къ коимъ есть путь по землѣ.
Видишь, какъ въ позднихъ вѣкахъ хранитъ похвальная вѣрность
Пенелопы ея имени свѣточъ поднесь?
Посмотри ты, какъ женъ Адмета и Гектора славятъ
И Ифіаду, что шла смѣло въ горящій костеръ;

XIV, 37. Алцесту и Андромаху. XIV, 38. *Ифіаду*, дочь Ифія Эвадну, см. IV, 3, ст. 63.

Такъ же какъ слава жива Филакейской супруги, которой
Мужъ Иліонской земли легкой коснулся ногой?
Мнѣ не смерть за меня нужна, а чувство и вѣрность:
Не въ затрудненьяхъ тебѣ славу искать предстоитъ.
Не подумай, что я внушаю, чего не творишь ты!
Ставлю вѣтрила, хотя судно на веслахъ идетъ.
Кто, чтобы дѣлала ты, что ужь дѣлаешь, увѣщеваетъ,
Хвалитъ и, давши совѣтъ, лишь одобряетъ что есть.

XIV, 39. *Филакейской супруги*, Протезилая, см. эт. кн. эл. 5, ст. 58.

